

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 12 раз в год

Т. 21,
вып. 11
(163)

2016

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- 7 *А.В. Окатов* Социологическая концепция Ф. Тённиса как теоретическая основа изучения институционализации и функционирования современных общественных организаций

КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА

- 14 *Л.Н. Макарова* Индивидуальность и типология преподавателя вуза: возможности взаимосвязи

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

- 22 *И.Ю. Пугачев,
Ю.Ю. Кораблев,
Э.М. Османов* Тенденция усиления роли организаторско-управленческого компонента в деятельности военных специалистов по физической подготовке
- 36 *О.С. Пудовкина,
А.Ю. Кейно* Динамика морфологических показателей и специальной подготовленности юных лыжников

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

- 46 *С.С. Загайнов,
П.Д. Митчелл* История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра
- 52 *О.О. Амерханова* Особенности обучения иностранному языку в аспирантуре на основе тандем-метода
- 63 *Е.Н. Потапова* Характеристики корпоративных языковых курсов
- 73 *И.В. Харламенко* Использование вики-технологии для организации совместной работы по составлению вики-гlossария терминов специальности силами студентов неязыкового вуза

МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- 82 *М.И. Долженкова* Сущность и специфика феномена клуббинга в современной досуговой культуре
- 89 *Т.Г. Бортникова* Проблемы культурной адаптации иностранных студентов в поликультурной среде российских вузов (на материале опроса студентов-иностранцев Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина)
- 95 *С.В. Гуськова,
В.Н. Левина* Методика исследования культурных ценностей и поведенческих приоритетов студенческой молодежи, формируемых под воздействием материалов конвергентных средств массовой информации

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- 103 *Д.У. Ахмедова* Изменение демографической структуры населения Дагестана в конце XIX – начале XX в. под влиянием миграционных процессов
- 109 *А.О. Багдасарян* Защита населения от химического оружия в годы Первой мировой войны
- 116 *В.П. Семьянинов,
П.В. Семьянинов* О факторах организующей роли государства в российских условиях
- 123 *Т.С. Пронина* Историко-сравнительный анализ религиозности позднего советского периода в контексте возрождения религии в постсоветской России: на примере Тамбовской и Свердловской областей

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- 135 *Л.В. Антонова* «Новые Англии в южноафриканских одеждах» – Капская колония и Наталь на Колониальной и Индийской выставке 1886 г. в Лондоне
- 142 *Н.Ю. Жуковская* Канада и Международная организация труда: к вопросу об изменении внешнеполитического статуса доминиона в ходе Парижской мирной конференции 1919 г.
- 148 *Г.А. Ханнанова* Внешняя политика ФРГ на современном этапе: корректировка парадигмы
- 157 *И.В. Дьячков* Перемены в КНДР: незаметная революция

ХРОНИКА

- 162 *В.Л. Дьячков,
В.В. Канищев,
Ю.А. Мизис* Конференция «Социальная история Второй мировой войны»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (научный редактор), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов, д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва), д. истории, проф. Тьерри Гробуа (г. Люксембург, Люксембург), д. пед. н., проф. М.И. Долженкова, д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород), д. ист. н., проф. В.В. Канищев, д. ист. н., проф. С.Г. Кащенко (г. Санкт-Петербург), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко, д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова, д. пед. н., проф. Т.Э. Мангер, д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис, д. педагогики, проф. П.Дж. Митчелл (г. Дерби, Великобритания); д. филос. н., проф. И.В. Налетова, д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва), д. пед. н., проф. О.Г. Поляков, д. ист. н., проф. В.В. Романов, д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва), доктор, проф. истории Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50435 от 3 июля 2012 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге агентства «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, М.И. Филатова.

Редакторы английских текстов: Т.А. Ковалева, Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2016. – Т. 21, вып. 11 (163). – 168 с. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)

Подписано в печать 10.09.2016. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 20,37. Тираж 1000 экз. Заказ № 1385. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2016
© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2016.
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за содержание публикаций несет автор.

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science

CONTENTS

HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

- 7 *A.V. Okatov* Sociological concept of F. Tönnies as theoretical basis of institutionalization and functioning of modern voluntary associations' study

PROFESSIONAL'S COMPETENCE

- 14 *L.N. Makarova* Individuality and typology of a lecturer of higher educational institution: interactability

THEORY AND METHODS OF PHYSICAL TRAINING TEACHING

- 22 *I.Y. Pugachev,
Y.Y. Korablev,
E.M. Osmanov* Tendency of organizational-manage role's component intensification in the activity of military specialists on physical training
- 36 *O.S. Pudovkina,
A.Y. Keyno* Dynamics of morphological indices and special preparedness of young skiers

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- 46 *S.S. Zagainov,
P.J. Mitchell* The history of the development of military phrase books as a small literary genre
- 52 *O.O. Amerkhanova* Features of foreign language teaching in graduate school based on the tandem-method
- 63 *E.N. Potapova* Characteristics of corporate language courses
- 73 *I.V. Kharlamenko* Using wiki-technologies as a tool for creating collaborative glossary of special terms by science students

METHODS OF SOCIOCULTURAL ACTIVITY ORGANIZATION

- 82 *M.I. Dolzhenkova* The essence and specifics of the phenomenon of clubbing in the modern leisure culture
- 89 *T.G. Bortnikova* The problems of foreign students' cultural adaptation in polycultural sphere of Russian institutes of higher education (basing on the material of Tambov State University named after G.R. Derzhavin foreign students' interrogation)
- 95 *S.V. Guskova,
V.N. Levina* Cultural values' studying methods and behavioral priorities of students' youth, formed under influence of convergent mass media

NATIONAL HISTORY

- 103 *D.U. Akhmedova* The change in the demographic structure of Dagestan population in the late XIX – early XX centuries under the influence of migration processes
- 109 *A.O. Bagdasaryan* The population's protection from chemical weapon during the World War I
- 116 *V.P. Semyaninov,
P.V. Semyaninov* About the factors of state's organizing role of in Russian conditions
- 123 *T.S. Pronina* Historical and comparative analysis of the later Soviet period's religiosity in the context of revival of religion in the post-Soviet Russia: basing on the example of the Tambov and Sverdlovsk regions

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

- 135 *L.V. Antonova* "New England in South African clothes" – Cape colony and Natal at Colonial and Indian Exhibition in London in 1886
- 142 *N.Y. Zhukovskaya* Canada and the International Labour Organization: the question of changing the foreign status of dominion at the Paris Peace Conference of 1919
- 148 *G.A. Khannanova* Foreign policy Federal of Republic of Germany at the modern stage: revision of the paradigm
- 157 *I.V. Dyachkov* Changes in DPRK: plain revolution

CHRONICLE

- 162 *V.L. Dyachkov,
V.V. Kanishchev,
Y.A. Mizis* Conference "Social history of World War II"

RULES FOR AUTHORS

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya Street)

EDITOR-IN-CHIEF Candidate of Law V.Y. Stromov.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev (Scientific Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of History, Professor A.G. Airapetov, Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigoreva (Moscow), Doctor of History, Professor Thierry Grosbois (Luxembourg, Luxembourg), Doctor of Pedagogy, Professor M.I. Dolzhenkova, Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev, Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (St. Petersburg), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko, Doctor of Pedagogy, Professor

L.N. Makarova, Doctor of Pedagogy, Professor T.E. Manger, Doctor of History, Professor Y.A. Mizis, Doctor of Pedagogy, Professor P.J. Mitchell (Derby, Great Britain), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova, Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow), Doctor of Pedagogy, Professor O.G. Polyakov, Doctor of History, Professor V.V. Romanov, Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow), Doctor, Professor of History Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov.

Editors address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-50435 from 3 July, 2012.

Subscription index in the catalogue of the agency JCS “Rospechat” is 83371.

Editors: E.Y. Zakomoldina, M.I. Filatova.

English texts editors: T.A. Kovaleva, E.A. Finaeva.

Computer layout T.Y. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2016. – Vol. 21, Issue 11 (163). – 168 p. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)

Подписано в печать 10.09.2016. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 20,37. Тираж 1000 экз. Заказ № 1385. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© FSBEI of HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2016

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2016.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

УДК 316.272

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. ТЁННИСА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© Александр Владимирович ОКАТОВ

кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой
теоретической и прикладной социологии

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: okatov32@gmail.com

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью поиска новых подходов к изучению современных общественных организаций как системообразующего института гражданского общества. Цель исследования состоит в выявлении эвристического потенциала ключевых категорий социологической концепции Ф. Тённиса в осмыслении бытия и функционирования современного гражданского общества. Основано на общих принципах системного, структурного и деятельностного подходов. Были использованы как работы классиков социологической мысли, так и труды современных социологов, занимающихся проблематикой гражданского общества. Результатом исследования стал комплексный анализ социологической концепции Ф. Тённиса в контексте становления классической социологической теории. Охарактеризованы общность и общество как полярные социальные типы и этапы социальной эволюции. Выявлены общие и особенные черты сущностной и избирательной типов воли. Проанализирована логика исторического процесса, заключающаяся в постепенном переходе от солидарности общностного типа к солидарности общественной. Обоснован тезис о возможности использования понятий «общность» и «общество» для описания и анализа механизмов генезиса и эволюции институтов современного гражданского общества. Представлен новый взгляд на сущность общественных организаций как естественно-искусственных структур. Сквозь призму социологической концепции Ф. Тённиса рассмотрен процесс институционализации общественных организаций как трансформация естественных спонтанных компонентов под воздействием искусственных факторов.

Ключевые слова: «общность»; «общество»; сущностная воля; избирательная воля; гражданское общество; общественные организации

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-7-13

Выдающийся немецкий социолог конца XIX – начала XX века Фердинанд Тённис (1855–1936) считается одним из создателей (вместе с Г. Зиммелем) формальной социологии. Представители данного направления особое значение придавали форме, структурированию и классификации общественных явлений и процессов [1, с. 255]. В работе «Общность и общество» (1887) Ф. Тённис рассматривает два полярных типа социальных связей: общность и общество, которые выступают этапами социальной эволюции. Мы полагаем, что общность и общество как чистые социальные формы могут послужить основой для описания и объяснения механизмов формирования и функционирования

институтов современного гражданского общества в целом и общественных организаций в частности.

Выделение двух противоположных по содержанию типов общества характерно для классической социологической традиции. Так, например, Г. Спенсер рассматривал военное и промышленное общества. В военном обществе принципы армейской организации распространяются на все сферы жизни, деятельность индивидов подчинена устоявшимся социальным нормам, а структура общества основана на предписанных статусах. Люди в таком обществе малоинициативны и с опаской относятся к любым изменениям. Если в военном обществе кооперация между индивидами базируется на принуждении, то в промышленном она носит добровольный характер. Социальная организация промышленного общества гибка и подвижна, в ста-

¹ Исследование осуществлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации. Грант № МК-6359.2015.6, проект «Современное гражданское общество сквозь призму классических социологических теорий», 2016 г.

тусном наборе типичного индивида преобладают достигаемые статусы [2, с. 373-374].

Э. Дюркгейм выделял традиционный («сегментарный») и современный («организованный») типы общества. Для сегментарного типа характерна механическая солидарность. Сегмент, согласно Э. Дюркгейму, представляет собой обособленную группу, члены которой тесно взаимосвязаны. Индивиды в традиционном обществе практически не отличаются друг от друга, разделяют одни и те же верования, ценности и идеалы. Они полностью подчинены сообществу, следуют древним священным ритуалам и готовы пожертвовать собой ради семьи и города [3, с. 205]. Схожесть индивидов порождает социальное единство [4, с. 140-141]. Современное общество основано на органической солидарности: люди свободны, но в то же время функционально связаны между собой. Принцип, объединяющий индивидов, – разделение труда. Сплоченность коллектива рождается вследствие дифференциации и объясняется ею [5, с. 127].

У Ф. Тённиса термин «общность» также используется для обозначения традиционного типа общества, а «общество» – современного. Однако, если Г. Спенсер и Э. Дюркгейм характеризуют современный тип общества как более совершенный, гуманный и эффективный, нежели традиционный, Ф. Тённис рассматривает «общность» и «общество» просто как полярные социальные типы, не возвышая при этом «общество» и не умаляя преимуществ «общности».

На формирование взглядов Ф. Тённиса существенное воздействие оказали теория воли А. Шопенгауэра и психологическая концепция В. Вундта. Возможно, под их влиянием немецкий социолог выбрал в качестве основания для классификации социальных форм волевые отношения [6, с. 15]. Ф. Тённис рассматривает волю не как психологический феномен, а как морально-нравственное явление, как источник и причину социальных действий индивидов. Каждому типу социальных связей соответствует свой тип воли. Общность базируется на сущностной воле, а общество – на избирательной.

Профессор социологии Гамбургского университета А. Дайксель, занимающийся изучением теоретического наследия Ф. Тённиса, характеризует первый тип воли (сущ-

ностную) как «волю сущности, так сказать, волю целого», который «определяет все аспекты социальной жизни». Второй тип воли (избирательная) «означает иной тип действия интегрирующего фактора, ослабление социальной воли, расчленение ее на множество частных суверенных волей, механически сочетающихся в целое общественной жизни» [7, с. 111].

Сам Ф. Тённис рассматривает сущностную волю как «психологический эквивалент человеческого тела, или принцип единства жизни». Данный тип воли, по мнению немецкого социолога, включает в себя мышление «подобно тому, как организм содержит в себе те клетки большого мозга, возбуждение которых следует понимать как соответствующий мышлению физиологический процесс» [8, с. 131-132]. Избирательная воля, напротив, сама выступает результатом мыслительного процесса, «потому собственно действительность присуща ей лишь в связи с ее носителем – субъектом мышления, хотя эта действительность может быть познана и признана другими как таковая» [8, с. 132].

Оба типа воли, утверждает Ф. Тённис, формируют предрасположенность к определенным видам деятельности. Сущностная воля основывается на традициях и обычаях, черпая мотивацию для социального поведения из прошлого. Избирательная воля, напротив, ориентируется на будущее. Она нацелена на разработку рационального плана действий. При этом сущностная воля органично вплетается в ткань самой деятельности, служа источником энергии для нее и придавая форму социальным отношениям. Избирательная воля находится вне деятельности, предшествуя ей [8, с. 133].

Общность представляет собой тип отношений или связи, которую Ф. Тённис характеризует как «реальную и органическую жизнь». Общество – «идеальное и механическое образование» [8, с. 9-10]. В общности преобладают тесные эмоциональные социальные контакты, первичные социальные связи. Общество – это публичные общественные отношения, объективный социальный мир. «В общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях. В общество же мы отправляемся как на чужбину» [8, с. 10]. Общность, по мнению Ф. Тённиса, является

естественным социальным образованием, органическими единством. Социолог даже называет ее живым организмом. Общество же, напротив, выступает чем-то внешним для индивида. Данный тип социальной связи во многом искусственен.

Связь, объединяющая людей в рамках общности, полагает Ф. Тённис, естественна и органична. Немецкий социолог использует термин «товарищество» для обозначения данного типа связи. В обществе, напротив, связь носит инструментально-рациональный характер. Ее результатом, по мнению Ф. Тённиса, выступает «объединение», созданное ради определенных целей. Таким образом, «товарищество может быть описано и понято только как продукт природы, как нечто становящееся, имеющее определенное происхождение и определенные условия своего развития... Напротив, объединение есть мысленно сконструированная, или вымышленная сущность, которая служит своим учредителям для того, чтобы в тех или иных отношениях выражать их общую избирательную волю: здесь в первую очередь нужно ставить вопрос о цели, для которой оно предназначается в качестве средства или причины. Далее оно применяется к понятию государства как универсального общественного объединения» [8, с. 343-344]. Если товарищество основано на взаимопонимании, то «объединение покоится на совокупности контрактов, которые каждый его субъект заключает» [8, с. 345].

Ф. Тённис утверждает, что «теория общности исходит из совершенного единства человеческих волю как изначального или естественного состояния...» [8, с. 16]. Среди наиболее значимых общностных отношений, обусловленных происхождением и родовой принадлежностью, немецкий мыслитель выделяет отношения между матерью и ребенком, отношения между мужем и женой, отношения между братьями и сестрами. Отдельно социолог рассматривает отношения между отцом и детьми, специфика которых заключается в более слабом природном инстинкте (по сравнению с отношениями между матерью и ребенком), а также в использовании власти и насилия, что, по мнению Ф. Тённиса, можно рассматривать как атрибуты неравенства [8, с. 19-20]. «Поэтому отцовство выступает как наиболее чистое ос-

нование идеи господства в рамках общности, где оно означает не использование и употребление на благо господина, а воспитание и научение как завершающую стадию порождения; приобщение, исходящее от полноты собственной жизни, на которое лишь постепенно может быть получен ответ подрастающего поколения и тем самым учреждено отношение подлинной взаимности» [8, с. 20].

Мы полагаем, что понятия «общность» и «общество» можно использовать для характеристики бытия и функционирования общественных организаций как системообразующего института современного гражданского общества. При этом общественным организациям свойственны черты обеих типов социальности, выделенных Ф. Тённисом. С одной стороны, общественные организации – это естественные объединения людей, построенные на общности взглядов и первичных социальных контактах, с другой – это искусственно созданные социальные группы институционального характера, цель которых состоит в реализации интересов членов общественного объединения, а средством достижения этой цели выступают рациональные социальные действия.

По нашему мнению, описание структуры общности и общества позволит по-новому взглянуть на общественные организации. Общность, по мнению Ф. Тённиса, не является чем-то монолитным и однородным. Она развивается и предстает в различных ипостасях, которые впоследствии закрепляются в качестве ее основных типов. Данными типами, по Ф. Тённису, выступают: 1) родовые отношения, 2) соседские отношения и 3) дружеские отношения [8, с. 25-26].

Родовые отношения зиждутся на кровнородственных и эмоционально-психологических связях, находя свое символическое выражение в образе дома, в котором «все проживают вместе под одной сберегающей крышей, вместе владеют и пользуются своим добром», а «мертвые почитаются как незримые духи, будто они все еще сильны и пекутся о своих присных, витая над их головами, так что общий страх и почитание еще больше сплачивают мирную совместную жизнь и совместное действие» [8, с. 26]. Родовые отношения реализуются в рамках семейной жизни, основываясь на единомыслии и взаимопонимании. Основным субъектом

семейной жизни, по Ф. Тённису, является народ. Ведение домашнего хозяйства выступает главной функцией семейных отношений, что обусловлено «расположенностью, а именно склонностью и любовью ко всякому порождению, созиданию, сохранению» [8, с. 378].

Соседские отношения формируются в деревне, где компактно проживающие индивиды вовлечены в многочисленные социальные контакты. Совместный труд, общий сельскохозяйственный рынок, общая вера и традиционные ценности сближают людей. Соседские связи не такие крепкие, как семейные (родовые). Тем не менее, сила их велика [8, с. 26-27]. Деревенская жизнь опирается на обычай и имеет в качестве своего субъекта «интегральное существо». Главным видом деятельности является земледелие, которое основано на привычке и регулярно повторяющемся труде [8, с. 378].

Дружба, по мнению Ф. Тённиса, не зависит от родства и соседства. Она связывает людей, занятых в одной сфере и имеющих схожие интересы и взгляды. «...Такие узы, несомненно, завязываются и поддерживаются благодаря беспрепятственному и частому единению, каковое с наибольшей вероятностью может происходить в городе...» [8, с. 27]. Городская жизнь обусловлена религией. Ее субъект – церковь. Наиболее характерным занятием здесь выступает «искусство». Оно основано на памяти, усвоенных правилах и собственных идеях [8, с. 378-379].

В социальных взаимодействиях и отношениях, складывающихся между участниками добровольных объединений, можно обнаружить черты всех вышеперечисленных типов общностных связей. Для многих общественных организаций также характерны тесные эмоционально-психологические отношения, обусловленные пространственной близостью индивидов, а стало быть, и общностью взглядов, социальных установок и проблем. Кроме того, у членов общественных организаций есть общие интересы и ценности, определяющие порядок и способ достижения целей общественного объединения.

Волю, составляющую основу общности, Ф. Тённис сводит, в конечном счете, к взаимопониманию (консенсусу) и единодушию. Именно во взаимопонимании, утверждает немецкий социолог, заключается социальная сила, удерживающая индивидов вместе и

формирующая на основе взаимной симпатии социальное единство [8, с. 33, 36]. Современные общественные организации также базируются на согласии и взаимопонимании, которые выступают главными интегрирующими факторами и значимым социальным ресурсом.

Общество, согласно Ф. Тённису, представляет собой группу индивидов, которые проживают на одной территории, не образуя при этом социальное единство. Если в общности люди «остаются связанными, несмотря ни на какие разделения», в обществе «они остаются разделенными, несмотря ни на какие связи». В обществе «каждый выступает только за себя, а в состоянии повышенной напряженности – и против всех прочих» [8, с. 63]. Немецкий мыслитель отмечает, что в обществе развито разделение труда, все сферы деятельности изолированы друг от друга. Все это приводит к обособленности индивидов и отсутствию тесных социальных контактов, которые могут быть интерпретированы как посягательство на личную жизнь и проявление враждебности.

В эволюции общества Ф. Тённис также выделяет три стадии.

1. Крупногородская жизнь, базирующаяся на конвенции. Ее субъектом является «общество как таковое», а главным занятием – торговля, которая основывается на осмотрительности, внимании, расчете и сравнении.

2. Национальная жизнь, проявляющая себя в политике. Субъектом здесь выступает государство. Основной вид деятельности представлен промышленностью, системообразующий принцип которой – рациональное управление.

3. Космополитическая жизнь, находящая свое выражение в публичном мнении. Ее субъект – «республика ученых», а наука – главное занятие. Именно наука, согласно Ф. Тённису, выступает здесь основным источником информации для обывателей и составляет базис мировоззрения [8, с. 378-380].

Логика исторического развития, по мнению Ф. Тённиса, заключается в постепенном переходе от общности к обществу. Общность при этом «сохраняет свою – пусть и убывающую – силу и остается реалией социальной жизни также и на протяжении общественной эры» [8, с. 380]. Складывание общно-

сти немецкий социолог связывает с началом оседлой жизни, формирующимися отношениями соседства и совместным занятием земледелием. Постепенно теряют свою силу родовые и кровные связи. Переход к обществу, по Ф. Тённису, тесно связан с процессом урбанизации, в ходе которого «деревни развиваются в города».

Несмотря на то, что в обществе каждый сам за себя и индивиды не склонны помогать друг другу, не рассчитывая при этом на вознаграждение, Ф. Тённис допускает формирование в рамках общества сплоченных объединений, членство в которых основано на взаимном согласии и солидарности. «...Несколько человек могут объединиться для выполнения одинаковой направленной вовне деятельности, в ходе которой каждый пользуется действительными услугами другого как помощью с его стороны. В конце концов, эти несколько человек могут достичь согласия в том, чтобы мыслить это свое объединение как реально существующую и независимую сущность, обладающую той же индивидуальной природой, что и они сами...» [8, с. 80].

В «Общности и обществе» Ф. Тённис поднимает проблему гражданского общества, основой которого, по мнению социолога, выступает конвенция и естественное право. Мы полагаем, что гражданское общество в трактовке Ф. Тённиса наиболее точно выражает суть общественного типа социальности. Гражданское общество, отмечает мыслитель, включает в себя множество независимых, но тесно взаимодействующих между собой индивидов. Данное взаимодействие принимает форму сотрудничества и конкуренции. Ф. Тённис согласен с определением гражданского общества, предложенным выдающимся шотландским экономистом А. Смитом, согласно которому это «общество обмена», где «каждый человек – торговец» [8, с. 81-82].

Ф. Тённис обратил внимание на постоянный рост общества, включение в его сферу все новых сфер жизнедеятельности индивидов. «Возможность установления общественных отношений не предполагает ничего, кроме множества голых индивидуумов, способных что-либо совершить, а потому также и что-либо пообещать друг другу. Поэтому общество как то целое, на которое должна распространяться система конвенциональных правил, по своей идее ничем не ограни-

чено; оно постоянно взламывает все свои действительные и случайно возникающие границы» [8, с. 83].

Похожую мысль почти век спустя высказал соотечественник Ф. Тённиса Ю. Хабермас, который анализировал взаимодействие между «жизненным миром» и «системой». «Жизненный мир», рассматриваемый Ю. Хабермасом как нетематизированный горизонт значений, составляющий основание жизненного опыта индивида, коррелирует с «общностью» Ф. Тённиса. Понятие системы как способа интеграции индивидов и регулятора непреднамеренных последствий стратегического действия посредством рыночного и бюрократического механизмов, ограничивающих пределы свободного волеизъявления, в свою очередь, близко понятию общества [9, с. 57-58].

Как уже было отмечено, современные общественные организации занимают «пограничную территорию» между общностью и обществом. Возникая в рамках общностных отношений, дабы решить проблемы, которые затруднительно решить посредством институциональных способов, общественные организации впоследствии переходят во внешний мир, в общество, так как только механизмы, существующие в рамках общества, а именно механизмы адаптации к внешней среде, бюрократический и рыночный механизмы способны обеспечить общественной организации достижение целей [10, с. 110].

Нормальным состоянием общества является всеобщая конкуренция и соперничество во всех сферах жизни. Однако, стремясь к выгоде, конкуренты могут договориться о прекращении «активных боевых действий» или даже объединиться, создав тем самым коалицию. Существенной чертой гражданского общества является, по мнению Ф. Тённиса, «конвенциональная общительность», основанная на принципе взаимовыгодного обмена [8, с. 84].

Для многих современных общественных организаций не характерна инструментальная рациональность, которая, по мнению Ф. Тённиса, является непременным атрибутом гражданского общества. Члены некоммерческих организаций зачастую не ожидают ответных подарков или благ в ответ на оказываемые услуги. Этим отношения в современных НКО отличаются от типичных

«общественных» отношений, основанных «на сравнении возможной и предложенной услуги» [8, с. 85].

Таким образом, теоретическая схема, предложенная Ф. Тённисом, позволяет рассматривать процесс институционализации общественных организаций, который совпадает по времени с рационалистическим периодом развития гражданского общества. Результатом данного процесса явилось переосмысление места и роли личности в гражданском обществе. Опираясь на представления об общинном и общественном типах социальных связей, мы можем выявить закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные их включением в общественные организации. Кроме того, дихотомия «общность – общество» позволяет охарактеризовать формы взаимодействия людей и типы межличностных отношений, сложившиеся в рамках общественной организации, а также описать процесс формирования социальных установок личности под влиянием организационной среды, средств коммуникации в добровольном объединении и др.

Процесс институционализации общественных организаций, рассмотренный сквозь призму социологической концепции Ф. Тённиса, можно трактовать как трансформацию естественных спонтанных компонентов (соответствующих общностному типу отношений) под воздействием искусственных факторов (то есть «общественных» факторов), представляющих процесс сознательного выбора субъекта социокультурной деятельности, в естественно-искусственные структуры гражданственности как особого состояния сознания и поведения людей, которое достигается в результате осуществления родовой, то есть свободной и творческой деятельности человека. Общественные организации формируются и развиваются как своеобразное сочетание искусственных начал системного мира и естественных начал жизненного мира, образуя своего рода модель интеграции естественно-искусственного типа, в которой согласуются между собой типичные «общественные» черты (системность, целесообразность, функциональная полезность, эффективность) и «общностные» характеристики (жизненность, взаимопонимание, сотрудничество и взаимная выгода, индивидуальное существование субъектов в целом и др.). В

результате образуется новая система отношений, соединяющая право как инструмент регулирования жизненных начал и нравственность в единый нравственно-правовой комплекс, который и обозначается понятием «гражданственность».

Список литературы

1. Кукушкина Е.И. История социологии. М.: Инфра-М, 2014.
2. Спенсер Г. Основания социологии: Данные социологии. Индукция социологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
3. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009.
4. Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. СПб.: Алетейя, 2001.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990.
6. Полякова Н.Л., Афанасьев В.В. Немецкая социология. М.: Изд-во «Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. 448 с.
7. Дайксель А. Фердинанд Тённис // Немецкая социология / под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003.
8. Тённис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.
9. Окатов А.В. Общественные организации в регионе: традиции и инновации. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006.
10. Налетова И.В., Окатов А.В. Гражданское общество и культура: особенности взаимодействия. Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012.

References

1. Kukushkina E.I. *Istoriya sotsiologii* [History of Sociology]. Moscow, Infra-M Publ., 2014. (In Russian).
2. Spenser G. *Osnovaniya sotsiologii: Dannye sotsiologii. Induktiya sotsiologii* [Sociology Principles: Sociology Data. Sociology Inductions]. Moscow, Book House "Librokom", 2013. (In Russian).
3. Kollinz R. *Chetyre sotsiologicheskikh traditsii* [Four Sociological Traditions]. Moscow, Publ. house "Territoriya budushchego", 2009. (In Russian).
4. Osipova E.V. *Sociologiya Emilya Dyurkgeyma* [Sociology of Emile Durkheim]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001. (In Russian).
5. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labor. The Method of Sociology]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian).

6. Polyakova N.L., Afanasyev V.V. *Nemetskaya sotsiologiya* [German Sociology]. Moscow, "Kanon + RPOD "Reabilitatsiya", 2010. 448 p. (In Russian).
7. Dayksel A. Ferdinand Tennis [Ferdinand Tönnies]. *Nemetskaya sotsiologiya* [German Sociology], ed. R.P. Shpakova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. (In Russian).
8. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. St. Petersburg, "Vladimir Dal" Publ., 2002. (In Russian).
9. Okatov A.V. *Obshchestvennyye organizatsii v regione: traditsii i innovatsii* [Voluntary Associations in Region: Traditions and Innovations]. Tambov, Pershin R.V. Publ., 2006. (In Russian).
10. Naletova I.V., Okatov A.V. *Grazhdanskoe obshchestvo i kul'tura: osobennosti vzaimodeystviya* [Civil Society and Culture: specifics of interaction]. Tambov, TRPO "Business-Science-Society", 2012. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2016 г.
Received 2 July 2016

UDC 316.272

SOCIOLOGICAL CONCEPT OF F. TÖNNIES AS THEORETICAL BASIS OF INSTITUTIONALIZATION AND FUNCTIONING OF MODERN VOLUNTARY ASSOCIATIONS' STUDY

Aleksander Vladimirovich OKATOV

Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Theoretical and Applied Sociology Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: okatov32@gmail.com

The relevance of the topic is determined by the need to find new approaches to the study of modern voluntary associations as a basic institute of civil society. The purpose of the study is to identify the heuristic potential of the key categories of F. Tönnies' sociological concept in understanding the existence and functioning of a modern civil society. The system, structural and activity approaches are used. The works of classics of sociological thought and the works of modern sociologists, engaged in civil society issues, are used. The result of the study is a comprehensive analysis of F. Tönnies' sociological concept in the context of the formation of the classical sociological theory. The community and the society as a polar social types and stages of social evolution are characterized. The general and specific features of the essential and selective types of will are revealed. The logic of the historical process as the gradual transition from a communal solidarity to social solidarity is analyzed. The thesis of the possibility of using the concepts community and society for describing and analyzing the mechanisms of the genesis and evolution of the institutions of a modern civil society is substantiated. A new look at the nature of civil society organizations as a natural-artificial structures is represented. The process of institutionalization of civil society organizations as the transformation of the natural spontaneous components under the influence of artificial factors is studied through the prism of the sociological concept of F. Tönnies.

Key words: "community"; "society"; essential will; selective will; civil society; non-governmental organizations

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-7-13

Информация для цитирования:

Окатов А.В. Социологическая концепция Ф. Тённиса как теоретическая основа изучения институционализации и функционирования современных общественных организаций // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 7-13. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-7-13.

Okatov A.V. Sotsiologicheskaya kontseptsiya F. Tennisa kak teoreticheskaya osnova izucheniya institutsionalizatsii i funktsionirovaniya sovremennykh obshchestvennykh organizatsiy [Sociological concept of F. Tönnies as theoretical basis of institutionalization and functioning of modern voluntary associations' study]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 7-13. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-7-13. (In Russian).

УДК 378.09

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ

© Людмила Николаевна МАКАРОВА

доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой педагогики и образовательных технологий
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: mako20@inbox.ru

Рассмотрен преподаватель вуза как субъект педагогической деятельности с позиции акмеологического подхода. Проанализирована важность субъектного развития педагога, способного осуществлять саморегуляцию и саморазвитие в процесс личностно-профессионального становления. Обосновано, что активность педагога проявляется в постоянном разрешении противоречия между той высокоорганизованной живой системой, которую представляет он сам (как интегральная индивидуальность) и объективными условиями профессиональной деятельности. Конструктивность его профессионально-педагогической деятельности неотделима от его субъективной активности, благодаря которой педагог самореализует себя как личность. Необходимо создать обстоятельства, благодаря или вопреки которым преподаватель принимает решение действовать активно и самостоятельно. Обоснована актуальность проблемы установления взаимосвязи между индивидуально-психическими различиями преподавателей вузов и соответствующими им типами личности. Подробно проанализированы сложности, возникающие при выявлении индивидуально-типологических особенностей педагога высшей школы. Рассмотрены существующие стратегии к выявлению типов личности: конституционально-антропометрическая, факторная, блочная, социоцентрическая, мотивационно-динамическая, выявлены их преимущества и ограничения. Обосновано понятие «тип индивидуальности преподавателя вуза». Рассмотрено применение теории интегральной индивидуальности к выявлению индивидуально-типологических особенностей преподавателя вуза.

Ключевые слова: преподаватель вуза; индивидуальность; индивидуально-типологические особенности; субъект профессиональной деятельности; психологические различия; индивидуально-типологический подход; акмеология

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-14-21

Какие бы модернизации и преобразования не происходили в современной высшей школе, все они, прежде всего, связаны с особенностями личности преподавателя вуза, педагога и ученого, культурного интеллектуала, имеющего адекватное философское представление о жизненно важных проблемах современности и понимание социально-политической сути явлений, имеющих место в реальной жизни. Талант и интеллект преподавателей вузов, их творческий потенциал представляют собой значительную ценность и должны быть своевременно востребованы и рационально использованы обществом [1].

Понимание преподавателя как субъекта профессионально-педагогической деятельности включает три основных компонента: сознание как отражение действительности; деятельность как преобразование действительности и творчество как создание чего-то нового, оригинального. Именно в деятельности формируются познавательная (восприятие, память, мышление, внимание), волевая и

эмоциональная сферы психики. Таким образом, мы считаем необходимым рассматривать «преподавателя-деятеля» – субъекта профессионально-педагогической деятельности, стремящегося к достижению ее целей на основе обеспечения профессионального соответствия ее требованиям и развития своих индивидуальных качеств [2].

Проблема преподавателя как субъекта профессиональной деятельности в системе субъект-субъектных отношений делает особо актуальной идею субъектного развития педагога, способного осуществлять саморегуляцию и саморазвитие. Использование идей акмеологии (О.С. Анисимов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Ю.А. Гагин, Н.В. Кузьмина, Л.С. Подымова, Н.Н. Рыбников, В.А. Сластенин), изучающей феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости при его стремлении к достижению наиболее высокого уровня в этом развитии, позволяет нам теоретически

осмыслить сущность преподавателя вуза как субъекта профессионального труда.

Рассмотрим базовые положения, необходимые для этого. Понятие субъекта – это специфический способ организации, под которой понимается качественная определенность, целостная система (С.Л. Рубинштейн). Биологические способы организации объективны и радикально не могут быть изменены, но исключительность человека заключается именно в том, что он, как субъект, обладает уникальной способностью изменять различные способы собственной организации по отношению к объективно существующим. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, «организация личностью своей активности сводится к ее мобилизации, согласованию с требованиями деятельности, сопряжению с активностью других людей. Эти моменты составляют важнейшую характеристику личности как субъекта деятельности. Они выявляют личностный способ регуляции деятельности, психологические качества, необходимые для ее осуществления» [3, с. 157].

Особое значение для нас имеет уникальная способность субъекта изменять различные способы собственной организации по отношению к объективно существующим [4]. Однако далеко не всегда субъект имеет представление о более совершенных способах самоорганизации, то есть реально он находится в пространстве между двумя полюсами: от реального, часто совершенно неоптимального, до идеального способа самоорганизации. Активность преподавателя как субъекта, целенаправленный характер которой представляет профессиональную деятельность, разворачивается именно в этом «реально-идеальном» пространстве.

Следует отметить, что характерной особенностью преподавателя как субъекта является то, что его сущность связана не только с целостностью и упорядоченностью, но и с разрешением противоречий. Активность педагога проявляется в постоянном разрешении противоречия между той высокоорганизованной живой системой, которую представляет он сам (как интегральная индивидуальность), и объективными условиями профессиональной деятельности. В данном случае субъект и вырабатывает определенный способ организации своей деятельности, который зависит не только от его природных

особенностей, но и в значительной степени от его ценностей, установок, целей. Задачей субъекта становится приведение в соответствие (в относительных пределах) своих возможностей и ограничений с требованиями и условиями профессии, что он и осуществляет в порядке разрешения противоречий между своей системой организации и системой организации профессиональной деятельности.

Став субъектом профессиональной деятельности, преподаватель вырабатывает индивидуальный способ организации выполнения возложенных обязанностей, который представляет собой более или менее оптимальный интеграл профессиональной компетентности и объективных характеристик специалиста. То есть целостным образом согласуется вся система индивидуально-личностных особенностей с условиями деятельности, но это согласование осуществляется не в порядке установления взаимно-однозначного соответствия, а в процессе саморегуляции.

Саморегуляция обеспечивает актуализацию психических возможностей личности, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами деятельности. Прикладная акмеология связана именно с таким пониманием субъекта профессионального труда, с комплексным пространством деятельности человека, которое складывается из индивидуальных условий его функционирования, с одной стороны, конкретных социальных условий – с другой, и способов организации профессионального труда – с третьей.

Исходя из акмеологического подхода, мы рассматриваем преподавателя-субъекта не как идеальный образ, а как постоянное движение к нему через соотношение реальных характеристик индивидуального стиля деятельности педагога с оптимальной моделью самоорганизации. Преподаватель не просто реализует себя, совершая выбор между репродуктивными способами профессионально-педагогической деятельности, он качественно преобразует себя, снимает психологические барьеры, переосмысливает свои профессиональные ожидания, ищет возможности для развития профессионально-значимых качеств, вырабатывает собственный стиль, конструирует индивидуальную траекторию развития в профессиональной деятельности.

В настоящее время особенно актуальной является проблема установления взаимосвязи между индивидуально-психическими различиями преподавателей вузов и соответствующими им типами личности. Анализ работ педагогов, психологов и физиологов различных научных школ подтверждает возможность установления подобного соотношения, так как экспериментальным путем многие ученые пытаются найти «обобщенные индивидуальности», объединить их по принципу сходства в определенные общности – типы конституции, темперамента и т. д., то есть осуществить индивидуально-типологический подход.

Сложность данной идеи заключается, прежде всего, в недостаточной разработанности самой проблемы типологии конституции организма. «К сожалению, – пишет В.М. Русалов, – мы еще далеки от знания точного количества типов общих конституций человеческого организма... До сих пор предметом многомерной классификации являются лишь наборы отдельных признаков, относящихся к тем или иным подсистемам человеческого организма, а не к общей конституции в целом, в которую следует включать и генетические, и биологические, и соматические, и нейрофизиологические данные человека» [5, с. 22]. В связи с вышесказанным несомненный интерес представляет выделение В.М. Русаловым понятия общей конституции наряду с частными (типа нервной системы, темперамента).

Можно выделить еще одну сложность в применении индивидуально-типологического подхода: даже в том случае, если определенный тип точно описывает какие-либо особенности поведения человека, он не описывает всего многообразия поведения. Кроме вышесказанного, не следует забывать и о сложившемся стереотипе: если люди принадлежат одному типу, то они должны быть похожи друг на друга во всем: в мыслях, словах, поступках, хотя любой тип означает только то, что те, кого называют флегматиками (например), имеют ряд строго определенных общих свойств, а в остальном эти люди могут быть очень разными. «Чистый тип» следует понимать как своеобразный временной гештальт, в котором одновременно представлено в сжатой форме множество разновероятных характеристик поведения,

темперамента, интеллекта, стиля деятельности личности.

Существующие подходы к изучению строения личности различаются не только терминологическими установками, но и тем, что в них служит предметом исследования. Опираясь на разнообразное понимание личности в разных научных школах, попытаемся наиболее обобщенно выделить основные признаки, по которым различаются мнения о личности.

В конституционально-антропометрической стратегии выполнены исследования Е. Кречмера, К. Конрада и У. Шелдона, объектом исследования которых является врожденная предрасположенность людей к реагированию, отождествляемая с темпераментом, как базой, ядром личности. В работах данного направления сделаны попытки установить определенные соотношения между разновероятными типами нервной системы. Эти типы – «локальные» проявления общей конституции, имеющие определенную генетическую природу, характеризующие особенности реактивности организма на воздействия среды, связанной с динамикой индивидуального развития.

Безусловно, нельзя отрицать связи типов телосложения с определенными чертами характера и социальным поведением индивида, но не следует искать природу этой связи в наследственной обусловленности. Сами по себе особенности телосложения не определяют развитие психических качеств человека, они могут выступать в качестве органических предпосылок, опосредованно влияющих на становление психических особенностей. Реальное же их влияние проявляется в системе межличностных отношений носителей телесных качеств.

Другой подход к выявлению типов личности можно пронаблюдать у представителей так называемой «факторной» стратегии изучения черт личности (Г. Айзенк, Дж. Гилфорд, Р. Кэттелл), создавших утрированно-формализованные личностные модели. Объект анализа в данном подходе – черты личности, по выбору которых исследователи судят о структуре личности в целом. Они выявляли поверхностные черты, корреляционные «плеяды» (Р. Кэттелл), отражающие особенности реагирования людей, и объединяли их в обобщенные исходные черты –

факторы, являющиеся причиной выступающих на поверхности реакций человека.

Действительно, диагностируя структуру личности, можно получить довольно полное представление о так называемых модальных формах личности, то есть о созвездии черт, характерном для той или иной популяции людей в определенной культуре. Но следует отметить явный недостаток данного подхода: если мы ограничимся только опросниками подобного вида, то в результате получим застывшую структуру, а следовательно, и застывший тип личности, что противоречит подходу к человеку как постоянно самоорганизующейся и саморазвивающейся системе.

В основе «блочной» стратегии лежит следующая идея: исследователь на основе наблюдений собирает структуру личности из выделенных «блоков», называемых уровнями или подструктурами. В качестве критерия выделения той или иной подструктуры берется мера выраженности биологического или социального. К.К. Платонов стремился охватить те и другие факторы в составе различных подструктур [6]. Хотя данный подход получил довольно широкое признание и распространение, но мы согласны с критическими высказываниями Л.И. Анцыферовой, А.Г. Асмолова, Б.Ф. Ломова и А.В. Петровского, которые говорят о необходимости преодоления двухфакторной трактовки, обращая внимание на следующий недостаток данной теории: выделяемые подструктуры очень часто сливаются и остается совершенно неясным, как проявляет себя личность в поведении.

Представители социоцентрической позиции Г. Мид, Т. Парсонс и другие рассматривают личность как продукт социализации человека (человек как носитель ролей, общественных отношений, член группы) и фактически сводят личность к ее социальной характеристике. Но с одной стороны, генетические особенности человека социально обусловлены хотя бы потому, что так или иначе могут осознаваться и поэтому детерминироваться человеком как социальным существом. С другой стороны, никакие его социальные функции не минуют своего природного носителя, следовательно, они обязательно детерминированы генетически.

Основоположники мотивационно-динамической стратегии изучения личности

К. Левин, А. Маслоу, Г. Мюррей, Г. Олпорт, К. Роджерс понимали личность как динамическую организацию таких психических функций индивида, которые определяют его уникальные реакции на окружающие условия, и считали мотивацию источником поведения личности. В данной концепции индивидуальные свойства занимают положения самого низкого базисного уровня, на котором под влиянием среды надстраиваются социальные потребности и влечения.

Признавая справедливость многих положений, высказанных представителями гуманистической психологии, мы, тем не менее, больше склоняемся к точке зрения В.С. Мерлина, который в своих исследованиях проводит мысль о невозможности однозначного выведения свойств личности из психодинамических индивидуальных свойств [7].

Индивидуальные свойства расположены не «под» и не «над» социальными качествами личности, а в конкретной совместной деятельности между людьми могут выступать и как необходимые предпосылки этой деятельности, совершенствуясь в ней, и как психофизиологические реализаторы деятельности, обеспечивающие достижения тех или иных целей, и как средства, считаясь с которыми и овладевая которыми личность оценивает свои возможности, выбирая разные по сложности классы задач. Данное положение является основополагающим при использовании нами идеи индивидуально-типологического подхода к рассмотрению индивидуальных траекторий развития преподавателя высшей школы и выяснению взаимосвязи между типом личности педагога и его влиянием на эффективность профессиональной деятельности.

Как это не покажется парадоксальным, но можно говорить о понятии «тип индивидуальности» (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Э. Шпрангер) преподавателя вуза, которое требует пояснения, ведь индивидуальность по самому существу своему в принципе не типологизируема. Потенциально – сколько педагогов, столько индивидуальностей. Поэтому «тип индивидуальности» преподавателя высшей школы следует понимать как устойчивую сумму тех или иных черт и свойств субъективности, но не ее целостный образ.

Составной частью индивидуально-типологического подхода к изучению личности преподавателя высшей школы являются ан-

трополого-психологические идеи, связанные с изучением изменчивости в его психике в связи с важнейшими антропологическими характеристиками: полом, возрастом, особенностями строения, типом нервной системы, темперамента, стихийно осуществляемой профессиональной деятельностью (Б.А. Никитюк).

Согласно данным идеям, наряду с особенностями психодинамики и нейродинамики детерминантами индивидуальных различий в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы могут быть более низкие по своей сложности уровни его интегральной индивидуальности. Индивидуальность интегральна, так как вышележащий уровень не подменяет собой, а интегрирует в своем содержании нижележащие. Поэтому специфически человеческим является не морфологический уровень, присутствующий и у животных, а высшие уровни – психологический, личностный и социально-психический.

Для нас существенным является положение о том, что наследственные задатки человека (нейродинамические и психодинамические свойства) не только раскрываются в процессе деятельности, но и формируются благодаря ей. «Результатом социальных влияний деятельности на психологические и психофизиологические особенности служат отличия, присущие людям разных профессий (профессиональные особенности). Они формируются... непосредственно под влиянием специфического для данной профессии рода деятельности» [8, с. 36-37].

Эмпирический и теоретический поиск оснований типических различий индивидуальности так или иначе связан с изменениями смысла категорий отражения и с отношениями человека к человеку и к миру (С.Л. Рубинштейн). Анализ этих отношений, понимаемых как «субъектно-субъектные» (Б.Ф. Ломов) и «субъектно-объектные» (А.Н. Леонтьев), приводят к возможности различных типологических подходов, вскрывающих причины наиболее существенных индивидуальных различий людей. В этом и состоит главное отличие индивидуально-типологического подхода от собирательно-типологического: первый является следствием научно-теоретического обобщения эмпирических данных, а не «пересказом жалоб»

(Л.С. Выготский) о трудностях преодоления бесконечной дробности индивидуальных качеств и особенностей.

Рассмотрим более подробно проблему индивидуально-психологических различий между людьми, которая является в психологии одной из фундаментальных. Наибольшее влияние на ее решение оказали работы В.С. Мерлина, В.Д. Небылицына и Б.М. Теплова [7; 9; 10], выполненные в рамках единой методологии, интегрирующей представления об основных уровнях организации индивидуальности. В качестве теоретической основы в этих исследованиях выступала концепция свойств нервной системы, разработанная И.П. Павловым, который ввел понятие «сила нервной системы», предположив, что оно связано с индивидуальным уровнем содержания гипотетического «возбудимого вещества», которое и определяет различия в поведении людей, прежде всего, в динамических аспектах.

На наш взгляд, можно выделить три основных класса подходов к исследованию индивидуально-психологических различий. Первый класс исходит из моделей мозга (нервной системы – Б.М. Теплов и В.Д. Небылицына), второй класс исходит из моделей поведения (В.М. Русалов и П.В. Симонов), третий класс относится к моделям человека (В.С. Мерлин). В пределах предмета нашего исследования имеет смысл более подробно остановиться на идеях В.С. Мерлина.

Подобно Б.М. Теплову и В.Д. Небылицыну, В.С. Мерлин рассматривал темперамент как структуру, относящуюся к формально-динамическому аспекту индивидуального поведения, относительно независимому от содержательного аспекта, и различал в структуре темперамента следующие ортогональные измерения: экстраверсию, психодинамическую тревожность, реактивность, импульсивность, активность, эмоциональную устойчивость, эмоциональную возбудимость и ригидность. В.В. Белоус выявил криволинейную связь между многими измерениями, обозначив ее термином «инвариант». Он полагает, что этот тип взаимоотношений имеет компенсаторную природу [11].

Однако, в отличие от своих коллег, В.С. Мерлин сосредоточил внимание не на отдельных измерениях темперамента, а на целых комплексах его свойств, определив

свою концепцию как интегральную теорию индивидуальности. Его идеи тесно связаны с философским определением индивидуальности, данным И.И. Резвицким, который трактовал ее как «...интегральное понятие, выражающее особую форму бытия индивидов, в рамках которой они обладают внутренней целостностью и относительной самостоятельностью, что дает им возможность активно (творчески) и своеобразным образом проявлять себя в окружающем мире на основе раскрытия своих задатков и способностей. В качестве индивидуальности человек является автономным и неповторимым субъектом сознания и деятельности, способным к самоопределению, саморегулированию, самосовершенствованию в условиях общества» [12, с. 38].

Индивидуальное, согласно В.С. Мерлину, производно от интеграции различных уровней свойств сложнейшей саморегулирующейся системы, которой является человек: организма, индивидуально-психических и социально-психических. В структуру свойств организма входят: биохимические, морфологические (связанные со строением человеческого организма), нейродинамические (свойства нервной системы) при ведущей роли последних по отношению к первым. В структуре индивидуально-психических свойств – психодинамические (темперамент) и ведущие по отношению к ним свойства личности (характер, способности и в особенности направленность, господствующая система мотивов, побуждений к деятельности: потребностей, интересов, убеждений). Свойства психики, производные от выполняемой человеком роли как члена общества, составляют третий уровень индивидуальности, социально-психический. Все три уровня интегрированы внутри себя и между собой посредством индивидуальных стилей.

Уровень развития индивидуальности сам по себе не представляет особого интереса, следует обращать внимание, прежде всего, на интегрированность свойств индивидуальности и выраженности индивидуального стиля деятельности. Человеку в измерении его личностных и индивидуальных свойств присущи сложные взаимодействия прогресса и регресса, обратимости и необратимости, стабильности и неустойчивости, непрерывности и скачкообразности.

Стиль В.С. Мерлин понимал как нечто, создающее систему из разноуровневых свойств индивидуальности. Свойства организма связаны внутри себя индивидуальным стилем жизнедеятельности; нейродинамическое связано с индивидуально-психическим (именно с темпераментом) посредством индивидуального стиля моторной активности. Психодинамическое связано с личностным индивидуальным стилем общения; личностное связано с социально-психическим индивидуальным стилем деятельности. Данная оригинальная трактовка индивидуального стиля деятельности позволяет нам глубже понять, как человек, воздействуя на внешний мир, изменяет свою собственную природу. Если увидеть в этом обстоятельстве только непосредственную реакцию человека на новые требования среды, то тогда игнорируется идея о существенной роли внутренних условий развития личности.

Именно благодаря индивидуальному стилю деятельности изменяется характер связей между разноуровневыми свойствами индивидуальности, хотя сами свойства могут оставаться теми же. Такой подход позволяет понять, почему может сравнительно быстро возникнуть картина поведения и деятельности преподавателя вуза, которая как будто не согласуется с присущими данному педагогу свойствами типа нервной системы и темперамента.

Согласно теории В.С. Мерлина, отличительными признаками свойств личности являются: активность, целостность (личность – это проявление сознания в целом), нравственная оцениваемость. В то же время свойства личности каждого человека единственны и неповторимы, то есть индивидуально-своеобразны, однако, следует помнить о том, что индивидуально-своеобразное не существует в личности отдельно от социально-типического. Их единство также является признаком свойств личности.

Выделение данных признаков чрезвычайно важно в деятельности преподавателя высшей школы. И профессиональная активность в противоположность реактивности, и целостность (проявление высокопозитивных личностных свойств в различных проблемных ситуациях), и нравственная оценка личности – все это необходимо в педагогической деятельности. Кроме этого, в

деятельности педагога необходима оригинальность (индивидуально – своеобразное самовыражение), а также закрепление общих, социально ценных достижений. Но самовыражение преподавателя невозможно, если он не осознает свое индивидуальное своеобразие. Следовательно, необходима специальная диагностика, развитие самосознания педагога для организации работы по саморазвитию индивидуальности на основе знания ее структуры.

Таким образом, при индивидуально-типологическом подходе конкретизируется понятие механизмов взаимосвязи свойств различных уровней интегральной индивидуальности: это генетические факторы и фактор деятельности. Преподаватель высшей школы, владея знаниями своих индивидуальных свойств, подбирает в зависимости от их оценки те или иные способы достижения цели, формирует собственный, особый стиль профессионально-педагогической деятельности – индивидуально-своеобразную систему организации активности, которая позволяет ему добиваться успешных результатов с учетом использования внутренних и внешних условий.

Профессиональное становление преподавателя рассматривается нами как «вторичная индивидуализация», результатом которой будет индивидуальность как профессиональное личностное качество, как обретение качества субъективной активности в профессионально-педагогической деятельности. Если становление преподавателя-профессионала можно рассматривать как социализацию, то педагогическая индивидуализация – это становление индивидуальности, ее реализация в профессии, проявление в ней уникальных личностных свойств, субъективного опыта, в котором можно выделить ряд составляющих: ценности, рефлексивный опыт, опыт привычной индивидуализации, операциональный опыт и опыт сотрудничества. Личностные ценности и отношения присущи каждому преподавателю, но показателями индивидуализации могут служить: характер личностных ценностей (идеальное представление о должном) и следование им в жизни; сформированность личностных смыслов (значимость для меня) и активность в их реализации; богатство отношений.

Преподаватель высшей школы в своем поведении, мышлении, профессиональной деятельности, опираясь на возможность адекватного взаимодействия с субъектами вузовской среды как педагогической системы, формируется, строится, конструируется – конструирует себя. Конструктивность его профессионально-педагогической деятельности неотделима от его субъективной активности, благодаря которой педагог самореализует себя как личность. Невозможно искусственно направлять активность так, чтобы она извне определялась как творческая и конструктивная: можно только создать обстоятельства, благодаря или вопреки которым преподаватель принимает решение действовать активно и самостоятельно.

Следовательно, задача заключается в том, чтобы создать максимально возможные условия для конструирования индивидуальной траектории развития преподавателя высшей школы, в которой он сам оказывает себе помощь, обнаруживая в себе резервы, о которых можно было бы судить только на основе изучения имеющихся способностей.

Список литературы

1. Харченко Л.Н. Преподаватель современного вуза: компетентностная модель. М., 2014.
2. Макарова Л.Н. Развитие стиля педагогической деятельности преподавателя вуза // Педагогика. 2005. № 6. С. 72-80.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
4. Подымова Л.С. Психолого-педагогическая инноватика. Личностный аспект. М., 2012.
5. Русалов В.М. О природе темперамента // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 20-26.
6. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.
7. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
8. Никитюк Б.А. Психологическая антропология как пограничная область антропологии и психологии // Новости спортивной и медицинской антропологии. М., 1990.
9. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.
10. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
11. Белоус В.В. Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь, 1981.
12. Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество. М., 1984.

References

1. Kharchenko L.N. *Prepodavatel' sovremennogo vuza: kompetentnostnaya model'* [Teacher of modern university: competence model]. Moscow, 2014. (In Russian).
2. Makarova L.N. Razvitie stilya pedagogicheskoy deyatel'nosti prepodavatelya vuza [Development of university teacher's pedagogical activity style]. *Pedagogika – Pedagogy*, 2005, no. 6, pp. 72-80. (In Russian).
3. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow, 1991. (In Russian).
4. Podymova L.S. *Psikhologo-pedagogicheskaya innovatika. Lichnostnyy aspekt* [Psychology and pedagogical innovation. Personal aspect]. Moscow, 2012. (In Russian).
5. Rusalov V.M. O prirode temperamenta [About nature of temperament]. *Voprosy psikhologii – Issues of psychology*, 1985, no. 1, pp. 20-26. (In Russian).
6. Platonov K.K. *Struktura i razvitie lichnosti* [Structure and development of personality]. Moscow, 1986. (In Russian).
7. Merlin V.S. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Note of integrated investigation of individuality]. Moscow, 1986. (In Russian).
8. Nikityuk B.A. Psikhologicheskaya antropologiya kak pogranichnaya oblast' antropologii i psikhologii [Psychological anthropology as boundary region of anthropology and psychology]. *Novosti sportivnoy i meditsinskoy antropologii – News of sporty and medical anthropology*. Moscow, 1990. (In Russian).
9. Nebylitsyn V.D. *Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichiy* [Psychophysiological investigation of individual differences]. Moscow, 1976. (In Russian).
10. Teplov B.M. *Problemy individual'nykh razlichiy* [Problems of individual differences]. Moscow, 1961. (In Russian).
11. Belous V.V. *Problemy integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Problems of integrated investigation of individuality]. Perm, 1981. (In Russian).
12. Rezvitskiy I.I. *Lichnost'. Individual'nost'. Obshchestvo* [Personality. Individuality. Society]. Moscow, 1984. (In Russian).

Поступила в редакцию 21.09.2016 г.
Received 21 September 2016

UDC 378.09

INDIVIDUALITY AND TYPOLOGY OF A LECTURER OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION: INTERACTABILITY

Lyudmila Nikolaevna MAKAROVA

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy and Educational Technologies Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: mako20@inbox.ru

A lecturer of higher educational institution as a subject of pedagogy activity from the position of acmeological approach is considered. The importance of subjective development of the lecturer who is able to realize self-regulation and self-development in the process of personal-professional establishment is analyzed. It is justified that the lecturer's activity appear in conflict resolution between highly-organized life system which he/she presents (as integrated individuality) and objective conditions of professional activities. Constructiveness of professional-pedagogic activity is inseparable from his/her subjective activity, due to which the lecturer realizes himself as a personality. It is necessary to create conditions, due or contrary to which the lecturer decides to be active and independent. The relevance of interconnection problem between individual-mental differences in lecturers of higher educational institution and corresponding personality type is founded. The difficulties, appearing while revealing individual-typological peculiarities of higher educational institution lecturer are analyzed in detail. The existing strategies of revealing types of personality: constitutional-anthropometric, factorial, block, socially-centered, motivational-dynamic, their advantages and limits are revealed. The notion "type of lecturer's individuality" is founded. The use of integral individuality theory for revealing individual-typological peculiarities of a lecturer of higher educational institution is considered.

Key words: lecturer of higher educational institution; individuality; individual-typological peculiarities; subject of professional activity; psychological differences; individual-typological approach; acmeology

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-14-21

Информация для цитирования:

Макарова Л.Н. Индивидуальность и типология преподавателя вуза: возможности взаимосвязи // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 14-21. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-14-21.

Makarova L.N. Individual'nost' i tipologiya prepodavatelya vuza: vozmozhnosti vzaimosvyazi [Individuality and typology of a lecturer of higher educational institution: interactability]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 14-21. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-14-21. (In Russian).

УДК 331.108.26+796.015.132

**ТЕНДЕНЦИЯ УСИЛЕНИЯ РОЛИ
ОРГАНИЗАТОРСКО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ**

© Игорь Юрьевич ПУГАЧЕВ

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки
Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота
«Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»
197045, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Ушаковская набережная, 17/1
E-mail: pugachyov.i@yandex.ru

© Юрий Юрьевич КОРАБЛЕВ

кандидат педагогических наук, доцент, старший инспектор по особым поручениям
УМВД России по Тамбовской области
392002, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Энгельса, 31
E-mail: pugachyov.i@yandex.ru

© Эседулла Маллаалиевич ОСМАНОВ

доктор медицинских наук, профессор, помощник проректора
по экономико-правовым вопросам и инфраструктурному развитию
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: osmanov@bk.ru

Рассмотрена тенденция повышения требований организаторско-управленческого компонента в деятельности военных специалистов по физической подготовке на основе ретроспективного анализа научных подходов к их функционально-должностным обязанностям, а также уточнена структура усложняющейся этапности формирования командно-методических и организаторских навыков у обучающихся военнослужащих как в учебных частях, так и в образовательных учреждениях Министерства обороны Российской Федерации с точки зрения теории и организации физической подготовки войск (сил флота). Значительное увеличение объема функциональных задач специалистов физической подготовки Вооруженных Сил вызвано необходимостью подготовки военнослужащих в контексте введения новой концепции «выживания», в том числе в условиях горно-пустынной местности, в условиях Арктического шельфа, и целесообразным внедрением специфических военно-прикладных видов спорта: подводная стрельба, подводный рукопашный бой, модернизированная горная полоса препятствий и т. п.

Ключевые слова: организаторско-управленческий компонент; Вооруженные Силы; специалисты физической подготовки; функционально-должностные обязанности

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-22-35

Введение. Военные специалисты по физической подготовке в аспекте организаторско-управленческого компонента реализуют свою профессиональную деятельность в воинских частях. Воинская часть – организационно самостоятельная боевая, учебная и административно-хозяйственная единица в Вооруженных Силах [1]. Воинским частям присваиваются закрытые наименования – номера войсковых частей. В «Наставлении по физической подготовке Вооруженных Сил Союза ССР» 1959 г. под воинской частью понималось – «соответствующие корабли и военно-учебные заведения». Наставлением по физической подготовке в Совет-

ской Армии и Военно-Морском Флоте (НФП-87) воинской частью трактовалось – «отдельный батальон (дивизион), полк, корабль 1 ранга, бригада и другие, им соответствующие части» [2]. В «Наставлении по физической подготовке и спорту в Вооруженных Силах Российской Федерации» (НФП-2001) под воинской частью понимались также органы военного управления и организации Вооруженных Сил [3]. Действующим НФП-2009 под «воинской частью» рассматриваются соединения, полки (им равные), корабли 1, 2, 3 и 4 ранга, отдельные батальоны (им равные), а также отдельные роты [4]. Исходя из вышеизложенного и согласовыва-

ясь со сведениями, представленными в настоящий момент на официальном сайте Министерства обороны Российской Федерации – mil.ru, под воинской частью в контексте нашей работы мы будем понимать органы военного управления, объединения, бригады, соединения, корабли 1–2 ранга, учреждения и организации Вооруженных Сил РФ.

По мнению Ш.З. Хуббиева, изучавшего пути оптимизации организаторской деятельности начальника физической подготовки и спорта части, термин «организация» в научной литературе имеет множество неоднозначных трактовок [5]. Некоторые ученые относят организацию к функции управления (В.П. Боголепов, 1968; О.А. Дейнеко, 1970; Д.Н. Бобрышев, 1971; М.И. Сетров, 1972; В.Т. Афанасьев, 1973; Г.Х. Попов, 1974; И.С. Магнутов, Л.И. Уманский, 1975; Н.А. Simon, 1966; Н.А. Юманов, 1983 [6]; В.А. Шейченко, 1998 [7]; В.А. Щеголев, 1991 [8]; Ю.Н. Щедрин, 2002 [9]; А.А. Пивачев и др., 2010; И.А. Кузнецов и др., 2014 [10]).

Профессорско-преподавательский состав кафедры «Теории и организации служебно-прикладной физической подготовки, физической культуры и спорта» (ранее – «Теории и организации физической подготовки войск» в учебниках для курсантов Военного института физической культуры [11–13] рассматривают организацию не как отдельную функцию, а как группу функций, включающую функции планирования, подготовки руководителей, материального обеспечения, контроля и учета (по Л.А. Вейднер-Дубровину и др., 1980), либо функции планирования, подготовки руководителей, контроля и учета (по Л.А. Вейднер-Дубровину, В.В. Миронову, В.А. Шейченко и др., 1992).

По материалам литературных источников ряд авторов отождествляют термин «организация» с термином «управление» (А.Е. Лунев и др., 1968; Ю.М. Козлов, 1969; Т.И. Петров, 1974; В.А. Кононов, 2014) или придают компоненту «организации» особый статус самостоятельной функции наряду с управлением (М. Живкович, 1974; Б.З. Мильнер, 2010 [14]; С.М. Сильчук, 2013 и др.).

В ст. 5 действующего «Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах РФ» – НФП-2009 отмечается, что «Специальные задачи физической подготовки устанавливаются в руководствах по физической

подготовке в видах (родах войск) Вооруженных Сил, утверждаемых соответствующими должностными лицами» [4]. Вместе с тем вышеуказанные руководства (РФП) были введены в действие лишь в 2014 г. К примеру, в РФП Военно-Морского Флота (2014) конкретизируется, что управление физической подготовкой включает: руководство, планирование, организацию, обеспечение, контроль и учет [15; 16]. При этом поясняется, что руководство физической подготовкой включает: выработку и принятие решений; постановку задач исполнителям, организацию взаимодействия и всестороннее обеспечение их действий; контроль за ходом выполнения поставленных задач; анализ результатов и подведение итогов. Вместе с тем аналогичная трактовка понятия сущности управления и руководства представлена и в РФП других видов и родов войск Вооруженных Сил. В данных документах не отчетливо проявляется разница в терминах «управление», «организация», «руководство». Это создает значительные трудности в процессе учета особенностей управления и организации физической подготовки военному специалисту, поскольку ее реализация по сути интегрирована в общее направление. Даже малый элемент «планирования» также структурно предполагает «подготовку руководителей», «контроль и учет», а также свои особенности организации.

В этой связи целью настоящего исследования являлось: во-первых, уточнение научных взглядов на уяснение сущности понятий «управление», «организация», «руководство» в деятельности специалиста физической подготовки войсковой части; во-вторых, выявление объема структурных элементов, составляющих содержание вышеуказанных терминов в пролонгированном периоде во взаимосвязи с требованиями «Наставлений по физической подготовке», как основных руководящих документов, регламентирующих систему физической подготовки на соответствующих этапах развития Вооруженных Сил; в-третьих, изучение динамики требований к формированию командно-методических и организаторских навыков у обучающихся военнослужащих как в учебных частях, так и в образовательных учреждениях Министерства обороны РФ с точки зрения теории и организации физической подготовки сил флота (войск).

Методика исследования включала следующие методы: педагогическое наблюдение; изучение литературных данных; педагогический анализ и обобщение; профессиографический анализ; контент-анализ; ретроспективный анализ.

Результаты исследования. В контексте работы следует отметить, что понятие «организация» далеко не однозначно и предполагает не только направленность деятельности тех или иных должностных лиц по координации действий всех участников той или иной социальной системы. Организация как понятие предполагает, например, совокупность согласованности деятельности подразделений, составляющих структуру какого-либо предприятия, сообщества, либо процесс упорядочения различных мероприятий, имеющих социальную значимость (организация состязания, спортивного праздника), либо придание планомерности действиям различных компонентов какой-либо системы (организация производства, упорядочение деятельности), либо приведение в строгую систему работу различных должностных лиц (О.А. Дейнеко, 1970; Ш.З. Хуббиев, 1977 [5]; И.И. Кукса, 1978; В.В. Миронов, 1990; Ю.Ф. Курамшин, 2010 [17]; О.Д. Якименко, 2016 [18] и др.).

Поэтому вполне логично рассматривать категорию «организация» в статике и в динамике. В первом случае она предстает как некая структура (взаимное расположение, взаимосвязь и взаимодействие отдельных частей целой системы). Во втором – организация представлена деятельностью или действиями субъекта и объекта управления, которые направлены на упорядочение функционирования элементов системы, приведение их в определенную структуру, координацию действий исполнителей. В таком контексте организация предстает как функция управления.

По мнению Д.А. Аакера (2003) и А.Н. Козырева, В.Л. Макарова (2003), одной из важных категорий профессионального управления является видение организации, которое формируется ее высшим менеджментом. Видение – это выраженный в определенной форме долгосрочный имидж системообразующего учреждения (например, ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия») или представление о том, каким оно должно стать.

Широкое распространение в современной науке и практике управления различными социальными системами такого явления, как «менеджмент», не внесло значительных изменений во взглядах ученых и на такие категории, как «управление» и «организация». Учитывая многозначность и многоаспектность понятия «организация» и исходя из характера изложения обязанностей должностных лиц в «Наставлении по физической подготовке Вооруженных Сил СССР» 1966 г. (НФП-66) [19], Ш.З. Хуббиев считал возможным рассматривать организацию не как отдельную функцию, а как группу функций управления, включающую: планирование, подготовку руководителей, материальное обеспечение, контроль и учет [5]. Такие функции, как координация, мотивация, распорядительность, регулирование, а также ряд других, указанных в работах различных авторов научных исследований, он не включал в структуру организации, считая их функциями управления.

В настоящее время именно такая оценка структуры и предназначения функции «организация» рассматривалась в НФП-2001 [3] и представлена в действующем НФП-2009 [4]. В ст. 45 НФП-2001 отмечается, что организация физической подготовки включает в себя: распределение ответственности и полномочий должностных лиц, регулирование и распорядительство, стимулирование.

Следует отметить, что трактовка «организации», представленная в НФП-2001 [3], даже более уязвима, чем в НФП-87 [2]. Действительно, вряд ли начальник физической подготовки и спорта (ФП и С) воинской части, несущий ответственность за ее организацию, наделен полномочиями распределять ответственность за состояние и проведение физической подготовки между командирами подразделений, заместителями командира полка, начальниками служб. Их ответственность в данном вопросе определена Уставом внутренней службы и должностными инструкциями. Весьма сомнительно наличие в данном контексте и функции распорядительства, поскольку она по смыслу близка к понятию «руководство».

Исполнение также органически связано с управлением, руководством, организацией. Управленческие решения и организация их выполнения не могут быть реализованы без

отношений исполнения (О.А. Дейнеко, 1970). Вся эффективность управления проявляется в том, насколько удалось воплотить в жизнь принятое решение, а поэтому исполнение на всех уровнях управленческой иерархии и есть его заключительная фаза. Все управляющие воздействия реализуются исполнением, которое представляет собой реакцию нижестоящих руководителей на эти воздействия. В общевоинских уставах отношения исполнителей конкретизируются применительно к их должностям определенным перечнем работ (обязанностей) по обучению и воспитанию личного состава.

Таким образом, по мнению Ш.З. Хубиева (1977), И.И. Куксы (1978), Л.А. Вейднер-Дубровина и др. (1980), управление представляет собой совокупность руководства и организации, с которыми органически связано исполнение, пронизывающее весь процесс управления и являющееся своеобразной реакцией на управленческие воздействия.

Согласно представлению действительного члена Международной академии наук (Мюнхен, Германия) профессора В.И. Кнорринга: «Управление есть процесс, а система управления – механизм, который обеспечивает этот процесс. Любой динамический процесс, в котором могут участвовать и люди, состоит из отдельных процедур, операций и взаимосвязанных этапов. Их последовательность и взаимосвязь составляют технологию управленческого процесса» [20]. В настоящее время в государственном и негосударственном секторах выработан целый ряд разного рода механизмов, адекватных условиям перехода страны к инновационному пути развития.

Для процесса управления необходимо практическое мышление. Прежде чем решить проблему, руководитель должен вначале ее сам сформулировать – «увидеть», а затем рассматривать как задачу. Особенностью практического мышления в организационно-управленческой деятельности начальника физической подготовки воинской части является необходимость решения не только «готовых», сформулированных задач и проблем, но и умение их вычленять, правильно ставить, формулировать. Это требует важного мыслительного качества – умения видеть проблему, различать задачи, требующие решения.

Формированию таких умений, на наш взгляд, должно способствовать применение заданий, не содержащих вопроса в явном виде, где следует сформулировать его, выделить искомые величины.

Еще одна специфическая особенность мыслительных задач руководителя – их высокая неопределенность, которая может возникнуть в силу различных причин. Она может стать следствием нехватки (дефицита) нужной информации. В условиях дефицита информации иницируются мыслительные операции, направленные на реконструкцию недостающих сведений. Отсюда важная особенность мышления руководителя – способность к реконструированию информации, умение видеть «больше, чем дано».

Вторая причина неопределенности – наоборот, избыточность информации. Объем ее может становиться столь большим, что предельно затрудняется выделение в ней главного, относящегося к данной проблеме. В связи с этим необходимо такое мыслительное качество руководителя, как свойство селективности, избирательности восприятия и осмысления информации, умение выделять в ней главное и отфильтровывать второстепенное.

Динамичность и вариативность изменения ситуации придает управленческой деятельности и другую специфическую особенность – необходимость скорости мышления, оперативности включения в ситуацию, быстрой переключаемости от действия к осмыслению и наоборот. Правильное само по себе решение может стать ошибочным в случае его несвоевременности.

Результатом практического мышления должно стать решение, причем решения руководителя должны быть предельно определенными, конкретными, простыми. В этом случае меньше возможностей для их искажения, больше возможностей для контроля.

В.В. Миронов (1996, 1998), рассматривая проблемы менеджмента в сфере физической культуры и спорта, физической подготовки войск, отмечает, что понятие «организация» имеет много разнообразных трактовок. Так, в научной литературе по теории управления и организации «организация» рассматривается как атрибут системы и ее характеристика, то есть означает внутреннюю упорядоченность, определенную согласованность частей системы, которая обусловлена ее строением. В

ней сочетаются многообразные связи (физические, правовые, технологические, экономические) и человеческие отношения.

Согласно взглядам Б.З. Мильнера (2010), организация представляет собой сознательно координируемое социальное образование с определенными границами, которое функционирует на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей. Под словами «сознательно координируемое» автором понимается управление, а под «социальным образованием» – то, что организация состоит из людей или их групп, взаимодействующих между собой.

Модели взаимодействия, которым следуют индивидуумы, являются преднамеренными. Организационные процессы содержат в себе социальную сущность, а взаимодействие членов групп должно быть сбалансировано и предполагает необходимость в координации.

Термин «организация» («организовывание») используется также для обозначения одной из функций управления, которая выражается в создании и совершенствовании системы, поддержании определенного порядка при ее функционировании. Некоторые ученые отождествляют «организацию» с социальной системой, либо в виде определенной социальной группы, в которой существует функциональное разделение труда, направленное на достижение общей цели, либо как разумную систему сознательно скоординированных видов деятельности (Р. Акофф, Ф. Эмери, 1971; М.А. Shubir, 1975; Т. Питере, Р. Уотермен, 1986; Н.Г. Черников, 1986 [21]; В.А. Чигирёв и др., 1990 [22]; В.Г. Федоров, 1998 [23] и др.). При этом организация становится объектом управления со стороны управляющей системы (управленческого персонала).

Функционирование организации как объекта управления предполагает наличие и

реализацию всех управленческих функций в процессе принятия решений.

В учебном пособии для вузов под редакцией профессора В.И. Подлесных (1999), в котором раскрываются основы менеджмента, отмечается, что основу мира менеджеров составляет организация. Следовательно, по его мнению, организация представляет собой группу людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общей цели.

В то же время, раскрывая базовые функции управления (табл. 1), авторский коллектив вышеуказанного учебника среди них выделяет и функцию организации, которая осуществляется на стадии реализации решения. Управление при этом рассматривается как интегрированный процесс планирования, организации, координации, мотивации и контроля, который необходим для достижения целей организации.

Организация, как функция управления, в этом случае представляет собой процесс, включающий в себя:

- определение рациональных форм разделения труда;
- распределение труда среди работников, групп работников и подразделений;
- разработку структуры органов управления;
- регламентацию функций, подфункций, работ, операций;
- установление прав и обязанностей органов управления и должностных лиц;
- подбор и расстановку кадров.

Таким образом, функцию организации можно рассматривать в двух аспектах: как процесс создания системы и как процесс ее совершенствования. А сама организация работ представляет собой функцию, которую должны выполнять все руководители, независимо от их ранга.

Таблица 1

Классификация функций управления (по В.И. Подлесных и др., 1999)

Стадии управления	Функции управления
Принятие управленческого решения	Прогнозирование
	Планирование
Реализация решения	Организация
	Координация и регулирование
	Активизация и стимулирование
Контроль	Учет
	Анализ

Примерно такой же подход к оценке термина «организация» излагается в других учебниках и учебных пособиях по менеджменту (Р.М. Alexander, S.A. Sprayberry, 1983; L.P. James, 1989; Ф.М. Русинов, М.Л. Разу, В.А. Денисов и др., 1998; В.Р. Веснин, 1999; Е.Ф. Прокушев, 1999 и др.). Так, по мнению В.Р. Веснина (1999), содержание такого понятия, как «организация» составляет единство людей, образующих коллектив, и условий их деятельности. Организация позволяет находящиеся в ее распоряжении материальные, трудовые, информационные ресурсы преобразовать на основе соответствующих технологий для достижения поставленных целей.

В качестве основного психолого-педагогического условия, необходимого для формирования вышеуказанных организационно-управленческих технологий, на наш взгляд, является необходимость включения в процесс подготовки военнослужащих отдельных планов, программ по формированию умений своевременно принимать правильные организационно-управленческие решения. При этом большое внимание должно уделяться применению средств обучения для формирования навыков решения профессиональных задач, на основе систематизированных теоретических организационно-управленческих знаний, а также средств обучения для развития навыков организации работы в малых коллективах исполнителей (Л.В. Морозова, Л.А. Кирьянова, О.Г. Морозов, 2016 и др. [24]). Большое значение в процессе подготовки слушателей и курсантов должно уделяться направленности на постоянный поиск путей повышения уровня мотивации к личному самосовершенствованию в сфере организационно-управленческой деятельности, а также на формирование у них установки на профессиональное саморазвитие в сфере организационно-управленческой деятельности. Важными психолого-педагогическими условиями также являются: разработка комплекса мероприятий по контролю над уровнем развития качеств у военнослужащих, необходимых для организационно-управленческой деятельности; выработка объективных критериев оценки развития качеств, необходимых для организационно-управленческой деятельности; разработка педагогических мер для повышения уровня организационно-

управленческой подготовленности командного состава.

Современные информационно-просветительские технологии ориентированы на проявление инициативы, творчества, инновационных подходов, что в целом способствует формированию общих управленческих способностей. В то же время посредством этих технологий могут формироваться и специфические организационные навыки, связанные со стратегическим планированием, принятием управленческого решения, сбором, обработкой и распределением информации.

Исследование схем формальных организаций показывает, что существует уровень вертикального и горизонтального разделения труда. Руководитель верхнего уровня в структуре вертикального разделения труда управляет деятельностью руководителей среднего и низшего уровней, то есть формально обладает большей властью и более высоким статусом. Вертикальная дифференциация связана с иерархией управления в организации, к которой относится воинская часть. Чем больше ступеней иерархической лестницы между высшим уровнем управления и исполнителями, тем более сложной является данная организация. Полномочия распределяются по должностям и руководителям, занимающим эти должности. Цель рассматривается как ориентир для потока связей и полномочий.

Горизонтальная дифференциация отражает степень разделения труда между отдельными структурными единицами. Чем больше в организации различных сфер, требующих специализированных знаний и навыков, тем также более сложной она является. Горизонтальная специализация направлена на дифференциацию функций. Она охватывает определение работы (соединение различных отдельных заданий) и определение взаимосвязи между различными видами работ, которые могут выполняться одним или многими работниками.

Как было отмечено нами выше, в то же время организация выступает и как функция. Она берет на себя решение вопросов по подготовке к практическому воплощению замыслов руководителей, которые отражаются в планах, программах, стратегиях, концепциях, приказах, приказах, распоряжениях.

Органы власти и органы управления общей компетенции призваны решать общие вопросы всех отраслей государственного, военного и народно-хозяйственного комплекса страны. В соответствии с Конституцией РФ к органам общей компетенции относятся: федеральные органы государственной власти и государственного управления – Президент РФ; Федеральное Собрание: Совет Федераций и Государственная Дума; Правительство РФ. Президент РФ издает указы и распоряжения по наиболее насущным вопросам развития физической культуры и спорта. Например, Указ «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта». Правительство РФ прикладывает значительные усилия по совершенствованию практики государственного управления физической культурой и спортом в стране. Большое значение для рассматриваемой сферы имеют утвержденная Правительством в 2009 г. «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2020 г.», а также утвержденная в 2014 г. Концепция федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 гг.». Федеральным органом исполнительной власти в области физической культуры и спорта является Министерство спорта РФ. Этот орган управления физической культурой и спортом является органом управления специальной компетенции. В решении вопросов развития данной сферы министерство наделено специальными полномочиями. Они изложены в законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», а также в Положении о Министерстве. Минспорт России, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере физической культуры и спорта, а также по оказанию государственных услуг (включая предотвращение допинга в спорте и борьбу с ним) и управлению государственным имуществом в сфере физической культуры и спорта.

Следует отметить, что с 1991 г. по настоящее время наименование федерального органа управления отраслью, цели и задачи, его структура менялись 15 раз.

Органы государственного отраслевого управления осуществляют деятельность по развитию физической культуры и спорта как в рамках своих отраслей, так и при решении межотраслевых вопросов. К этим органам государственного управления относятся: Министерство образования и науки РФ; Министерство здравоохранения РФ; Министерство обороны РФ; Министерство внутренних дел РФ; Министерство культуры РФ; Министерство по чрезвычайным ситуациям РФ; Федеральная служба безопасности РФ; Федеральная служба охраны РФ.

Управленческая деятельность органов отраслевого управления по развитию физической культуры и спорта в подведомственных организациях и учреждениях осуществляется в следующих направлениях: правовое обеспечение (разработка отраслевых правовых актов, обеспечивающих правовое регулирование отношений в области физической культуры и спорта в данных отраслях); программно-нормативное обеспечение (разработка программ по физическому воспитанию и физической подготовке для подведомственных организаций и учреждений, контроль за их выполнением); организационное обеспечение (организация и проведение отраслевых физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий согласно отраслевых календарных планов названных мероприятий, например, чемпионаты Вооруженных Сил, спартакиады учащейся молодежи и т. д.); ресурсное обеспечение (кадровое – подготовка и переподготовка кадров по физическому воспитанию и физической подготовке; финансовое – обеспечение физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности; материально-техническое – строительство спортивных сооружений, оснащение спортивным оборудованием и инвентарем подведомственных организаций и учреждений).

Функциональная структуризация является наиболее широко распространенной формой организации деятельности и имеет место во всех воинских частях на том или ином уровне организационного содержания. Поскольку термин «организация» в контексте нашего исследования представлен видом деятельности, как функция управления, то с этих позиций мы и будем преимущественно рассматривать его в дальнейшем. Однако, учитывая разноречивость взглядов ученых на

это понятие, принявшее официальный характер в сфере физической подготовки военнослужащих в виде двух различных подходов разработчиков отмененного НФП-87, необходимо выразить окончательную позицию по этому вопросу.

В НФП-2001 имеет место явное рассогласование в оценке сущности данных понятий. Оно проявляется даже в несоответствии между оглавлением и реальным содержанием статей. Так, в оглавлении «Глава 2» – «Управление физической подготовкой» представлена четырьмя параграфами по предполагаемым авторами функциям: руководство, планирование, обеспечение и организация физической подготовки, то есть, в отличие от НФП-87, появилась новая самостоятельная функция «планирование», но исчезли функции «контроля» и «учета» физической подготовки.

В ст. 45, как было сказано выше, в структуру организации как функции управления включены: распределение ответственности и полномочий должностных лиц, регулирование и распоряжение, стимулирование. В последующих статьях Наставления (ст. 46–48) лишней раз подчеркивается, что подфункции управления лежат как бы вне компетенции начальника физической подготовки и спорта. Так, распределение ответственности и полномочий должностных лиц определяется в приказах, распоряжениях, инструкциях и положениях; стимулирование осуществляется командирами всех степеней в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил и т. д. Что же касается контроля и учета, то они представлены в ст. 51 и ст. 54 в разделе «Организация физической подготовки», но в перечне подфункций отсутствуют.

Для избежания путаницы в понятиях целесообразно оставить трактовку организации, как функции управления, состоящей из четырех подфункций – планирования, инструктирования (подготовки руководителей), контроля и учета (НФП-87; Л.А. Вейднер-Дубровин, В.В. Миронов, В.А. Шейченко, 1992; Ю.К. Демьяненко, 1995 [25]; В.В. Миронов и др., 2005 [26]; С.А. Важенин, 2010, 2012 и др.).

Это подчеркивает весьма важную роль организаторской деятельности, которая выступает в качестве самостоятельного вида управленческой деятельности, нуждающуюся

в специальных кадрах и органах управления (И.С. Манатов, Л.И. Уманский, 1975; Ш.З. Хуббиев, 1977 [5]; И.И. Кукса, 1978; С.В. Удовик, 2008 [27]; А.В. Ярмоленко, 2008 [28]; М.А. Степкин, 2012 [29] и др.). Роль органов и субъектов управления берет на себя командование воинской части во главе с командиром, которое принимает управленческие решения по всем вопросам повседневной и боевой деятельности войск.

Исходя из вышеперечисленных задач, нами усматривается следующее целесообразное выделение основных кластеров военно-профессиональных навыков:

- командно-методические (в том числе навыки в проведении занятий с подчиненным личным составом по предметам боевой подготовки) и инструкторско-методические навыки (навыки постановки задач подчиненным, контроля и подведения итогов их исполнения), навыки самостоятельного выполнения и контроля за правильностью выполнения обязанностей лицами суточного наряда, дежурного по спортивной базе (кафедре) и т. п.;
- навыки профессиональной деятельности (выполнение должностных обязанностей командира отделения, заместителя командира взвода и роты);
- навыки в проведении организационных (подготовка и проведение сборов, умение написать протокол, решение или постановление), культурно-досуговых, спортивно-массовых мероприятий и мероприятий правового характера, мероприятий по информированию личного состава подразделения;
- интеллектуальные навыки (навыки решения типовых управленческих и инженерных (в том числе дизайнерских) задач, ведения дискуссии, изложения сложного материала и т. п.);
- навыки работы с литературой, служебными документами и изданиями;
- навыки работы на типовых образцах вооружения и военной техники, применения современных технических средств обучения и информационных технологий, использования измерительных приборов общего назначения и т. п.

В соответствии со статьей 17 НФП-87, уже отмененного приказом Министром обороны РФ, подготовка руководителей должна обеспечивать повышение методической подготовленности различных должностных лиц,

которые осуществляют руководство, организацию и проведение физической подготовки. Она организуется в процессе проведения теоретических, методических (учебно-методических, инструкторско-методических и показных) занятий, инструктажей и в ходе самостоятельной подготовки. В последнее время широко в Вооруженных Силах стали применяться также и комплексные практические занятия, имеющие методический характер направленности.

Для проведения теоретических занятий выделяют обучающихся 2-х категорий: к первой относят курсантов 1-го и 2-го курсов вузов, ко второй – слушателей офицеров, курсантов 3-го и старших курсов (И. Ю. Пугачев, 2001 [30]; А.Л. Юрченко, 2002 [31]; С.В. Попов, М.А. Рабаданов, 2010 [32]; А.А. Щепелев, 2011 [33] и др.).

Обучающиеся первой подгруппы должны знать: роль и место физической культуры в обществе; влияние физической подготовки на повышение боеспособности военнослужащих; систему физической подготовки военнослужащих; цель и задачи физической подготовки; содержание физической подготовки; методику развития физических качеств и формирования двигательных навыков; методику проведения форм физической подготовки; самоконтроль в процессе физической подготовки; профилактику спортивного травматизма; военно-спортивный комплекс и подготовку военнослужащих по видам спорта и упражнениям Военно-спортивной классификации. Слушатели-офицеры и курсанты 3-го и старших курсов кроме последней темы о Военно-спортивном комплексе (ВСК) и Военно-спортивной классификации (ВСКл) должны знать требования руководящих документов по организации физической подготовки; планирование физической подготовки в воинской части, подразделении; формы подготовки командиров подразделений к проведению занятий по физической подготовке в воинской части, подразделении; контроль и учет физической подготовки в воинской части, подразделении; материальное и финансовое обеспечение физической подготовки в воинской части; основы руководства физической подготовкой в воинской части, подразделении.

Согласно НФП-87 штатная должность ответственного за физическую подготовку

специалиста войсковой части именовалась «начальник физической подготовки и спорта». При этом в воинской части, где не предусматривалась штатная должность начальника физической подготовки и спорта, приказом командира воинской части назначался нештатный начальник физической подготовки и спорта из числа наиболее подготовленных офицеров. При этом функциональные обязанности начальника физической подготовки и спорта исходили из реализации следующих основных видов деятельности: руководство, организация, обеспечение и проведение физической подготовки с личным составом.

Согласно ст. 21 НФП-2001 для методического руководства и управления физической подготовкой в общей системе управления Вооруженных Сил были также предусмотрены штатные должности специалистов физической подготовки и спорта. Функциональные обязанности начальника физической подготовки и спорта оставались прежними. Исключение составлял лишь акцент на преимущественно «методическую» сторону обязанностей и введение термина «управление», в которое структурно входило «руководство» [34].

В приложении 2 НФП-2009 в более широком диапазоне дифференцированы функциональные обязанности и объем должностных лиц, участвующих в организации физической подготовки в Вооруженных Силах РФ. К таковым лицам относятся: начальник физической подготовки вида (рода войск) Вооруженных Сил; старший офицер группы физической подготовки вида (рода войск) Вооруженных Сил; начальник физической подготовки округа (флота); начальник физической подготовки объединения (соединения); начальник физической подготовки полка; инструктор по физической подготовке; инструктор-методист по физической культуре; начальник центра специальной физической подготовки. Данное обстоятельство было связано с усилением значимости физической подготовки военнослужащих к их подготовке к ведению боевых действий, введением балльной системы проверки и оценки физической подготовки, масштабным развитием военно-прикладных видов спорта.

Усиление численности специалистов по физической подготовке и объема решаемых при этом задач способствовало корректуре трактовки ряда штатной должности «началь-

ника физической подготовки», который стал именоваться «помощник командира войсковой части – начальник физической подготовки».

Выводы. Анализ научных взглядов на сущность понятий «организация», «руководство» и «управление» в теории и методике физической подготовки войск (сил флота) имеет научную незавершенность в связи с дискуссионностью ряда ключевых положений действующего НФП-2009 ст. 5 этого документа, в которой отмечается о необходимости рассмотрения специальных задач физической подготовки в видах (родах войск) Вооруженных Сил соответствующими «Руководствами по физической подготовке (РФП)». Однако, хотя данные документы и введены в действие, в них не дано научного обоснования иерархического толкования понятий «управление» и «руководство». В настоящее время имеет место тенденция значительного увеличения объема функциональных организаторско-управленческих задач военных специалистов по физической подготовке. Прежде всего, это вызвано необходимостью подготовки военнослужащих в контексте введения дисциплины «Выживание», в том числе в условиях горно-пустынной местности, Арктического шельфа, и целесообразным внедрением специфических военно-прикладных видов спорта (подводная стрельба, подводный рукопашный бой, модернизированная горная полоса препятствий и др.). Решение проблемы предполагает введение в учебный план и образовательные программы нового девятого раздела физической подготовки – «Военно-прикладные виды спорта и упражнения».

В современных условиях специалист по физической подготовке должен быть подготовлен к выполнению перечня обязанностей, быть готов к выполнению разнородных задач, в том числе выходящих за рамки полученного образования: он является и строителем, и научным работником, и преподавателем, специалистом по организации и проведению спортивных праздников, мультимедийный специалист, является тренером по многим видам спорта.

Под организаторско-управленческим компонентом деятельности военных специалистов по физической подготовке, на наш взгляд, целесообразно понимать совокупность потребностей, способностей и готов-

ностей творчески выполнять действия по согласованию, координации, оптимизации, направлению и стимулированию подчиненного личного состава и воинских коллективов.

Список литературы

1. Военный энциклопедический словарь / под ред. Н.В. Огаркова. М.: Воениздат, 1984. 864 с.
2. Наставление по физической подготовке и спорту в Советской Армии и Военно-Морском Флоте (НФП-87). М.: Воениздат, 1987. 319 с.
3. Наставление по физической подготовке и спорту в Вооруженных Силах Российской Федерации (НФП-2001). М.: Ред.-изд. центр ГШ ВС РФ, 2001. 224 с.
4. Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации (НФП-2009). СПб.: ВИФК, 2009. 200 с.
5. Хуббиев Ш.З. Исследование некоторых путей оптимизации процесса организаторской деятельности начальника физической подготовки и спорта: дис. ... канд. пед. наук. Л.: ВДКИФК, 1977. 127 с.
6. Юманов Н.А. Критерии педагогического контроля в управлении процессом физического совершенствования военнослужащих: дис. ... канд. пед. наук. Л.: ВИФК, 1983. С. 9, 16, 34, 39-50.
7. Шейченко В.А. Научно-педагогические основы реформирования системы физической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: ВИФК, 1998. С. 56-378, 555.
8. Щеголев В.А. Воспитание и сплочение воинских коллективов в процессе физкультурно-спортивной деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. Л.: ВДКИФК, 1991. С. 12, 32, 56, 88, 120, 245-278.
9. Щедрин Ю.Н. Актуальность исследований социализации будущих офицеров в условиях физкультурно-спортивной деятельности // Актуальные проблемы военно-профессионального образования и физической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации: сб. науч. ст. № 2. СПб.: ВИФК, 2002. С. 12-14.
10. Кузнецов И.А., Миронов В.В., Пашута В.Л. Цели и задачи научного обеспечения физической подготовки в воинских частях Министерства обороны Российской Федерации // Актуальные проблемы служебно-прикладной физической подготовки и спорта: сб. материалов Междунар. конф., посвящ. 105-й годовщине со дня образования Военного ин-та физ. культуры. Ч. 1 / под ред. А.А. Обвинцева, В.Л. Пашута, Е.Н. Курьянович. СПб.: ВИФК, 2014. С. 237-244.

11. Теория и организация физической подготовки войск / под ред. Л.А. Вейднер-Дубровина. Л.: ВИФК, 1980. 512 с.
12. Теория и организация физической подготовки войск. Ч. 1 / под ред. Л.А. Вейднер-Дубровина, В.В. Миронова, В.А. Шейченко. СПб.: ВИФК, 1992. 340 с.
13. Теория и организация физической подготовки войск / под ред. В.В. Миронова. СПб.: ВИФК, 2006. 594 с.
14. *Мильнер Б.З.* Теория организации. М.: Инфра-М, 2010. 864 с.
15. Руководство по физической подготовке в Военно-Морском Флоте (РФП ВМФ). Ч. 1. М.: Анкил, 2014. 163 с.
16. Руководство по физической подготовке в Военно-Морском Флоте (РФП ВМФ). Ч. 2. Основы методики проведения физической подготовки в Военно-Морском Флоте. М.: Анкил, 2014. 504 с.
17. Теория и методика физической культуры / под ред. Ю.Ф. Курамшина. М.: Сов. спорт, 2010. 464 с.
18. *Якименко О.Д.* Формирование организационно-управленческой компетентности у бакалавров направления подготовки «Физическая культура» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 4 (134). С. 317-322.
19. Наставление по физической подготовке Вооруженных Сил СССР (НФП-66). М.: Воениздат, 1966. 344 с.
20. *Кнорринг В.И.* Теория, практика и искусство управления. М.: Изд-во «Норма», 2001. С. 31-32.
21. *Черников Н.Г.* Формирование командно-методических знаний, навыков и умений курсантов военных училищ ПВО в процессе физической подготовки. Л.: ЛВЗРКУ, 1986. 80 с.
22. *Чигирёв В.А., Селегень В.П., Крюков М.П.* Теоретические основы и методы совершенствования управления подготовкой военных специалистов. Концепция локальной системы непрерывной подготовки кадров. М.: МО СССР, 1990. 863 с.
23. *Федоров В.Г.* Научно-теоретические основы многоуровневого военно-физкультурного образования: дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: ВИФК, 1998. С. 22, 43, 56, 79, 123, 206.
24. *Морозова Л.В., Кирьянова Л.А., Морозов О.Г.* Современные образовательные технологии в процессе подготовки специалистов физической культуры и спорта // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 4 (134). С. 183-186.
25. *Демьяненко Ю.К.* Физическая подготовка на основных этапах профессионального становления военного специалиста: дис. ... д-ра пед. наук в форме научного доклада. СПб.: ВИФК, 1995. 55 с.
26. Физическая культура / под общ. ред. В.В. Миронова, В.А. Собины, А.С. Яцковца. М.: Воениздат, 2005. 462 с.
27. *Удовик С.В.* Физическая подготовка военнослужащих на современном этапе реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб.: ВИФК, 2008. С. 5, 16, 19, 21.
28. *Ярмоленко А.В.* Психолого-педагогическое сопровождение формирования профессионально важных качеств курсантов военноморских учебных заведений в условиях военной реформы: дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: ВИФК, 2008. С. 67-89.
29. *Степкин М.А.* Внесение изменений и дополнений в НФП-2009 (проект приказа МО РФ) // Сборник материалов научно-практической конференции со специалистами физической подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации. Ч. 1. Заключение (предложения) в проект приказа МО РФ о внесении дополнений и изменений в НФП-2009. СПб.: ВИФК, 2012. С. 3-27.
30. *Пугачев И.Ю.* Уточнение динамики формирования методической подготовленности курсантов ВМИИ с помощью математической модели // Тенденции развития военноморского образования и требования к подготовке офицерских кадров: сб. материалов межвуз. науч.-метод. конф. СПб.: ВМИИ, 2001. С. 47-48.
31. *Юрченко А.Л.* Формирование организаторско-методических знаний и навыков по физической подготовке у курсантов инженерных военно-учебных заведений ВВС с использованием информационных технологий: дис. ... канд. пед. наук. СПб.: ВИФК, 2002. 173 с.
32. *Попов С.В., Рабаданов М.А.* Планирование и учет как функции управления физической подготовкой курсантов и слушателей военно-учебных заведений ВМФ // Теория и практика управления образованием и учебным процессом: педагогические, социальные и психологические проблемы: сб. науч. тр. № 97. СПб.: БПА, 2010. С. 62-66.
33. *Щепелев А.А.* Характеристика системы физической подготовки в новом облике Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: УФП ВС РФ, 2011. 24 с.
34. Требования по проверке и оценке состояния физической подготовленности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Ред.-изд. центр ГШ ВС РФ, 2001. 64 с.

References

1. *Voennyj entsiklopedicheskiy slovar'* [Military encyclopedic dictionary], ed. N.V. Ogarkov.

- Moscow, Voenizdat Publ., 1984. 864 p. (In Russian).
2. *Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke i sportu v Sovetskoj Armii i Voennno-Morskoy Flote (NFP-87)* [Manual of physical training and sport of Soviet Army and navy (NFP-87)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1987. 319 p. (In Russian).
 3. *Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke i sportu v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii (NFP-2001)* [Manual of physical training and sport of Armed Forces of Russian Federation (NFP-2001)]. Moscow, Editorial-Publishing Centre GSh VS RF, 2001. 224 p. (In Russian).
 4. *Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii (NFP-2009)* [Manual of physical training Armed Forces of Russian Federation (NFP-2009)]. St. Petersburg, MIPE Publ., 2009. 200 p. (In Russian).
 5. Khubbiyev Sh.Z. *Issledovanie nekotorykh putey optimizatsii protsessa organizatorskoy deyatel'nosti nachal'nika fizicheskoy podgotovki i sporta* [Study of some ways of optimizing the process of organizing the activities of the head of physical training and sports]. Dissertatsiya ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Leningrad, VDKIFK Publ., 1977. 127 p. (In Russian).
 6. Yumanov N.A. *Kriterii pedagogicheskogo kontrolya v upravlenii protsessom fizicheskogo sovershenstvovaniya voennosluzhashchikh* [The criteria of pedagogical control in managing the process of military personnel' physical improvement]. Dissertatsiya ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Leningrad, MIPE Publ., 1983, pp. 9, 16, 34, 39-50. (In Russian).
 7. Sheychenko V.A. *Nauchno-pedagogicheskie osnovy reformirovaniya sistemy fizicheskoy podgotovki v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii* [Scientific-pedagogical basic principles of reforming the system of physical training in the Armed Forces of the Russian Federation]. Dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk. St. Petersburg, MIPE Publ., 1998, pp. 56-378, 555. (In Russian).
 8. Shchegolev V.A. *Vospitanie i splochenie voinskikh kollektivov v protsesse fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti* [Upbringing and unity of a warrior groups in the process of sports activity]. Dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk. Leningrad, VDKIFK Publ., 1991, pp. 12, 32, 56, 88, 120, 245-278. (In Russian).
 9. Shchedrin Yu.N. *Aktual'nost' issledovaniy sotsializatsii budushchikh ofitserov v usloviyakh fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti* [The importance of the social study of of future officers in the conditions of sports activity]. *Sbornik nauchnykh trudov «Aktual'nye problemy voenno-professional'nogo obrazovaniya i fizicheskoy podgotovki v Vooruzhennykh silakh Rossiyskoy Federatsii»* [Digest of scientific works "Actual problems of military-professional education and physical training in the Armed Forces of the Russian Federation"], no. 2. St. Petersburg, MIPE Publ., 2002, pp. 12-14. (In Russian).
 10. Kuznetsov I.A., Mironov V.V., Pashuta V.L. *Tseli i zadachi nauchnogo obespecheniya fizicheskoy podgotovki v voinskikh chastyakh Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii* [Aims and tasks of scientific maintenance of physical training in military bases of the Ministry of Defence of Russian Federation]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchenoy 105-y godovshchine so dnya obrazovaniya Voennogo instituta fizicheskoy kul'tury «Aktual'nye problemy sluzhebno-prikladnoy fizicheskoy podgotovki i sporta»* [Proceedings of International Conference devoted to the 105th anniversary of Military Institute of Physical Education "Actual problems of service and applied physical training and sport"], part 1, eds. A.A. Obvintsev, V.L. Pashuta, E.N. Kur'yanovich. St. Petersburg, MIPE Publ., 2014, pp. 237-244. (In Russian).
 11. *Teoriya i organizatsiya fizicheskoy podgotovki voysk* [Theory and organization of physical training of the troops], ed. L.A. Veydner-Dubrovin. Leningrad, MIPE Publ., 1980. 512 p. (In Russian).
 12. *Teoriya i organizatsiya fizicheskoy podgotovki voysk*. [Theory and organization of physical training of the troops], Part 1, eds. L.A. Veydner-Dubrovina, V.V. Mironov, V.A. Sheychenko. St. Petersburg, MIPE Publ., 1992. 340 p. (In Russian).
 13. *Teoriya i organizatsiya fizicheskoy podgotovki voysk* [Theory and organization of physical training of the troops], ed. V.V. Mironova. St. Petersburg, MIPE Publ., 2006. 594 p. (In Russian).
 14. Milner B.Z. *Teoriya organizatsii* [Theory of organising]. Moscow, Infra-M Publ., 2010. 864 p. (In Russian).
 15. *Rukovodstvo po fizicheskoy podgotovke v Voennno-Morskoy Flote (RFP VMF)* [Manual of physical training of navy (RFP VMF)]. Part 1. Moscow, Ankil Publ., 2014. 163 p. (In Russian).
 16. *Rukovodstvo po fizicheskoy podgotovke v Voennno-Morskoy Flote (RFP VMF). Part 2. Osnovy metodiki provedeniya fizicheskoy podgotovki v Voennno-Morskoy Flote* [Manual of physical training of Navy (RFP VMF) Part 2. Basic principles of physical training methods in Navy]. Moscow, Ankil Publ., 2014. 504 p. (In Russian).
 17. *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury* [Theory and methodology of physical culture], ed. Yu.F. Kuramshin. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 2010. 464 p. (In Russian).
 18. Yakimenko O.D. *Formirovanie organizatsionno-upravlencheskoy kompetentnosti u bakalavrov*

- napravleniya podgotovki «Fizicheskaya kul'tura» [Formation of organizational and managerial competence of bachelors of specialty “Physical. Education”]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific notes of P.F. Lesgaft University], 2016, no. 4 (134), pp. 317-322. (In Russian).
19. *Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke Vooruzhennykh Sil SSSR (NFP-66)* [Manual of physical training of Armed Forces of USSR (NFP-66)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1966. 344 p. (In Russian).
 20. Knorring V.I. *Teoriya, praktika i iskusstvo upravleniya* [Theory, practice and art of managing]. Moscow, Norma Publ., 2001, pp. 31-32. (In Russian).
 21. Chernikov N.G. *Formirovanie komandno-metodicheskikh znaniy, navykov i umeniy kursantov voennykh uchilishch PVO v protsesse fizicheskoy podgotovki* [Formation of a team-methodical knowledge, skills and abilities of cadets of military schools of the air defense in the process of physical training]. Leningrad, LHZRCA Publ., 1986. 80 p. (In Russian).
 22. Chigirev V.A., Selegen V.P., Kryukov M.P. *Teoreticheskie osnovy i metody sovershenstvovaniya upravleniya podgotovkoy voennykh spetsialistov. Kontseptsiya lokal'noy sistemy nepreryvnoy podgotovki kadrov* [Theoretical foundations and methods of improving the management of the military personnel' training. Conception of local system of continuous training]. Moscow, MD USSR Publ., 1990. 863 p. (In Russian).
 23. Fedorov V.G. *Nauchno-teoreticheskie osnovy mnogourovnevnogo voenno-fizkul'turnogo obrazovaniya* [Scientific and theoretical basic principles of multi-level military-physical education]. Dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk. St. Petersburg, MIPE Publ., 1998, pp. 22, 43, 56, 79, 123, 206. (In Russian).
 24. Morozova L.V., Kir'yanova L.A., Morozov O.G. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v protsesse podgotovki spetsialistov fizicheskoy kul'tury i sporta* [Modern educational technologies in the process of preparing specialists of physical culture and sport]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific notes of P.F. Lesgaft University], 2016, no. 4 (134), pp. 183-186. (In Russian).
 25. Demyanenko Yu.K. *Fizicheskaya podgotovka na osnovnykh etapakh professional'nogo stanovleniya voennogo spetsialista* [Physical training on the main stages of professional formation of military specialist]. Dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk v forme nauchnogo doklada. St. Petersburg, MIPE Publ., 1995. 55 p. (In Russian).
 26. *Fizicheskaya kul'tura* [Physical culture], eds. V.V. Mironova, V.A. Sobiny, A.S. Yatskovtsa. Moscow, Voenizdat Publ., 2005. 462 p. (In Russian).
 27. Udovik S.V. *Fizicheskaya podgotovka voennosluzhashchikh na sovremennom etape reformirovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii* [Military personnel' physical training at the present stage of reforming the Armed Forces of the Russian Federation]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata pedagogicheskikh nauk. St. Petersburg, MIPE Publ., 2008, pp. 5, 16, 19, 21. (In Russian).
 28. Yarmolenko A.V. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie formirovaniya professional'no vazhnykh kachestv kursantov voenno-morskikh uchebnykh zavedeniy v usloviyakh voennoy reformy* [Psychological-pedagogical support of development of professionally important qualities of cadets of naval educational establishments in the conditions of military reform]. Dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk. St. Petersburg, MIPE Publ., 2008, pp. 67-89. (In Russian).
 29. Stepkin M.A. *Vnesenie izmeneniy i dopolneniy v NFP-2009 (proekt prikaza MO RF)* [Making changes and additions to the NFP-2009 (project of the order of the Ministry of Defense of Russian Federation)]. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii so spetsialistami fizicheskoy podgotovki Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii. Chast 1. Zaklyuchenie (predlozheniya) v proekt prikaza MO RF o vnesenii dopolneniy i izmeneniy v NFP-2009* [Proceedings scientific and approach conference with physical training specialists of armed services of Russian Federation. Part 1. Conclusion (proposals) to the draft order MO the Russian Federation about entering of additions and changes in NFP-2009]. St. Petersburg, MIPE Publ., 2012, pp. 3-27. (In Russian).
 30. Pugachev I.Yu. *Utochnenie dinamiki formirovaniya metodicheskoy podgotovlennosti kursantov VMII s pomoshch'yu matematicheskoy modeli* [Dynamics clarification of formation of methodical readiness of cadets MSII using mathematical models]. *Sbornik materialov Mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Tendentsii razvitiya voenno-morskogo obrazovaniya i trebovaniya k podgotovke ofiterskikh kadrov»* [Proceedings of Interuniversity scientific and methodological conference “Trends of the development of Navy education and officers' training requirements”]. St. Petersburg, MSII Publ., 2001, pp. 47-48. (In Russian).
 31. Yurchenko A.L. *Formirovanie organizatorsko-metodicheskikh znaniy i navykov po fizicheskoy podgotovke u kursantov inzhenernykh voenno-uchebnykh zavedeniy VVS s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy* [Formation of the

- organizing-methodological knowledge and skills of physical training and engineering cadets of military educational institutions of Military Air Forces using of information technologies]. *Disser-tatsiya ... kandidata pedagogicheskikh nauk*. St. Petersburg, MIPE Publ., 2002. 173 p. (In Russian).
32. Popov S.V., Rabadanov M.A. Planirovanie i uchet kak funktsii upravleniya fizicheskoy podgotovkoy kursantov i slushateley voennouchebnykh zavedeniy VMF [Planing and recording as functions of managing physical training of cadets and cadets' of military educational institutions of the Navy]. *Sbornik nauchnykh trudov «Teoriya i praktika upravleniya obrazovaniem i uchebnym protsessom: pedagogicheskie, sotsial'nye i psikhologicheskie problemy»* [Digest of scientific works "Theory and practice of managing education and educational process: pedagogical, social and psychological problems"], no. 97. St. Petersburg, BPA Publ., 2010, pp. 62-66. (In Russian).
33. Shepelev A.A. *Kharakteristika sistemy fizicheskoy podgotovki v novom oblike Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii* [Description of the system of physical training in the new image of the Armed forces of the Russian Federation]. Moscow, PED AF RF Publ., 2011. 24 p. (In Russian).
34. *Trebovaniya po proverke i otsenke sostoyaniya fizicheskoy podgotovlennosti voennosluzhashchikh Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii* [Requirements of military personnel' physical training verification and assessment in the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow, Editorial-Publishing Centre GSh VS RF, 2001. 64 p. (In Russian).
- Поступила в редакцию 14.07.2016 г.
Received 14 July 2016

UDC 331.108.26+796.015.132

TENDENCY OF ORGANIZATIONAL-MANAGE ROLE'S COMPONENT INTENSIFICATION IN THE ACTIVITY OF MILITARY SPECIALISTS ON PHYSICAL TRAINING

Igor Yurevich PUGACHEV

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Physical Training Department

Military Academic Centre of Naval Forces "Military-Navy Academy named after Fleet Admiral of the Soviet Union N.G. Kuznetsov"

17/1 Ushakovskaya Emb., St. Petersburg, Russian Federation, 197045

E-mail: pugachyov.i@yandex.ru

Yuriy Yurevich KORABLEV

Senior Supervisor on Special Instructions, Candidate of Pedagogy, Associate Professor

AMIA of Russia in Tambov region

31 Engelsa St., Tambov, Russian Federation, 392002

E-mail: pugachyov.i@yandex.ru

Esedulla Mallaalievich OSMANOV

Doctor of Medicine, Professor, Deputy Pro-rector on Economical-Legal Questions and Infrastructural Development

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: osmanov@bk.ru

The tendency of requirements of organizational-manage component intensification in the activity of military specialists on physical training basing on retrospective analysis of scientific approaches to their functional-official duties is considered and the structure of complicating stage-by-stage approach formation of command-methodic and organizational skills among trainee military man both in training units and in educational institutions of Ministry of Defense of Russian Federation from the point of view of theory and physical training preparation of troops (marine force) is specified. The significant increase of functional tasks capacity of specialists in physical training of Armed Forces is caused by the necessity to prepare military men in the context of new "survival" concept introduction including the conditions of mountain and gaunt landscape, in the conditions of Arctic shelf and practice implementation of specific military-applied sport: submerged firing, submarine close-fight, improved mountain gauntlet and etc.

Key words: organizational-manage component; Armed Forces; physical training specialists; functional-official duties

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-22-35

Информация для цитирования:

Пугачев И.Ю., Кораблев Ю.Ю., Османов Э.М. Тенденция усиления роли организаторско-управленческого компонента в деятельности военных специалистов по физической подготовке // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 22-35. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-22-35.

Pugachev I.Yu., Korablev Yu.Yu., Osmanov E.M. Tendentsiya usileniya roli organizatorsko-upravlencheskogo komponenta v deyatel'nosti voennykh spetsialistov po fizicheskoy podgotovke [Tendency of organizational-manage role's component intensification in the activity of military specialists on physical training]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 22-35. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-22-35. (In Russian).

УДК 796.05+37

ДИНАМИКА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ЮНЫХ ЛЫЖНИКОВ

© **Ольга Сергеевна ПУДОВКИНА**

ассистент кафедры теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: mksteptmb@list.ru

© **Александр Юрьевич КЕЙНО**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории
и методики физической культуры и спортивных дисциплин
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: keino@tsu.tmb.ru

Современное состояние лыжного спорта в соответствии с социально-экономическими требованиями современного общества определяют динамику роста спортивных результатов и предъявляют высокие требования к спортсменам, что отражается более ранней специализацией юных спортсменов. Лыжные гонки очень популярны в нашей стране и являются массовым видом спорта. Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция к снижению посещаемости детско-юношеских спортивных школ по специализации «Лыжные гонки». Это объясняется, во-первых, снижением уровня профессиональной подготовки тренерского состава; во-вторых, снижением уровня финансирования массового спорта; в-третьих, снижением популярности циклических видов спорта, требующих развития выносливости. При этом по-прежнему велико значение подготовки спортивных резервов основных команд в системе детско-юношеского спорта. Предложено много различных концепций организации тренировочного процесса, начиная от младшего возраста до сборных команд, спланированы и реализованы вариативные сочетания средств и методов тренировки. Вместе с тем научно-технический прогресс в области разработок технических средств передвижения и средств восстановления оказывают влияние на возрастающие результаты. Двигательные качества в ходе естественного развития имеют период ускоренного формирования (сенситивный). В данный период конкретное качество юных спортсменов наиболее чувствительно к воздействию физической нагрузки. Следовательно, для полной реализации закономерностей развития организма юных спортсменов необходимо делать акцент на тренировке качеств, вступивших в сенситивный период. Первым в такое состояние вступает быстрота, и происходит это в возрасте от 7 до 16 лет. Далее скоростно-силовые качества – 9–18 лет. Затем сила – 12–19 лет. И после всех выносливость – 14–20 лет. Тренировочная программа, построенная по иной схеме, не сможет полностью реализовать биологические закономерности развития организма юных лыжников. Не сделав акцентов на развитии качеств в обозначенные периоды, мы не сможем впоследствии получить желаемый эффект. Ведущее двигательное качество для лыжников – выносливость. Оно последним вступает в период интенсивного естественного развития, и начинается это с 14 лет. В связи с этим в возрасте 11–13 лет есть смысл рассматривать данное качество наравне с остальными как средство ОФП. Такой подход дает возможность достаточного воздействия на быстроту, скоростно-силовые качества и силу. При этом не следует забывать, что возраст лыжников мировой элиты находится в диапазоне от 21 года до 30 лет. Следовательно, приступив к активному формированию выносливости с 14 лет, мы имеем 7–8 лет для его развития. При этом следует отметить, что в настоящее время существуют достаточно противоречивые мнения на предмет реализации тренировочных планов и методики подготовки юных лыжников-гонщиков. Вместе с тем вопросы индивидуализированной подготовки юных лыжников на основе их морфологического статуса не освещены в полной мере в научной литературе.

Ключевые слова: федеральные стандарты спортивной подготовки; лыжный спорт; спортивная подготовка юных лыжников; морфологические показатели; двигательные качества; тренировочные нагрузки

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-36-45

В современном лыжном спорте многие тренеры используют в своей работе методики тренировки, не отходя от привычных ранее разработанных схем, что часто приводит к замедлению роста спортивных результатов, а иногда и к их снижению. В 90-х гг. XX века

заметно уменьшилось финансирование всего спорта в целом и юношеского в частности, что повлекло за собой не только уход ряда тренеров и специалистов в более высокооплачиваемые области, но и ряд проблем организационно-методического характера. По-

мимо этого в последние годы изменился формат проведения соревнований, стали появляться лыжники, специализирующиеся только в одной дисциплине.

14 марта 2013 г. Приказом Министерства спорта РФ утвержден Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «Лыжные гонки», это знаковое событие для лыжного спорта, поскольку в содержании стандарта спортивной подготовки утверждены требования к структуре и содержанию программ спортивной подготовки по лыжным гонкам, в том числе к освоению их теоретических и практических разделов применительно к каждому этапу спортивной подготовки [1].

В нормативной части стандарта определена продолжительность этапов спортивной подготовки, минимальный возраст лиц для зачисления на этапы спортивной подготовки и минимальное количество лиц, проходящих спортивную подготовку в группах на этапах спортивной подготовки по виду спорта «Лыжные гонки». В этом же разделе определено соотношение объемов тренировочного процесса по видам спортивной подготовки на этапах спортивной подготовки по виду спорта «Лыжные гонки» [1].

Возникают предпосылки к поиску новых путей повышения эффективности тренировочной деятельности спортсменов. Актуальным является вопрос оптимизации построения учебно-тренировочного процесса юных лыжников, который заключается в подборе средств и методов спортивной тренировки, соотношения нагрузок на этапах годичной подготовки в соответствии с принципом индивидуализации. Стоит использовать дифференцированный подход к юным спортсменам при организации педагогического процесса и реализации поставленных задач, основываясь на индивидуальных психолого-педагогических и возрастных особенностях развития детей [2].

В настоящее время существуют достаточно противоречивые мнения на предмет реализации тренировочных планов и методики подготовки юных лыжников-гонщиков. Вместе с тем вопросы индивидуализированной подготовки юных лыжников не освещены в полной мере в научной литературе.

По-прежнему нет четкого научного обоснования методики подготовки, с учетом

уровня морфологического развития юных спортсменов, разработки тренировочных программ и их экспериментального обоснования [3].

Исследования проводились в структуре детско-юношеской школы. Основные педагогические наблюдения велись за лыжниками-гонщиками 2002–2004 г. р., которые были разделены на две группы: контрольную и экспериментальную. Каждая группа состояла из 18 мальчиков (в возрасте 12–14 лет). В течение двух сезонов (2014–2015 и 2015–2016 гг.) наблюдения осуществлялись на базе Тамбовской региональной организации «Динамо».

При этом основное внимание уделялось регистрации использования средств и методов, направленных на воспитание специальной выносливости, выполнение объемов тренировочных нагрузок спортсменами и контролировалась интенсивность выполнения основных средств специальной подготовки. Полученные данные фиксировались в журнал.

Для решения поставленных задач организован совместный учебно-тренировочный сбор на летне-осеннем этапе (сезон 2014–2015 гг.) подготовительного периода с августа по сентябрь, на котором были проведены анализ планирования тренировочных нагрузок и эксперимент. В течение последнего опробованы средства и методы специальной подготовки при выполнении равных объемов тренировочных нагрузок в контрольной группе и экспериментальной группе.

На первом этапе эксперимента выполнены контрольные испытания по тестам физической подготовленности. Затем в течение четырех недельных микроциклов проведены тренировочные занятия, на которых в обеих группах использовали средства специальной подготовки. На первом этапе объемы последней в контрольной и экспериментальной группах были одинаковыми.

На втором этапе для каждой группы была разработана определенная методика с направленностью на воздействие на определенные двигательные качества с учетом особенностей физической нагрузки и ее направленности.

Анализ современной научно-методической литературы показал, что в работах последних лет есть четкие рекомендации о планомерном наращивании объемов трени-

рочных нагрузок специальной подготовки юных лыжников, строго учитывающие возрастные изменения организма юных спортсменов; четко определена значимость той или иной нагрузки (ее тренирующий эффект). Тем не менее, единого мнения о структуре построения тренировочных циклов для юных лыжников в подготовительном периоде нет.

Ограничены и рекомендуемые средства специальной подготовки для юных лыжников, прошедших отбор в специализированных школах, то есть перспективных спортсменов; и почти совсем не определена методика применения развивающих нагрузок для юных лыжников в специальных упражнениях [3].

В результате исследования мы выявили, что к основным средствам в лыжных гонках относят следующие:

- кросс с имитацией лыжных ходов в подъем (пологий или крутой – рельеф трассы, в зависимости от направленности тренировочного занятия, то есть его специфики). Имитация в подъем бывает двух видов: шаговая и прыжковая. Как средство тренировки лыжников имитация применяется для более детального воссоздания техники и передачи ощущений, которые лыжник испытывает непосредственно на лыжах – в снежный период подготовки;

- имитационные упражнения (в движении и на месте). Данное средство специальной подготовки лыжников позволяет тренеру исправлять ошибки в технике, корректировать или совершенствовать любой технический элемент или отдельное движение воспитанника, используя любой из лыжных ходов пофазно;

- лыжероллеры – достаточно недавно стали применяться в подготовке лыжников-гонщиков. Несмотря на свою «молодость» смогли занять важное место в тренировочном процессе лыжников. Причем лыжероллеры стали самым незаменимым средством специальной подготовки, так как именно благодаря им у лыжников появилась возможность детального воспроизведения и воссоздания всех лыжных ходов и их элементов лыжной подготовки в подготовительном периоде [4];

- кросс также является одним из важнейших средств подготовки спортсмена (в

лыжных гонках и других видах спорта), а также – хорошим средством восстановления;

- кросс-поход (смешанное передвижение) – оказывает разностороннее воздействие на организм спортсмена, так как включает в себя два режима деятельности – бег и ходьбу. Данное средство тренировки лыжников позволяет увеличивать длительность тренировочного занятия благодаря своей специфичности [3].

К вспомогательным средствам подготовки лыжников можно отнести множество других видов деятельности, таких как спортивные игры, плавание, велосипед, легкая атлетика и занятия в тренажерных залах и др. [4].

Результаты исследования показали, что между морфологическими показателями и физической подготовленностью юных лыжников может существовать связь особого рода, при которой с изменением одной величины меняется распределение другой [4].

Выявление такого рода связи и оценка ее силы между морфологическими показателями и специальной физической подготовленностью юных спортсменов представляют важную задачу проведенного корреляционного анализа.

В процессе исследования были учтены необходимые условия применения корреляционного анализа морфологических показателей и специальной физической подготовленности юных лыжников:

- наличие достаточно большого количества наблюдений о величине исследуемых факторных и результативных показателей (в динамике или за текущий год по совокупности однородных объектов);

- исследуемые факторы должны иметь количественное измерение и отражение в тех или иных источниках информации [4].

Применение корреляционного анализа позволило решить следующие задачи:

- определить изменение результативного показателя физической подготовленности под воздействием одного или нескольких факторов (в абсолютном измерении), то есть определить, на сколько единиц изменяется величина результативного показателя при изменении факторного на единицу;

- установить относительную степень зависимости морфологических показателей и показателей физической подготовленности от каждого фактора [5].

Для проведения корреляционного анализа было использовано шесть морфологических показателей, характеризующих уровень физического развития юных лыжников и шесть показателей общей и специальной физической подготовленности, характеризующих общий уровень физической подготовки юных лыжников.

Основной упор в проводимом эксперименте был сделан на использование специальных физических упражнений в тренировочном процессе юных лыжников-гонщиков [6]. Например, специальные подготовленные упражнения способствуют повышению уровня развития специфических качеств лыжника и совершенствованию элементов техники избранного вида лыжного спорта.

К ним относятся разнообразные имитационные упражнения и упражнения на тренажерах (передвижение на лыжероллерах). При выполнении этих упражнений (в беснежное время года) укрепляются группы мышц, непосредственно участвующие в передвижении на лыжах, а также совершенствуются элементы техники лыжного хода [7]. Ввиду того, что эти упражнения сходны с передвижением на лыжах и по двигательным характеристикам, и по характеру усилий, здесь наблюдается положительный перенос физических качеств и двигательных навыков [8; 9].

Анализ уровня развития физических качеств лыжников-гонщиков контрольной группы (КГ) и экспериментальной группы (ЭГ) в начале эксперимента существенно не отличались. Основные изменения были выявлены в КГ и ЭК после завершения эксперимента (табл. 1, 2).

В контрольной группе все шесть тестов имеют положительную динамику, но при этом все восемь показателей имеют низкий коэффициент Стьюдента ($p > 0,05$), что свидетельствует о слабой зависимости начального и конечных показателей в КГ. При этом разброс положительных значений в КГ показателей физической подготовленности юных лыжников колеблется от 2,0 до 12,5 %. Это, по нашему мнению, можно считать как нормальный биологический прирост физических качеств.

В экспериментальной группе также все шесть тестов имеют положительную дина-

мику, разброс приростов значительно больше и шире – от 4,8 до 58,8 %.

Из шести тестов в ЭГ пять тестов имеют высокую степень достоверности; сгибание рук в упоре – динамика +16,7 % при ($p < 0,05$); прыжок в длину с места динамика +15,8 % ($p < 0,05$); челночный бег – динамика +16,3 % ($p < 0,05$) при ($p > 0,05$); бег 1000 м – динамика +12,4 % при ($p < 0,05$).

Анализ уровня физического развития (морфологические показатели) показал следующее (табл. 3, 4).

Обобщение результатов исследования.

Мы выявили, что предложенная нами экспериментальная методика существенно повлияла на развитие выносливости подростков экспериментальной группы, что проявилось не только в улучшении результатов тестов «Бег 1000 м» и «Бег на лыжах 3000 м».

В своей экспериментальной методике мы выделяем скоростную и скоростно-силовую выносливость как ведущие двигательные качества юных лыжников. Первая определяется уровнем достижений в субмаксимальной зоне мощности, вторая – меньшим падением скорости с увеличением протяженности дистанции и ее рельефом [10].

В основном эти качества базируются на развитии специальной выносливости у юных лыжников-гонщиков. Для развития этих качеств в подготовительном периоде используются те или иные специально-подготовительные упражнения [8]. На данный период арсенал специально-подготовительных упражнений для лыжников-гонщиков достаточно разнообразен, и использовать их для юных гонщиков можно очень эффективно.

Выявлено, что морфологические показатели в процессе тренировки меняются медленнее и являются более постоянными, примером могут служить показатели жизненной емкости легких и окружность грудной клетки. В основном анализ динамики выявил изменения показателей общей и специальной физической подготовленности, это показатели бег 1000 м и бег на лыжах 3000 м, что, по нашему мнению, свидетельствует о положительном влиянии предложенной нами методики в первую очередь на показатели специальной физической подготовленности юных лыжников.

Таблица 1

Уровень физической подготовленности юных лыжников-гонщиков экспериментальной группы в ходе эксперимента ($n = 18$)

Тесты	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (количество раз)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	35	23	35	35	32	30	35	32	25	25	32	30	28	30	16	25	38	36	30,1	5,3	1,3	1,5 < 0,05	
Итоговые	40	25	42	41	31	35	40	38	26	25	40	35	32	35	25	36	45	40	35,1	6,6	1,5		
Тесты	Поднимание туловища из положения лежа (количество раз за мин.)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	41	30	38	45	55	32	48	41	35	30	28	33	36	44	26	39	47	44	38,4	7,1	1,9	1,7 > 0,05	
Итоговые	50	38	40	45	56	35	50	45	39	39	35	40	40	48	35	45	48	45	42,9	5,2	1,4		
Тесты	Прыжок в длину с места (см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	185	205	185	210	190	185	210	175	200	210	180	210	195	210	205	195	190	195	196,5	17,2	5,0	1,7 > 0,05	
Итоговые	195	210	200	210	200	190	215	180	195	215	185	205	200	215	210	205	185	200	201,5	18,3	5,3		
Тесты	Кросс 1000 м (с)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	223	245	236	242	219	222	252	217	262	249	228	274	263	228	242	223	276	213	241	1,9	1,6	1,2 > 0,05	
Итоговые	220	237	226	220	236	313	242	210	272	256	218	261	258	234	227	237	262	210	231	1,2	1,9		
Тесты	Челночный бег 3×10 (с)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	8,2	9,2	8,1	8,0	7,7	8,5	8,0	7,9	8,6	8,8	9,2	9,0	8,9	7,9	9,5	9,0	7,8	8,0	8,5	0,6	0,1	2,8 < 0,05	
Итоговые	8,0	8,7	8,0	7,8	7,4	8,0	7,5	7,4	8,0	8,3	9,0	8,3	8,9	7,3	9,0	8,5	7,3	7,2	8,0	0,7	0,1		
Тесты	Бег на лыжах 3000 м (с)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	574	612	694	563	596	623	694	586	645	639	699	585	563	657	599	705	574	585	624	1,5	0,4	3,0 < 0,05	
Итоговые	596	586	645	612	590	610	654	580	622	630	675	590	575	622	590	694	580	605	614	1,4	0,3		

Таблица 2

Уровень физической подготовленности спортсменов контрольной группы в ходе эксперимента ($n = 18$)

Тесты	Сгибание рук в упоре лежа (количество раз)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	35	23	21	19	32	30	35	16	18	25	32	30	21	23	27	25	38	36	26,3	5,6	1,3	2,3 < 0,05	
Итоговые	40	25	22	21	31	35	40	20	21	25	40	35	22	25	27	36	45	40	28,6	6,3	1,5		
Тесты	Поднимание туловища из положения лежа (количество раз за мин.)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	41	30	26	33	55	32	48	41	38	39	28	33	36	44	35	31	47	44	34,6	8,9	1,9	1,7 > 0,05	
Итоговые	50	38	27	35	56	35	50	45	41	40	32	40	40	48	39	30	48	45	39,4	6,1	1,4		
Тесты	Прыжок в длину с места (см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	185	205	195	185	195	185	210	175	180	185	175	210	195	210	205	190	185	195	192,5	14,5	5,1	1,4 > 0,05	
Итоговые	195	210	200	195	195	190	215	180	180	185	180	205	200	215	210	195	190	200	196,6	12,5	6,3		
Тесты	Кросс 1000 м (с)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	252	248	232	242	219	222	252	217	220	245	228	274	263	228	229	262	276	203	250	0,6	1,6	1,5 > 0,05	
Итоговые	248	251	238	220	236	213	242	210	215	241	218	261	258	234	252	265	262	210	248	0,9	1,9		
Тесты	Челночный бег 3×10 (с)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	8,2	9,2	9,0	9,2	8,8	8,5	8,0	7,9	8,9	9,1	9,2	9,0	8,9	7,9	9,5	9,0	9,3	9,4	8,9	0,2	0,1	2,1 < 0,05	
Итоговые	8,0	8,7	9,0	9,1	8,6	8,0	7,5	7,4	8,5	9,0	9,0	8,3	8,9	7,3	9,0	8,5	9,2	9,4	8,8	0,4	0,1		
Тесты	Бег на лыжах 3000 м (с)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	594	612	694	563	596	623	694	657	565	639	699	585	563	657	632	625	574	585	635	3,6	0,4	2,8 < 0,05	
Итоговые	590	620	645	612	590	610	654	654	612	630	675	590	575	622	630	654	580	605	628	2,4	0,3		

Таблица 3

Уровень физического развития (морфологические показатели) спортсменов
экспериментальной группы в ходе эксперимента ($n = 18$)

Тесты	Масса тела (кг)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	38,9	41,2	42,1	39,6	38,5	41,3	40,7	42,3	38,4	37,2	41,2	39,3	39,3	42,3	42,9	40,5	41,3	39,9	40,7	4,6	1,3	2,1 < 0,05	
Итоговые	39,9	43,1	42,9	41,7	41,7	42,7	41,9	42,6	41,5	39,8	42,7	41,6	43,9	43,4	43,9	42,4	42,5	41,1	41,9	5,4	1,5		
Тесты	Длина тела (см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	146,5	151,3	147,5	148,4	152,3	150,3	152,3	148,3	151,1	153,9	147,7	149,7	154,3	151,9	149,8	153,2	152,2	151,3	150,6	9,9	1,9	1,3 > 0,05	
Итоговые	148,6	152,4	149,3	149,9	154,3	152,3	154,4	150,9	152,3	154,7	149,9	151,3	155,9	152,8	151,7	155,4	153,3	152,3	152,1	8,0	1,4		
Тесты	Окружность грудной клетки (см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	66,3	68,6	67,8	69,9	67,8	70,3	70,5	68,1	69,7	70,6	68,9	67,2	71,5	67,1	68,4	69,2	68,4	69,5	68,9	2,2	5,0	1,5 > 0,05	
Итоговые	67,2	69,1	68,4	70,1	68,4	71,2	70,9	69,4	70,6	71,5	68,9	68,1	72,3	68,5	69,4	70,3	69,6	70,5	69,9	3,5	5,3		
Тесты	Жизненная емкость легких (л)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	2,3	2,1	2,3	2,4	2,6	2,5	2,4	2,1	2,0	2,3	2,4	2,5	2,6	2,4	2,4	2,5	2,4	2,6	2,37	0,5	3,2	3,6 < 0,05	
Итоговые	2,4	2,2	2,3	2,5	2,7	2,5	2,6	2,4	2,2	2,4	2,4	2,7	2,6	2,5	2,5	2,6	2,4	2,7	2,48	0,3	2,2		
Тесты	Динамометрия (кг)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	24,3	22,5	24,5	23,4	19,8	21,5	23,5	19,8	17,6	21,7	23,5	18,9	22,4	19,8	20,8	21,6	24,5	22,2	21,8	6,9	1,6	1,6 > 0,05	
Итоговые	25,4	22,9	25,4	23,2	21,7	22,4	24,6	21,4	19,5	22,0	23,9	19,8	23,4	21,4	20,9	23,5	24,6	22,7	22,3	8,2	1,9		
Тесты	Весоростовой индекс Кетле (г/см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	265,5	272,3	285,4	252,9	274,6	266,9	285,4	254,7	241,5	278,2	262,3	254,8	278,9	286,4	264,4	275,8	263,8	267,8	253,6	11,6	0,4	3,2 < 0,05	
Итоговые	266,3	278,5	295,3	258,6	278,9	277,4	298,3	266,5	245,5	278,9	265,5	261,4	278,9	292,2	265,5	285,2	265,2	271,2	263,2	12,4	0,3		

Таблица 4

Уровень физического развития (морфологические показатели) спортсменов
контрольной группы в ходе эксперимента ($n = 18$)

Тесты	Масса тела (кг)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	44,3	45,6	42,1	39,6	38,5	41,3	41,3	45,3	46,3	37,2	41,2	39,3	41,6	46,5	42,9	40,5	41,3	39,9	42,1	4,6	1,3	2,2 < 0,05	
Итоговые	46,3	48,6	42,9	41,7	41,7	42,7	43,2	47,6	48,5	39,8	42,7	41,6	42,6	48,9	43,9	42,4	42,5	41,1	44,9	6,9	1,5		
Тесты	Длина тела (см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	151,2	154,4	139,5	148,3	152,3	150,3	152,3	148,3	151,1	153,9	151,2	154,3	154,3	151,9	149,8	153,2	148,9	148,6	150,8	14,6	1,9	1,4 > 0,05	
Итоговые	152,8	155,6	141,5	149,6	154,3	152,3	154,4	150,9	152,3	154,7	153,9	158,6	156,4	152,8	151,7	155,4	151,7	152,4	151,7	14,2	1,4		
Тесты	Окружность грудной клетки (см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	67,5	68,6	70,5	71,6	67,8	70,3	70,5	68,1	72,3	69,4	68,9	67,2	71,5	67,1	68,4	69,2	71,3	72,4	69,5	4,6	5,6	1,6 > 0,05	
Итоговые	69,5	69,1	72,3	71,9	68,4	71,2	70,9	69,4	73,2	74,5	68,9	68,1	72,3	68,5	69,4	70,3	72,6	74,9	71,5	5,4	5,5		
Тесты	Жизненная емкость легких (л)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	2,1	2,5	2,3	2,4	2,6	2,5	2,4	2,6	2,7	2,2	2,4	2,5	2,6	2,4	2,4	2,4	2,6	2,6	2,45	0,5	1,4	3,1 < 0,05	
Итоговые	2,2	2,6	2,3	2,5	2,7	2,5	2,6	2,7	2,8	2,4	2,4	2,7	2,6	2,5	2,5	2,5	2,7	2,7	2,55	0,4	2,0		
Тесты	Динамометрия (кг)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	18,3	19,5	21,5	23,4	19,8	21,5	23,5	19,8	17,6	21,7	20,8	19,6	21,4	19,8	20,8	21,6	24,5	23,5	21,1	8,6	2,1	1,5 > 0,05	
Итоговые	19,5	21,5	23,4	23,2	21,7	22,4	24,6	21,4	19,5	22,0	22,4	22,6	22,5	21,4	20,9	23,5	24,6	22,4	21,9	6,3	2,3		
Тесты	Весоростовой индекс Кетле (г/см)																		\bar{X}	δ	m	t	p
Начальные	293,7	296,3	273,4	282,5	260,2	275,5	271,7	298,3	306,2	254,4	272,5	255,6	268,8	307,4	264,5	275,8	271,6	281,1	278,9	18,9	4,6	3,3 < 0,05	
Итоговые	298,2	302,1	284,2	292,3	285,2	281,2	289,3	306,2	311,2	265,2	281,2	275,2	275,2	308,2	278,2	286,2	288,2	284,5	289,5	21,2	5,6		

Список литературы

1. Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта лыжные гонки: приказ Министерства спорта РФ от 14.03.2013 г. № 111. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бальсевич В.К. Перспективы развития общей теории и технологии спортивной подготовки и физического воспитания (методологический аспект) // Теория и практика физической культуры. 1999. № 4.
3. Быкова М.М., Ануфриев А.В. Возрастные изменения производительности сердца и аэробной работоспособности у школьников и юных спортсменов // 18 научная конференция студентов и молодых ученых МОГИФК: тез. докл. Малаховка, 2004.
4. Корженевский А.Н. Тренировка юных спортсменов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2007. № 1. С. 25-27.
5. Годик М.А. Спортивная метрология. М.: Изд-во «Физкультура и спорт», 1988. 192 с.
6. Манжосов В.Н. Тренировка лыжников-гонщиков. М.: Изд-во «Физкультура и спорт», 1996. 96 с.
7. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры. М.: Изд-во «Физкультура и спорт», 1991. 543 с.
8. Набатникова М.Я., Филлин В.П. Спортивная подготовка как многолетний процесс // Современная система спортивной подготовки / под ред. Ф.П. Суслова, В.Л. Сыча, Б.Н. Шустина. М.: СААМ, 1995. С. 351-382.
9. Филлин В.П. Современная система спортивной подготовки / под ред. Ф.П. Суслова, В.Л. Сыча, Б.Н. Шустина. М.: СААМ, 1995.
10. Квашук П.В., Сотскова И.Г., Левочкина О.Е., Ланиаков В.К. Программы общеобразовательных учреждений. Лыжные гонки. М., 2001.
3. Bykova M.M., Anufriev A.V. Vozrastnye izmeneniya proizvoditel'nosti serdtsa i aerobnoy rabotosposobnosti u shkol'nikov i yunyykh sportsmenov [Age-dependent changings of cardiac efficiency and aerobic capacity of pupils and young sportsmen]. *18 nauchnaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh MOGIFK* [18th scientific conference of students and young scientists of MSAPC]. Malakhovka, 2004. (In Russian).
4. Korzhenevskiy A.N. Trenirovka yunyykh sportsmenov [Young sportsmen's training]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* [Physical education: upbringing, education, training], 2007, no. 1, pp. 25-27. (In Russian).
5. Godik M.A. *Sportivnaya metrologiya* [Sports metrology]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1988. 192 p. (In Russian).
6. Manzhosov V.N. *Trenirovka lyzhnikov-gonshchikov* [Training of ski-racers]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1996. 96 p. (In Russian).
7. Matveev L.P. *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury* [Theory and methodology of physical education]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1991. 543 p. (In Russian).
8. Nabatnikova M.Ya., Filin V.P. *Sportivnaya podgotovka kak mnogoletniy protsess* [Sports training as long-term process]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki* [Modern system of sport training], eds. F.P. Suslov, V.L. Sych, B.N. Shustin. Moscow, SAAM Publ., 1995, pp. 351-382. (In Russian).
9. Filin V.P. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki* [Modern system of sport training], eds. F.P. Suslov, V.L. Sych, B.N. Shustin. Moscow, SAAM Publ., 1995. (In Russian).
10. Kvashuk P.V., Sotskova I.G., Levochkina O.E., Lanshakov V.K. *Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. Lyzhnye gonki* [Programms of general education institution. Ski racing]. Moscow, 2001. (In Russian).

References

1. Russian Federation. Order № 111 of the Ministry Sport of the Russian Federation of March 14, 2013, *Ob utverzhdenii federal'nogo standarta sportivnoy podgotovki po vidu sporta lyzhnye gonki* [On approval of Federal standards of sports training in ski racing]. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 20.06.2016).
2. Bal'sevich V.K. *Perspektivy razvitiya obshchey teorii i tekhnologii sportivnoy podgotovki i fizicheskogo vospitaniya (metodologicheskii aspekt)* [Prospects of development of general theory and technology of sports training and physical upbringing (methodological aspect)]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 1999, no. 4. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2016 г.
Received 2 July 2016

UDC 796.05+37

DYNAMICS OF MORPHOLOGICAL INDICES AND SPECIAL PREPAREDNESS OF YOUNG SKIERS

Olga Sergeevna PUDOVKINA

Assistant Theory and Methods of Physical Education and Sports Disciplines Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: mksteptmb@list.ru

Aleksander Yurevich KEYNO

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Theory and Methods of Physical Training and Sports Disciplines Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: keino@tsu.tmb.ru

Present condition of skiing in accordance with the socio-economic requirements of modern society determines the growth of dynamics of sports results and place high demands on athletes, which reflects the earlier specialization of young athletes. Ski racing is very popular in our country and is a mass sport. However, in recent years there has been a downward trend in attendance child – youthful sport schools “Ski race” specialization. This is due to, first of all, lower level of professional training of coaching staff; secondly, the reduction in the level of financing of mass sports; thirdly, a decrease in the popularity of cyclic sports requiring endurance development. The preparation of sport base teams in the reserves is still important in the system of youth sport. A lot of different concepts of organization of the training process, starting from younger age teams, planned and implemented a variable combination of means and methods of training are offered. However, scientific and technological progresses in the development of technical means of movement and recovery tools have an impact on increasing results. Motor skills in the course of natural development have a period of accelerated formation (sensitive). In this specific period the quality of young athletes is the most sensitive to the effects of exercise. Consequently, for the full implementation of the laws of development of young athletes’ organism it is needed to focus on training the qualities that entered during the sensitive period. Such first condition comes quickly, and it happens in age from 7 to 16 years. Further, speed-power-quality is from 9–18 years. Then, strength is from 12–19 years. And, after all, the endurance is between 14 and 20 years. A training program based on another scheme will not be able to fully realize the biological laws of development of young skiers’ organism. Without making any emphasis on the development of qualities in mentioned periods, we will not be able to subsequently obtain the intended effect. The leading motor quality for skiers is endurance. It enters into the period of intense natural development the latest and it begins at age of 14. In this regard, at the age of 11–13 years, it makes sense to consider the quality along with other as General physical preparedness means. This approach enables a sufficient impact on speed, speed-strength qualities and power. It should not be forgotten that the age of the skiers of the world elite is in the range from 21 years to 30 years. Consequently, upon assuming the active shaping of endurance 14 years, we have 7–8 years for its development. It should be noted that currently there are rather contradictory opinions on the implementation of the training plans and techniques of preparation of young skier-racers. However, individualized training of young skiers on the basis of their morphological status is not lit fully in the scientific literature.

Key words: federal standards of sports training; skiing; sport training of young skiers; morphological indices; movement quality; training load

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-36-45

Информация для цитирования:

Пудовкина О.С., Кейно А.Ю. Динамика морфологических показателей и специальной подготовленности юных лыжников // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 36-45. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-36-45.

Pudovkina O.S., Keyno A.Yu. Dinamika morfologicheskikh pokazateley i spetsial'noy podgotovlennosti yunykh lyzhnikov [Dynamics of morphological indices and special preparedness of young skiers]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 36-45. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-36-45. (In Russian).

УДК 81.276:5+811.111+355.48

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННЫХ СЛОВАРЕЙ-РАЗГОВОРНИКОВ КАК МАЛОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

© Сергей Сергеевич ЗАГАЙНОВ

студент факультета иностранных языков

Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Российская Федерация, г. Томск, ул. Ленина, 36

E-mail: 48zegess15@gmail.com

© Петр Джонович МИТЧЕЛЛ

доктор педагогики, зам. декана факультета иностранных языков

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Несмотря на тот факт, что первая типологическая классификация словарей была проведена более 65 лет назад, малый жанр словаря-разговорника все еще находится на периферии отечественной теории лексикографии, и в работах известных лексикографов отсутствуют какие-либо данные о словарях-разговорниках. Существующие же немногочисленные исследования, направленные на изучение произведений этого жанра, относятся в основном к советскому периоду и рассматривают их лишь как памятники древней или старинной лексикографии. Среди разновидностей жанра словаря-разговорника особенно интересен для нас поджанр военного словаря-разговорника. Отсутствие интереса к военным разговорникам, в частности, советским, со стороны военных историков наравне с равнодушием лингвистов препятствует пониманию механизмов создания этих памятников своей эпохи, равно как и пониманию их назначения и принципов их работы. Рассмотрена история развития малого литературного жанра военного словаря-разговорника на примере как отечественных, так и зарубежных изданий. Были выделены основные этапы развития данного малого литературного жанра, для каждого из которых представлены наиболее специфичные образцы произведений. На рассматриваемых примерах были проанализированы основные изменения данного малого жанра, включая самые современные издания.

Ключевые слова: военный перевод; военный разговорник; словарь-разговорник; Великая Отечественная война; Вторая мировая война

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51

Становление жанра военного разговорника. Формирование военного разговорника как поджанра словаря-разговорника наблюдается во второй половине XIX – начале XX века. Так, к произведениям этого периода можно отнести «Русский разговорник для немецкого офицера» (Russischer Sprachführer für den deutschen Offizier) 1898 года издания, австрийский «Полевой словарь» (Feld-Wörterbuch deutsch, polnisch, ruthenisch, russisch) 1888 г. и «Военный разговорник солдата» 1915 г. (Deutsch-russischer Kriegs-Dolmetscher für Soldaten). Термин «военный разговорник» в русском языке получил распространение в середине 1910-х гг. Так, разговорниками с военной спецификой можно считать разговорники для пограничной стражи и охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), изданные в Харбине (1903 г.) и в Пекине (1906 г.) [1]. Тем не менее, до начала 30-х гг. XX века отечественные академические издания малого тиража создавались исключительно с целью перево-

да военной литературы и периодики иностранных изданий, а учебные программы военных академий были ориентированы на языки стран с передовой военной наукой, что препятствовало развитию поджанра военного разговорника.

Развитие военного разговорника в предвоенные годы. Активное развитие отечественного военного разговорника как поджанра словаря-разговорника началось именно в 1930-х гг. и было связано с милитаризацией СССР перед началом Второй мировой войны [2].

Первым периодом развития отечественного военного разговорника, длившимся с 1931 по 1938 г., стало время монополии издательства «Советская энциклопедия». В связи со все возрастающим отставанием системы подготовки военных специалистов в отечественных учебных заведениях, а также трудностями в изучении иностранного опыта военного строительства перед издательством была поставлена задача подготовить и издать

военные словари и разговорники нового образца.

Работа велась одновременно над несколькими языками, для каждого из которых предназначался один выпуск, в состав которого входил военный разговорник, военный словарь с иностранным в качестве входного языка и словарь с русским языком в качестве входного, который служил приложением к разговорнику. В ходе работы было выпущено по меньшей мере 10 выпусков на ряде европейских (немецком, французском, польском, румынском, латышском, финском) и восточных языков (турецком, персидском, китайском, японском), однако на данный момент нет сведений, ясно говорящих о том, что для каждого выпуска был подготовлен свой разговорник, поскольку в архивной базе издательства «Большой Российской энциклопедии» нет документов этого периода, а число сохранившихся образцов разговорников этого периода, находящихся в разрозненных библиотеках и не приведенных к какой-либо системе, слишком мало.

В данной серии разговорников издательства «Советская энциклопедия» первым выпуском был издан в 1934 г. русско-японский военный разговорник И.С. Игара, прилагавшийся к русско-японскому военному словарю под общей редакцией О. Шмидта, вторым – русско-китайский, вышедший в 1937 г. Процесс создания первых разговорников занимал около года, так, создание русско-японского выпуска началось в августе 1933 г. Причиной этому можно назвать острую нехватку отечественного материала, который бы позволил ознакомиться с разговорной речью, и вытекающую отсюда необходимость брать за основу зарубежные издания, в том числе и немецкие, например, раннее пособие «Переводчик русского языка» 1933 г.

Образцы военных разговорников издательства «Советской энциклопедии», будучи первым поколением советских разговорников нового образца, имели ряд недостатков. В частности, их размеры не позволяли считать их карманными, поскольку они могли поместиться только в командирском планшете. Причиной подобного объема являлась их структура, состоящая из двух логических разделов: списка вопросов с транскрипцией и списка возможных ответов. Другой их особенностью можно назвать классовый подход

с надеждой на международную солидарность трудящихся и ярко выраженный интерес к деятельности русской военной эмиграции, в те года предоставлявшей свои услуги вермахту в подготовке и издании справочников «Русская армия». Необходимость Германии в этих справочниках объясняется тем, что уже с 1935 г. русский язык являлся одним из основных элементов системы языковой подготовки вермахта. Издательство Mittler & Sohn, носившее звание одного из самых главных военных издательств, начиная с 1939 г. обеспечивало армию военными разговорниками на языках союзников и противников Германии. Боевые уставы Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) также переводились на немецкий язык и распространялись Генштабом вермахта [3].

Тем не менее, издательство «Советская энциклопедия» решило проблему отсутствия военных разговорников, и наиболее востребованные работы издательства переиздавались без внесения изменений. Так произошло, например, с военным русско-финским словарем 1935 г., который был переиздан в Ленинграде в 1939 г.

Однако с оформлением системы языковой подготовки в РККА, а именно с появлением военных факультетов, работа над военными разговорниками была делегирована Воениздату, который, став профильным издателем данного типа литературы, сумел разработать свой формат – «Краткий военный разговорник», выгодно отличавшийся от предшественников своими размером и внутренней структурой. Уменьшение объема разговорника было достигнуто за счет исключения вариантов ответов или же переноса их в приложения или специальные опросники. Кроме того, были осуществлены и иные усовершенствования, из структуры разговорника были исключены неоднозначные и повторяющиеся вопросы. Отклонения от шаблона, которые существовали в каждом издании, являются на сегодняшний день потенциальным объектом для исследования. Для отечественных авторов хорошим примером военного карманного издания стали также разговорники образца 1938 г. за авторством Ф. Зульцбергера. Кроме того, Воениздатом перед началом войны был разработан иной тип военного разговорника, отличавшейся упрощенной структурой и отсутствием приставки «Крат-

кий», который был выпущен на турецком и немецком языках.

Разговорники, выпущенные Воениздатом в предвоенные годы, были разделены на две категории, которые обладали унифицированным содержанием и практически равным объемом информации. Вариант, предназначенный для бойца и младшего командира, включал в себя дополнительную информацию, такую как приложения в виде силуэтов техники, информацию о вероятном противнике, опросники военнопленных и т. д. Прочие были предназначены для командиров отделения, взвода, роты [4]. В качестве варианта применения разговорника предполагался опрос пленных, перебежчиков и местных жителей.

В связи со все растущими потребностями в военных кадрах, владеющих иностранными языками, перед Военным институтом иностранных языков (ВИИЯ) встала проблема их обучения. Поскольку нужных пособий для этого не было, под руководством Н.Н. Биязи и старшего преподавателя А.В. Монигетти был срочно составлен карманный «Краткий русско-немецкий разговорник» для бойца и младшего командира с фотографиями немецкой военной техники под редакцией А.В. Любарского. Данный разговорник был издан в 1941 г. тиражом в 500 тыс. экземпляров, и в ходе войны он оказался столь полезен и необходим, что был еще дважды переиздан, что позволило добиться общего тиража в 2 млн экземпляров [5].

В предвоенный период Воениздатом были созданы разговорники 11 различных языков. Подобные масштабы выпуска данных пособий объясняются тем, что практически каждое приграничное государство могло стать враждебным, что сделало бы его территорию зоной боевых действий. Кроме того, многие соседние с СССР государства находились в сфере влияния Германии и Англии, которые также могли стать противниками СССР. Тем не менее, в случае некоторых изданий, а именно русско-шведского, русско-венгерского, русско-китайского, русско-персидского, русско-турецкого и русско-английского военных разговорников, данное предназначение разговорника не было исполнено.

Военный разговорник в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, к началу активных боевых действий Военизда-

том структура типичного советского военного разговорника была успешно разработана и опробована на практике, что дало возможность наладить выпуск разговорников и на других языках. Важность данного факта проявилась после битвы за Москву и начала контрнаступления СССР. Так, в ходе смещения фронта на запад Воениздатом в 1944 г. был своевременно выпущен и обновлен ряд разговорников, необходимых для ведения боевых действий на территории стран Европы: русско-эстонский, русско-латышский, русско-литовский, русско-венгерский и русско-чешский разговорники.

Помимо того, в 1943 г. были изданы разговорники на языках ряда приграничных советских социалистических республик, а именно: Краткий русско-азербайджанский, русско-армянский, русско-грузинский, русско-казахский, русско-киргизский, русско-таджикский, русско-татарский, русско-туркменский и русско-узбекский военные разговорники, оказавшие помощь во взаимодействии с силами этих республик в общении с местным населением в ходе продвижения советских войск. Помимо разговорников, выпущенных Воениздатом, существовали, однако, и образцы, выпущенные другими издательствами, такие как «Краткий русско-немецкий военный разговорник» М.С. Лурье, изданный Государственным издательством иностранных и национальных словарей в 1943 г., и «Военный англо-русский разговорник 1942 г.» за авторством В.М. Абалихиной, изданный Разведывательным отделением Штаба Тихоокеанского флота. Структура данных разговорников в той или иной мере отличалась от образцов, созданных Воениздатом, однако, они также обеспечивали передачу всей необходимой в ходе общения информации.

Необходимо также отметить, что в годы Великой Отечественной войны выпускались специализированные военные разговорники, посвященные конкретной тематике, например, «Английский военно-технический разговорник по танкам и автомобилям» М.С. Красинской и «Краткий русско-немецкий военно-железнодорожный разговорник» Д.М. Ильина 1942 года выпуска, предназначенный для бойцов и командиров железнодорожных войск, «Краткий русско-немецкий служебный разговорник», издан-

ный в 1944 г. Политотделом войск НКВД. Очевиден факт, что структура и содержание подобных изданий согласовались с конкретными условиями и выполнением строго специфических задач.

К финалу войны и приближающейся встречи союзных сил на территории Германии возникла необходимость в обновлении русско-английского разговорника, и в апреле 1945 г. под общей редакцией Н.Н. Биязи был издан «Краткий русско-английский военный разговорник» для общения с союзниками. Особенностью данного издания является наличие ряда тем бытового содержания: письменные приглашения, тосты, применяемые за столом, благодарности и сожаления [6].

Военные разговорники в послевоенный период. С завершением Великой Отечественной войны непосредственная необходимость в создании новых отечественных разговорников отпала. Качества и количества уже созданного материала было достаточно для использования в качестве учебных пособий при обучении военному переводу, чем и объясняется отсутствие новых образцов советских военных разговорников в послевоенные годы. Таким образом, для изучения дальнейшей истории данного малого жанра необходимо обратиться к зарубежным источникам.

Как и в СССР, в ходе Второй мировой войны в США была разработана собственная традиция военного разговорника. Очевиден тот факт, что, несмотря на отличия в организации структуры разговорника, общие положения и темы совпадали с таковыми в разговорниках советского образца. Как и в СССР, во время войны в США было выпущено большое количество изданий на различных языках: немецком, русском, японском, французском, шведском, датском, испанском и др. Для нас, однако, представляют интерес именно послевоенные издания. Ряд разговорников нового формата был подготовлен в 1960-х гг. министерством сухопутных сил США: англо-русский, англо-болгарский и англо-китайский разговорники. Отдельно можно упомянуть изданный в 1962 г. англо-вьетнамский разговорник, использовавшийся в ходе войны во Вьетнаме. Разговорники этого периода были унифицированы и содержали ряд необходимых тем, таких как: организация обороны, случайные встречи с мест-

ным населением и дезертирами, линии связи противника, ориентация на местности, общение с местным населением [7].

Военные разговорники в современный период. Как и в XX веке, в наше время создание военных разговорников напрямую связано с подготовкой и ведением боевых действий на территории другого государства или же с укреплением связей с союзными государствами. В структуре современного разговорника наблюдаются изменения, однако общая тематика остается неизменной. Так, выпуск ряда современных разговорников связан с боевыми действиями в Ираке и Афганистане. В 2003 г. для американских сил, размещенных в Ираке, были разработаны специальные карманные таблицы, позволяющие вести общение с местным населением. В 2013 г. издательством Rodnik Publishing Company был выпущен разговорник на языках дари и пушту, также предназначенный для американских войск в Афганистане. Интерес представляет структура этого разговорника: материал не разбит на темы, а представлен в алфавитном порядке, при этом фразы расположены под теми главными словами, которые в них включены. Кроме того, в данный разговорник включены 9 приложений, таких как: произношение и грамматика языков дари и пушту, система счета, времени, календарь, измерения и величины, карта Афганистана [8]. Федеральным ведомством иностранных языков Германии в 2009 г. был также подготовлен иллюстрированный разговорник для немецких военнослужащих, находящихся в Афганистане.

Несмотря на различия в структуре, военные разговорники любой страны, относящиеся к любому изучаемому временному промежутку, имеют схожее содержание. Они универсальны, поскольку служат для выполнения одних и тех же задач: установление контакта с местным населением, допрос пленных, ориентирование на местности. Поэтому издание военных разговорников связано с подготовкой к ведению масштабных боевых действий. В мирное же время разговорники могут использоваться в качестве пособия для обучения иностранному языку союзника и вероятного противника, что поощряется в любой армии мира.

Однако в силу специфики данного малого жанра его история и развитие изучены

слабо. Отечественные издания различных годов выпуска находятся в библиотеках всей страны и не приведены к системе. Для создания подобной системы требуется объединение сил лексикографов и библиотек страны, что в перспективе позволит провести более подробное изучение механизмов развития данного малого жанра, результаты которого смогут быть использованы в ходе разработки военных разговорников нового поколения.

Список литературы

1. Три первых китайско-русских военных словаря 1910, 1927, 1937 // Live Journal. URL: <http://alter-vij.livejournal.com/150488.html> (дата обращения: 18.08.2016).
2. Левченко Г.А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
3. Из глубины военных лет... // Особняк фабриканта Г.Ф. Осипова. URL: <http://domosipova.ru/iz-glubinyi-voennyih-let-1941/> (дата обращения: 15.08.2016).
4. Резяпкин А. Военные разговорники. Открытия, которые потрясли мир // Неправда Виктора Суворова-2. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
5. Биязи Николай Николаевич // Энциклопедия ВИИЯ. URL: http://viiapedia.com/index.php/Биязи_Николай_Николаевич (дата обращения: 16.08.2016).
6. Краткий русско-английский военный разговорник. М.: Военное изд-во народного комиссариата обороны, 1945.
7. Vietnamese Phrase Book. Washington D.C.: Headquarters, Department of the Army, 1962.
8. Robert F. Powers. Dari Pash to Phrase book for Military Personnel. Saint Helens: Rodnik Publishing Company, 2013.

References

1. Tri pervykh kitaysko-russkikh voennykh slovarya 1910, 1927, 1937 [Three first Chinese-Russian dictionary of 1910, 1927, 1937]. *Live Journal*. Available at: <http://alter-vij.livejournal.com/150488.html> (accessed 18.08.2016).
2. Levchenko G.A. *Slovar'-razgovornik v Rossii: tipologicheskii i sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Phrasebook in Russia: typological and sociolinguistic aspect]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 2007. (In Russian).
3. Iz glubiny voennykh let... [From the remote past of war...] *Osobnyak fabrikanta G.F. Osipova* [Mansion of factory owner G.F. Osipov]. Available at: <http://domosipova.ru/iz-glubinyi-voennyih-let-1941/> (accessed 15.08.2016).
4. Rezyapkin A. *Voennye razgovorniki. Otkrytiya, kotorye potryasli mir* [Military phrase books. Breakthrough that shocked the world]. *Npravda Viktora Suvorova-2* [Victor Suvorov's untruth-2]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2008. (In Russian).
5. Biyazi Nikolay Nikolaevich [Biyazi Nikolay Nikolaevich]. *Entsiklopediya VIIYa* [Encyclopedia of MIFL]. Available at: http://viiapedia.com/index.php/Biyazi_Nikolay_Nikolaevich (accessed 16.08.2016).
6. *Kratkiy russko-angliyskiy voenny razgovornik* [Short Russian-English military phrase book]. Moscow, Military Publ. of People's Commissariat Defence, 1945. (In Russian).
7. *Vietnamese Phrase Book*. Washington D.C., Headquarters, Department of the Army, 1962.
8. Robert F. Powers. *Dari Pash to Phrase book for Military Personnel*. Saint Helens, Rodnik Publ. Company, 2013.

Поступила в редакцию 25.08.2016 г.
Received 25 August 2016

UDC 81.276:5+811.111+355.48

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MILITARY PHRASE BOOKS AS A SMALL LITERARY GENRE

Sergey Sergeevich ZAGAINOV

Student of Foreign Languages Faculty

National Research Tomsk State University

36 Lenin St., Tomsk, Russian Federation, 634050

E-mail: 48zegess15@gmail.com

Peter Johnovich MITCHELL

Doctor of Pedagogy, Deputy Dean of Foreign Languages Faculty

National Research Tomsk State University

E-mail: peter_mitchell@mail.ru

Despite the fact that the first typological classification of dictionaries was made more than 65 years ago, the small genre of the phrase book remains on the periphery of Russian lexicography theory, and in the works of well-known lexicographers there is not any data on phrase books. The few existing studies aimed at studying the works of this genre relate mostly to the Soviet period, and are considered only as monuments of ancient or historic lexicography. Among the varieties of the genre of the phrase book, the subgenre of the military phrase book is particularly interesting for us. The lack of interest in military phrase books, including Soviet ones, by military historians, on a par with the indifference of linguists, impedes the understanding of the mechanisms of the creation of these monuments of their era, as well as an understanding of their purpose and how they work. The history of the development of the small genre of the military phrase book using the example of both Russian and foreign publications are examined. The main stages of the development of this genre are identified, and for each of them the most specific examples of works are presented. The main changes in this genre, including the most recent publications, are analysed.

Key words: military interpreting; military phrase book; phrase book; Great Patriotic War; World War II

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51

Информация для цитирования:

Загайнов С.С., Митчелл П.Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 46-51. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.

Zagaynov S.S., Mitchell P.D. Istoriya razvitiya voennykh slovarey-razgovornikov kak malogo literaturnogo zhanra [The history of the development of military phrase books as a small literary genre]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46-51. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В АСПИРАНТУРЕ НА ОСНОВЕ ТАНДЕМ-МЕТОДА

© Оксана Олеговна АМЕРХАНОВА

старший преподаватель кафедры языковой подготовки кадров государственного управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1
E-mail: oo.amerkhanova@migsu.ranepa.ru

Исследован вопрос обучения иностранному языку студентов аспирантуры на основе тандем-метода. В результате исследования: а) проведен анализ исследований, посвященных использованию тандем-метода в обучении; б) уточнено определение термина «тандем-метод»; в) разработаны основные положения тандема «преподаватель-преподаватель» в обучении иностранному языку в аспирантуре. Под тандем-методом предлагается понимать способ овладения, обучения или преподавания, основанный на партнерстве участников образовательного процесса, которыми могут выступать обучающиеся (ученик-ученик), обучающийся и преподаватель (обучающийся-преподаватель) и преподаватели (преподаватель-преподаватель). Сформулированы основные положения обучения иностранному языку для профессиональных целей в целом и иноязычному научному письменному дискурсу в частности аспирантов на основе преподавательского тандема: а) целью обучения иностранному языку для профессиональных целей в аспирантуре студентов неязыковых направлений подготовки на основе преподавательского тандема является дальнейшее формирование одновременно иноязычной коммуникативной компетенции и профессиональных компетенций обучающихся в рамках одной дисциплины; б) участниками преподавательского тандема выступают два специалиста: преподаватель английского языка и преподаватель профильной специальности, работающие вместе со студентами в рамках одной дисциплины в аспирантуре; в) разделение обязанностей работающих в тандеме преподавателей основывается в основном на содержании обучения; г) разделение сферы деятельности каждого работающего в тандеме преподавателя не является фиксированным и статичным; д) участие в обучении иностранному языку на основе преподавательского тандема предъявляет особые требования к компетенции преподавателей.

Ключевые слова: тандем-метод; цели обучения иностранному языку; иностранный язык для профессиональных целей; коммуникативная компетенция

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-52-62

Ключевыми терминами данной работы выступают «тандем» и «тандем-метод». Этимология термина «тандем» уходит к английскому *tandem*, где первоначально это слово означало «1) легкий двухколесный экипаж, подобный гигу, запряженный двумя лошадьми цугом; 2) велосипед с двумя сиденьями одно за другим» [1]. Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньева трактует «тандем» как «1. Расположение однородных машин или их частей в агрегате друг за другом, на одной оси, линии. *Располагать моторы тандемом.* 2. Паровая машина с подобным расположением рабочих цилиндров. *Тандем-машина. Тандем-паровоз.* 3. Двухместный велосипед, на котором седла расположены друг за другом» [2, с. 338]. Подобные определения можно встретить и во многих других словарях. Позднее понятийное содержание термина расширилось от технической до многих других сфер жизне-

деятельности человека, и термин стал также использоваться в значении «совместная с кем-либо деятельность» [3]. Именно это значение легло в основу использования термина в методике обучения иностранным языкам, где **тандем-метод** означает «**способ самостоятельного изучения иностранного языка двумя работающими в паре партнерами с разными родными языками**» [4, с. 301]. Иными словами, тандем-метод направлен на организацию процесса овладения иностранным языком посредством постоянного общения двух партнеров с разными первыми (родными) языками. Через тесное общение попеременно то на одном, то на другом языке каждый из обучающихся овладевает языком своего партнера, который для него будет иностранным. При этом овладение языком партнера будет происходить в ситуациях реального или виртуального аутентичного общения, когда каждый из участников диалога

сможет познакомиться и рассказать о себе, своих интересах, увлечениях, выступить в качестве представителя родной страны или культуры и т. п.

Тандем-метод зародился в 1960-е гг. в Германии, где часто проводились франко-немецкие форумы, в которых участвовало много молодежи из Германии и Франции. Культурные обмены стимулировали появление нового метода изучения иностранного языка, который способствовал развитию иноязычных коммуникативных навыков молодежи. В странах создавались специальные тандем-центры, которые помогали молодым людям найти партнеров с таким же желанием изучать иностранный язык через общение.

В основе тандем-метода, по мнению Т.Ю. Тамбовкиной [5], лежат два принципиальных положения. Во-первых, общение в тандеме должно приносить каждому из участников обучения – партнеров по тандем-методу – определенную пользу с точки зрения овладения иностранным языком. Кроме того, каждым партнером должно затрачиваться приблизительно равное количество времени и усилий на взаимное обучение. Во-вторых, каждый из партнеров полностью контролирует и несет собственную ответственность за выполнение своей части работы, направленной на личное достижение поставленных целей. Такой контроль подразумевает выстраивание индивидуальной траектории обучения от постановки задач до отбора содержания обучения и выбора методов обучения.

В зависимости от количества участников и целей обучения тандемы могли быть *индивидуальными* и *коллективными*. В тандем-центрах специалистами разрабатывались специальные опросники для получения необходимых сведений при подборе наилучшего варианта тандема. У желающих участвовать в обучении спрашивали пол, возраст, род деятельности (школьник, студент, рабочий и т. п.), интересы, потребности в изучении иностранного языка (письменный язык, язык для общения и т. п.), уровень владения иностранным языком. На основе этой информации подбирались индивидуальные тандемы – партнеры из разных стран с разными родными языками. Уже между собой партнеры по тандему договаривались о том, в какой форме (дистанционно или лично), на какие темы и на развитие каких видов речевой деятель-

ности будет направлено обучение в тандеме. Кроме того, тандем-метод не исключал формальных занятий по иностранному языку. В частности, если целью тандем-обучения могло быть развитие коммуникативных способностей обучающихся, то на формальных занятиях по иностранному языку студенты/учащиеся изучали грамматические правила, лексические единицы, разговорные формулы общения, структуру письменных работ и т. п. Таким образом, можно сделать вывод, что обучение в индивидуальном тандеме характеризуется ярко выраженной личностно-ориентированной составляющей, некой спонтанностью и гибкостью, а также естественностью протекания обучения через общение.

Коллективная же форма тандема носит более структурированный, запланированный и системный характер. Участниками коллективного тандема могут быть группы (классы) школьников, студентов, учителей или преподавателей. Тандем-обучение в коллективной форме тандема будет проходить не спонтанно или в ситуациях неформального общения, а, наоборот, как часть обучения языку в рамках курса по иностранному языку. Причем это может быть как монолингвальный, так и билингвальный курс в зависимости от целей обучения (где язык является средством общения и/или целью обучения) (например, курс иностранного языка или курс страноведения страны изучаемого языка). Ярким примером коллективного тандема могут служить языковые (культуроведческие) телекоммуникационные проекты, в которых участвуют целые классы из двух-трех школ стран родного и изучаемого языков [6–10]. Вариантов реализации проектной методики в рамках коллективного тандема может быть множество. Главное, что обучающиеся принимают участие в аутентичном, естественном общении с носителями языка для решения конкретных задач (в рамках проекта), используя иностранный язык как основное средство общения.

По мнению некоторых исследователей [11–13], основными преимуществами обучения иностранному языку в тандеме можно назвать следующие:

- постоянные контакты с носителями языка будут способствовать дальнейшему формированию всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции (речево-

го, языкового, социокультурного, компенсаторного, учебно-познавательного), а также улучшат навыки разговорной речи обучающихся;

- использование иностранного языка для контакта с представителями разных стран и культур будет способствовать дальнейшему формированию межкультурной компетенции – способности эффективно и бесконфликтно взаимодействовать с представителями других культур, осознавая при этом свою собственную культурную принадлежность;

- используя иностранный язык во внеаудиторное время согласно заранее обозначенным договоренностям и изменяя при необходимости траекторию обучения в зависимости от изменения конкретных целей общения, интересов и потребностей, обучающиеся развивают автономию и лучше осознают ответственность за процесс и результат обучения языку на основе тандем-метода;

- постоянные контакты с носителями языка снимут неизбежный психологический барьер и боязнь общения и совершения языковой/речевой ошибки.

Как отмечает в своей работе Т.Ю. Тамбовкина [5], общение с тандем-партнерами на иностранном языке характеризуется следующими особенностями:

- при возникновении языкового или коммуникативного недопонимания между партнерами они часто используют переспрос, а также формулируют ту же мысль другими словами, меняя часть или полностью все первоначальное высказывание;

- разговорная речь характеризуется большим количеством пауз, растягиванием слов, использованием междометий;

- разговорная речь характеризуется использованием большого количества эмоционально-окрашенных слов и выражений;

- целенаправленное упрощение речи (замедление темпа, использование более простых слов, выражений, грамматических конструкций) с тем, чтобы партнер все понял;

- частое использование средств невербальной коммуникации [5].

Общение партнеров по тандему в условиях тандем-метода может быть как письменным (на основе средств синхронной и асинхронной письменной коммуникации, к которым относится электронная почта, бло-

ги, чаты, мессенджеры и т. п.), так и устным (при личном контакте партнеров, а также на основе средств видео интернет-коммуникации, к которым можно отнести подкасты, скайп, веб-камеры). В научной литературе имеется достаточно много исследований, описывающих опыт реализации международных языков и/или культуроведческих проектов с коллективными тандем-партнерами [11; 14–16]. В частности, в своей работе В.Г. Апальков [14; 15] описал эксперимент по использованию тандем-метода в формировании межкультурной компетенции школьников старших классов. Хотя автор не использовал термин «тандем-метод», технология организации телекоммуникационного проекта, направленная на формирование межкультурной компетенции через обсуждение англоязычных фильмов российскими и американскими учениками, повторяет методику обучения иностранному языку на основе тандем-метода. Учащиеся двух школ (русской и американской) одновременно смотрели одни и те же художественные фильмы, а затем их совместно обсуждали в электронной почтовой группе. Через такое обсуждение представители двух стран постепенно приходили к лучшему пониманию друг друга, а также развивали необходимые умения межкультурного взаимодействия.

А.А. Орловская и М.Л. Соколова [11] провели исследование по использованию тандем-метода в овладении студентами магистратуры навыками иноязычного общения. Сначала были подобраны пары (состоящие из россиян и немцев), затем было обозначено время для первого контакта между партнерами по скайпу в присутствии преподавателя, а уже потом студенты общались в свободное от учебы время без преподавателя. Авторы отмечают, что для эффективности обучения в тандеме с самого начала должны быть разработаны листы с вопросами (аспектами проблемы), которые должны обсудить партнеры на двух языках. Судя по описанным результатам, нельзя сказать, что данное опытное обучение привело к каким-то необычным по значительности результатам. Главное, что российские студенты, до этого не имеющие большого опыта общения на иностранном языке, смогли перейти языковой барьер и боязнь общения на изучаемом языке, что само по себе представляется важ-

ным. Кроме того, в целом иноязычное общение способствовало дальнейшему формированию иноязычной коммуникативной компетенции. У студентов появилась мотивация изучать иностранный язык и общаться на нем.

В более поздней работе А.А. Максаев [16] привел описание международного образовательного телекоммуникационного проекта, направленного на формирование социокультурных и речевых умений обучающихся. Участниками его исследования выступили учащиеся старших классов одной из Московских школ. Их партнерами по проекту были учащиеся старших классов средних общеобразовательных школ Великобритании, Германии и Австрии. Взаимодействие между обучающимися проходило сначала по электронной почте и в группе в социальных сетях, а затем при личном контакте с партнерами по тандему при посещении российскими школьниками европейских стран. В ходе проекта учащиеся разных стран совместно работали над проектами контрастно-сопоставительного характера: «Сходства и различия в системах школьного образования Великобритании и России» или «Современная популярная европейская и российская музыка» [16]. Данные эксперимента показали, что через взаимодействие партнеров в процессе выполнения проектов учащиеся улучшили речевые и социокультурные умения.

В своем исследовании М.О. Волошко [12] также обратилась к изучению возможности формирования межкультурной и иноязычной коммуникативной компетенций обучающихся на основе тандем-метода. Участниками опытного обучения выступили несколько российских студентов, изучающих иностранный язык в центре дополнительного образования. На специальном сайте поиска партнеров для тандема были найдены студенты из англоязычных стран, изучающие русский язык как иностранный. Студенты участвовали в обучении на основе тандем-метода на добровольной основе во внеаудиторное время. Согласно разработанному алгоритму обучения студенты заранее смотрели англоязычные фильмы, знакомились со статьями по культурологии, произведениями художественной литературы и искусства и т. п. После ознакомления они обсуждали увиденное/прочитанное со своими партнерами посредством электронной почтовой пере-

писки. Как показывают результаты опытного обучения, и иностранные, и российские студенты улучшили уровни владения иностранными языками (английским и русским), а также развили межкультурные умения взаимодействовать с представителями разных стран и культур при решении каких-либо вопросов [12].

Анализ приведенных исследований, а также общность результатов эмпирических исследований свидетельствует о следующем:

- участие в неформальном обучении иностранному языку на основе тандем-метода снимает психологический барьер и боязнь использовать иностранный язык как средство общения;
- общение с носителями языка в рамках тандем-метода повышает мотивацию обучающихся изучать иностранный язык и культуру страны изучаемого языка, а также использовать язык как средство общения;
- участие как в индивидуальных, так и коллективных тандемах способствует дальнейшему формированию иноязычной коммуникативной компетенции (развитию видов речевой деятельности, формированию социокультурной компетенции) и межкультурной компетенции;
- тандем-метод позволяет гибко и быстро корректировать индивидуальную траекторию обучения для каждого участника (индивидуальный тандем) или корректировать цель обучения (и участия в тандеме) (коллективный тандем);
- на современном этапе информатизации образования информационные и коммуникационные технологии позволяют значительно расширить контакты с тандем-партнерами.

На современном этапе в ходе участия в индивидуальном или коллективном тандем-обучении учащиеся и студенты могут использовать современные информационные и коммуникационные технологии сети Интернет. Анализ ряда работ, посвященных использованию ИКТ в реализации международных проектов [7–10; 17], показывает, что интернет-коммуникация имеет ряд преимуществ перед личным общением. К таким преимуществам можно отнести следующие. Во-первых, современные ИКТ и сеть Интернет позволяют найти тандем-партнеров в любой точке мира, что значительно расши-

ряет практику и возможности обучения иностранному языку и культуре в тандеме. Во-вторых, в процессе обучения/общения каждый из партнеров находится в привычной для него естественной среде, что позволяет ему более эффективно пользоваться другими необходимыми ресурсами для обогащения языковой или культурной практики в тандеме. В-третьих, современные интернет-технологии позволяют тандем-партнерам общаться как в устной (подкасты, скайп, веб-чаты), так и в письменной форме (электронная почта, блоги и т. п.). В этой связи ИКТ создают технологические условия для равноценного развития всех видов речевой деятельности, а не ограничиваться лишь говорением/аудированием или письмом/чтением. В-четвертых, интернет-общение в рамках тандема позволяет как развивать четыре вида речевой деятельности, так и продолжить формировать социокультурную и межкультурную компетенции. В-пятых, тандем-партнеры должны договориться о том, как будут исправлять ошибки друг друга, сделанные в устной или письменной речи. При этом если в устной речи это может быть повторение носителем языка верной версии фразы или предложения, то в письменной речи исправление ошибок может вызвать оправданные трудности.

Анализ приведенных выше работ свидетельствует о том, что традиционное понимание термина «тандем-метод» в методике обучения иностранным языкам сводится к способу самостоятельного изучения иностранного языка двумя работающими в паре обучающимися с разными родными языками. Вместе с тем в научной литературе имеются малочисленные методические исследования, в которых авторами расширяется понятийное содержание термина «тандем». В частности, Е.Л. Кудрявцева и А.А. Тимофеева [18] в своей работе выделили несколько видов тандемов, которые могут рассматриваться в педагогическом процессе. К первому виду относится традиционный тандем «ученик–ученик», который может использоваться при изучении иностранного языка или при овладении аспектами межкультурной компетенции при регулярном контакте обучающихся с разными родными языками между собой. Предполагается, что общение с природными носителями языка и культуры положительно скажется на формировании иноязычной

коммуникативной и межкультурной компетенций. Именно этот вид тандема лежит в основе традиционного понимания тандем-метода.

Ко второму виду тандема относится тандем «ученик–преподаватель». Взаимодействие между преподавателем и обучающимся в рамках этого вида тандема не ограничивается традиционным общением педагога и ученика в аудитории, а значительно расширяет сферу общения двух субъектов учебного процесса до выстраивания преподавателем индивидуальной траектории обучения конкретного ученика/студента в соответствии с его интересами, потребностями, способностями и возможностями. На наш взгляд, такой подход к взаимодействию между преподавателем и учеником усиливает личностно-ориентированную составляющую учебного процесса и возможен в ситуациях индивидуальных внеаудиторных занятий по иностранному языку.

К третьему виду тандема относится тандем «преподаватель–преподаватель». По мысли Е.Л. Кудрявцевой и А.А. Тимофеевой [18], он заключается в том, что с целью наиболее эффективного формирования профессиональных компетенций в рамках овладения конкретной специальностью в реализации учебного процесса должны принимать участие преподаватели разных специальностей, тем самым всячески обогащая профессиональную практику студентов. В качестве примера авторы рассматривают подготовку студентов по направлениям подготовки «Банковское дело» и «Торговля», которые, наряду с формированием компетенций в сфере бизнеса и торговли, овладевают и коммуникативными компетенциями, позволяющими им достичь уровня более эффективного общения с клиентами и партнерами. Это, в свою очередь, позволит выпускникам основных образовательных программ овладеть дополнительными компетенциями, необходимыми в их будущей профессиональной деятельности.

Соглашаясь в целом с тезисом о необходимости получения студентами разностороннего образования, авторское понимание тандема «преподаватель – преподаватель» вызывает некоторые вопросы. В частности, в чем состоит уникальность изучения особенностей вербальной и/или невербальной ком-

муникации студентами направления подготовки «Банковское дело»? Данные сведения могли представлять содержание обучения курса по культуре речи, риторике или иностранному языку, реализуемым за счет федерального компонента учебного плана. Или же студентам экономических специальностей мог быть предложен специальный курс, посвященный особенностям иноязычной коммуникации, в рамках спецдисциплины вариативной части учебного плана. Здесь, на наш взгляд, более уместно говорить о необходимости реализации принципа опоры на междисциплинарные связи, посредством которых можно формировать многие важные профессиональные и общекультурные профессиональные компетенции, обозначенные во ФГОС ВО. Тем не менее, мысль о педагогическом тандеме в тех ситуациях, когда в учебном процессе принимают участие одновременно два преподавателя разных по своей направленности дисциплин, нуждается в дополнительной проработке.

Другое понимание реализации тандем-метода можно также встретить и в работе Н.С. Мкртычевой [19]. Автор говорит о важности использования педагогического тандема в преподавании в высших учебных заведениях ряда профильных дисциплин на иностранном языке. При этом иностранный язык будет являться не целью обучения, а средством овладения профессионально-ориентированным материалом, средством познавательной и профессиональной деятельности. Безусловно, такое профильно-ориентированное билингвальное образование позволит выпускникам быть более конкурентоспособными после окончания вуза. Для реализации такой модели билингвального образования необходимы квалифицированные педагогические кадры – преподаватели профильных дисциплин, владеющие иностранным языком на высоком профессиональном уровне. При отсутствии соответствующих педагогических кадров возможен так называемый «педагогический тандем», когда дисциплина читается одновременно двумя преподавателями – профильным преподавателем и преподавателем иностранного языка. Вместе с тем следует заметить, что подробно педагогический тандем «преподаватель-предметник и преподаватель иностранного языка» не выступал предметом отдельного изучения.

Расширение понятийного содержания термина «тандем-метод» можно встретить и в исследованиях М.М. Степановой [20]. В своей работе автор описывает опыт Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого по использованию тандем-метода в обучении иностранному языку студентов технических направлений подготовки в магистратуре. Причем партнерами по тандему выступают не носители языка, а магистранты направления подготовки «Лингвистика». Последние, в свою очередь, должны обязательно проходить педагогическую практику, одной из форм прохождения которой может выступать тандем-метод. В современных нормативных документах (ФГОС ВО) не прописано соотношение между аудиторной и внеаудиторной нагрузкой, что неизбежно приводит к сокращению аудиторных часов. Вместе с тем «владение родным и иностранным языками как средством делового общения» выступает одной из общекультурных компетенций, сформировать которую студенты должны в магистратуре. По объективным причинам выделенного объема часов не хватает для того, чтобы сформировать иноязычную коммуникативную компетенцию магистрантов до необходимого уровня, позволяющего обучающимся принимать участие в деловом общении на изучаемом языке. В этой связи, по мысли автора, у тандем-метода достаточно высокий лингводидактический потенциал.

Более того, автор не исключает возможность использования данного метода при обучении не только иностранному языку, но и другим дисциплинам, когда студенты разных направлений подготовки на паритетных началах помогают друг другу овладеть конкретными дисциплинами.

В данном исследовании мы также хотели предпринять попытку расширить понятийное содержание термина «тандем-метод» от **«способа самостоятельного изучения иностранного языка двумя работающими в паре партнерами с разными родными языками»** [4, с. 301] до **«способа преподавания иностранного языка двумя работающими в паре преподавателями разных дисциплин»**. Таким образом, более общее определение термина «тандем-метод» может быть сформулировано следующим образом. ***Тандем-метод – это способ овладения,***

обучения или преподавания, основанный на партнерстве участников образовательного процесса, которыми могут выступать обучающиеся (ученик – ученик), обучающийся и преподаватель (обучающийся – преподаватель) и преподаватели (преподаватель – преподаватель). Ключевым элементом в тандем-обучении выступают **партнерские отношения** в зависимости от участников тандема, заключающиеся в гибкой и быстрой корректировке индивидуальной траектории обучения для максимального и более эффективного достижения поставленной цели обучения.

Из трех моделей реализации тандем-метода – «обучающийся–обучающийся», «обучающийся–преподаватель» и «преподаватель–преподаватель» (+ обучающиеся), последняя модель наименее описана и нуждается в изучении. А ведь использование именно модели преподавательского тандема имеет особую актуальность при обучении дисциплинам, имеющим междисциплинарную основу. Возможность преподавания таких дисциплин одновременно несколькими преподавателями позволит каждому из них привнести в ее содержание и/или методику преподавания нечто дополнительное (что не смог бы привнести каждый из них по отдельности), тем самым обогащая профессиональную подготовку студентов. Причем важно, чтобы это были не абсолютно заменимые коллеги, а преподаватели разных специальностей, читающие разные аспекты одной дисциплины.

Одной из таких дисциплин, имеющих междисциплинарную основу и нуждающихся в обучении на основе преподавательского тандема, может служить «Иностранный язык для профессионального общения» в магистратуре или аспирантуре для студентов неязыковых специальностей или направлений подготовки. Именно на этих уровнях обучения иностранному языку к студентам предъявляются требования по развитию умений написания тезисов выступлений, текстов выступлений, научных статей на профессиональные темы. Содержание обучения данной дисциплины включает развитие умений иноязычного письменного научного дискурса. По объективным причинам преподаватель иностранного языка не в состоянии (и не компетентен) полноценно оценить и струк-

туру, и содержание научной работы. В этой связи возникает необходимость привлечения преподавателя профильной специальности для адекватного обучения и соответствующей оценки достижений обучающихся. Обучение иноязычному письменному научному дискурсу студентов неязыковых направлений подготовки на основе тандем-метода предполагает участие в педагогическом процессе двух преподавателей: преподавателя иностранного языка и преподавателя профильной специальности. Оба преподавателя работают в тандеме, так как их объединяет одна общая цель – научить студентов конкретного неязыкового направления подготовки создавать научные тексты (в соответствии с принятыми и разделяемыми научным сообществом правилами структуры и оформления различных функциональных типов научного текста) на иностранном языке. **Разными у преподавателей будут аспекты содержания обучения иноязычному письменному научному дискурсу.**

Преподаватель иностранного языка отвечает за иноязычную подготовку студентов, овладение структурой конкретного типа научного текста, средствами достижения когезии и когерентности, профессиональной лексикой. Например, при обучении написания научной статьи на иностранном языке преподаватель иностранного языка должен обучать студентов структуре статьи, правилам написания аннотации, постановке проблемы, формулировке тезиса, исследовательских вопросов, основного текста работы, заключения и т. п.

Преподаватель же профильной специальности, не владеющий методикой развития умений иноязычной письменной речи, формирования грамматических и лексических навыков речи и т. п., должен обучать содержательной (профильной) стороне изучаемого научного текста. Именно профильный преподаватель сможет понять и оценить содержание письменной научной работы магистрантов или аспирантов.

При преподавательском тандеме невозможно однозначно провести границу между участием каждого из преподавателей в учебном процессе. И в этом будет заключаться особенность тандем-метода, отличающегося гибкостью и возможностью вносить коррективы в траекторию обучения. В каждом кон-

кретном случае, в зависимости от уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции преподавателя профильной специальности и осведомленности в содержании данной специальности преподавателя иностранного языка, могут определяться их функциональные обязанности и доля участия каждого из них в процессе обучения.

Анализ приведенных выше исследований, посвященных использованию тандема «преподаватель – преподаватель», позволяет сформулировать **основные положения обучения иностранному языку для профессиональных целей** в целом и иноязычному научному письменному дискурсу, в частности, **магистрантов и аспирантов на основе преподавательского тандема**.

1. Целью обучения иностранному языку для профессиональных целей в магистратуре и аспирантуре студентов неязыковых направлений подготовки на основе преподавательского тандема является дальнейшее формирование одновременно иноязычной коммуникативной компетенции (что является целью обучения иностранному языку на разных этапах) и профессиональных компетенций обучающихся в рамках одной дисциплины.

2. Участниками преподавательского тандема выступают два специалиста: а) преподаватель английского языка; б) преподаватель профильной специальности, работающий вместе со студентами в рамках одной дисциплины «Иностранный язык для профессиональных целей» в магистратуре или аспирантуре.

3. Разделение обязанностей работающих в тандеме преподавателей основывается в основном на содержании обучения. **Преподаватель иностранного языка** отвечает за иноязычную подготовку студентов, овладение ими структурой конкретного типа научного текста, средствами достижения когезии и когерентности, а также профессиональной лексикой. Он оценивает языковую (лексическую и грамматическую) и речевую (когезия и когерентность) корректность высказывания, соблюдение правил построения письменного и устного иноязычного научного дискурса. **Преподаватель же профильной специальности** обучает содержательной (профильной) стороне изучаемого научного текста. Именно он сможет понять и оценить

содержание письменной научной работы магистрантов или аспирантов.

4. Разделение сферы деятельности каждого работающего в тандеме преподавателя не является фиксированным и статичным. Благодаря такой отличительной характеристике тандем-метода, как гибкость, в каждом конкретном случае, в зависимости от уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции преподавателя профильной специальности и осведомленности в содержании данной дисциплины преподавателя иностранного языка, могут определяться их функциональные обязанности и доля участия каждого из них в процессе обучения.

5. Участие в обучении иностранному языку на основе преподавательского тандема предъявляет особые требования к компетенции преподавателей. Преподаватель иностранного языка должен иметь определенную долю осведомленности в предметной области, в которой обучаются магистранты и аспиранты. У преподавателя профильной специальности должна быть сформирована иноязычная коммуникативная компетенция на уровне В1–В2, что позволит ему использовать иностранный язык для полноценного понимания и оценки научных работ обучающихся, выполненных на иностранном языке.

Список литературы

1. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1910.
2. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньева: в 4 т. М.: Русский язык, 1988. Т. 3.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во «Икар», 2009. 448 с.
5. Тамбовкина Т.Ю. Тандем-метод – один из путей реализации личностно-ориентированного подхода в языковом образовании // Иностранные языки в школе. 2003. № 5. С. 13-17.
6. Кудрявцева Л.В. Использование телекоммуникационных проектов для формирования иноязычной социокультурной компетенции у учащихся старших классов (на примере США и России) // Иностранные языки в школе. 2007. № 4. С. 49-54.
7. Сысов П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом об-

- разования. М.: Книжный дом «Либроком», 2015. 264 с.
8. *Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.* Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных интернет-технологий. Москва: Глосса-Пресс; Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 182 с.
 9. *Тимова С.В.* Ресурсы и службы Интернета в преподавании иностранных языков. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. 263 с.
 10. *Тимова С.В.* Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практики. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. 240 с.
 11. *Орловская А.А., Соколова М.Л.* Изучение иностранных языков в вузе: тандем-метод // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 1 (3). С. 31-35.
 12. *Волошко М.О.* Специфика использования тандем-метода с целью формирования межкультурной компетенции учащихся // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2 (56). С. 178-181.
 13. *Karjalainen K., Porn M., Rusk F., Björkskog L.* Classroom tandem – outlining a model for language learning and instruction // International Electronic Journal of Elementary Education. 2013. № 6 (1). P. 165-184.
 14. *Апальков В.Г.* Методика формирования межкультурной компетенции средствами электронно-почтовой группы (английский язык, профильный уровень): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2008.
 15. *Апальков В.Г., Сысоев П.В.* Компонентный состав межкультурной компетенции // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 8 (64). С. 89-93.
 16. *Максаев А.А.* Методика развития социокультурных и речевых умений учащихся в процессе реализации международных образовательных языковых проектов (английский язык, профильный уровень): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2015.
 17. *Раицкая Л.К.* Интернет-ресурсы в преподавании английского языка в высшей школе. М.: МГИМО, 2007.
 18. *Кудрявцева Е.Л., Тимофеева А.А.* Тандем-метод в обучении как основа взаимной профподготовки в рамках образования длиною в жизнь // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2014. С. 13-20.
 19. *Мкртычева Н.С.* Современные методы обучения иностранным языкам в вузе (на примере билингвального обучения и тандем-метода) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 3. С. 91-92.
 20. *Степанова М.М.* Использование метода тандемного обучения в магистратуре многопрофильного вуза // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 12 (165). С. 115-119.

References

1. Chudinov A.N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words that entered Russian language]. Moscow, 1910. (In Russian).
2. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 vols.], ed. A.P. Evgenyev. Moscow, Russian Language Publ., 1988, vol. 3. (In Russian).
3. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of Russian language. Explanatory and word-formative dictionary]. Moscow, Russian Language Publ., 2000. (In Russian).
4. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodical terms and notions (theory and practice of language teaching)]. Moscow, "Ikar" Publ., 2009. 448 p. (In Russian).
5. Tambovkina T.Yu. Tandem-metod – odin iz putey realizatsii lichnostno-orientirovannogo podkhoda v yazykovom obrazovanii [Tandem method – one of ways of realization of personally focused approach in language education]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2003, no 5, pp. 13-17. (In Russian).
6. Kudryavtseva L.V. *Ispol'zovanie telekommunikatsionnykh projektov dlya formirovaniya inoyazychnoy sotsiokul'turnoy kompetentsii u uchashchikhsya starshikh klassov (na primere SShA i Rossii)* [Using telecommunicative projects in order to form sociocultural competence on foreign language within students of the higher forms (based on example of USA and Russia)]. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2007, no. 4, pp. 49-54. (In Russian).
7. Sysoyev P.V. *Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v lingvisticheskom obrazovanii* [Information and Communication Technologies in Linguistic Education]. Moscow, Book House "Librokom" Publ., 2015. 264 p. (In Russian).
8. Sysoyev P.V., Evstigneev M.N. *Metodika obucheniya inostrannomu yazyku s ispol'zovaniem novykh informatsionno-kommunikatsionnykh internet-tekhnologiy* [Methods of foreign language teaching using new information and communicative Internet-technologies]. Moscow, Glossa-Press Publ., Rostov-on-Don, Phoenix Publ. House, 2010. 182 p. (In Russian).

9. Titova S.V. *Resursy i sluzhby Interneta v prepodavanii inostrannykh yazykov* [Internet resources and services in foreign language teaching]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2003. 263 p. (In Russian).
10. Titova S.V. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v gumanitarnom obrazovanii: teoriya i praktiki* [Information and Communication Technologies in Humanities: Theory and Practice]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2009. 240 p. (In Russian).
11. Orlovskaya A.A., Sokolova M.L. *Izuchenie inostrannykh yazykov v vuze: tandem-metod* [Learning foreign languages at the university: tandem-method]. *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Modern problems of social sciences and humanities], 2016, no. 1 (3), pp. 31-35. (In Russian).
12. Voloshko M.O. *Spetsifika ispol'zovaniya tandem-metoda s tsel'yu formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii uchashchikhsya* [Specific of using tandem-method with aim of forming intercultural competence of students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 2-2 (56), pp. 178-181. (In Russian).
13. Karjalainen K., Porn M., Rusk F., Björkskog L. Classroom tandem – outlining a model for language learning and instruction. *International Electronic Journal of Elementary Education*, 2013, no. 6 (1), pp. 165-184.
14. Apalkov V.G. *Metodika formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii sredstvami elektronno-pochtovoy gruppy (angliyskiy yazyk, profil'nyy uroven')* [Methodology of forming intercultural competence using means of electronic and post group (English, subject oriented level)]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Tambov, 2008. (In Russian).
15. Apalkov V.G., Sysoev P.V. *Komponentnyy sostav mezhkul'turnoy kompetentsii* [Components of intercultural competence]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Tambov, 2008, no. 8 (64), pp. 89-93. (In Russian).
16. Maksaev A.A. *Metodika razvitiya sotsiokul'turnykh i rechevykh umeny uchashchikhsya v protsesse realizatsii mezhdunarodnykh obrazovatel'nykh yazykovykh projektov (angliyskiy yazyk, profil'nykh uroven')* [Methods of student's sociocultural and speaking skills development in the process of realization of international educational linguistic projects (English, subject oriented level)]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Moscow, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 2015. (In Russian).
17. Raitskaya L.K. *Internet-resursy v prepodavanii angliyskogo yazyka v vysshey shkole* [Internet-resources in English teaching in high school]. Moscow, MGIMO Publ., 2007. (In Russian).
18. Kudryavtseva E.L., Timofeeva A.A. *Tandem-metod v obuchenii kak osnova vzaimnoy profpodgotovki v ramkakh obrazovaniya dlinouy v zhizn'* [Tandem-method in training as the basis of mutual professional preparation within life long education]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: aspekty didaktiki* [Multicultural communication: didactics aspects]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2014, pp. 13-20. (In Russian).
19. Mkrtycheva N.S. *Sovremennye metody obucheniya inostrannym yazykam v vuze (na primere bilingval'nogo obucheniya i tandem-metoda)* [Modern technologies and methods of teaching foreign language in higher educational institution (based on example of bilingual teaching and tandem method)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Digest of modern science and education], 2012, no. 3, pp. 91-92. (In Russian).
20. Stepanova M.M. *Ispol'zovanie metoda tandemnogo obucheniya v magistrature mnogoprofil'nogo vuza* [Tandem-method in master courses of a multidisciplinary university]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, no. 12 (165), pp. 115-119. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2016 г.
Received 2 July 2016

UDC 378

FEATURES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN GRADUATE SCHOOL BASED ON THE TANDEM-METHOD

Oxana Olegovna AMERKHANOVA

Senior Lecturer of Government Control Workers' Language Preparation Department

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 building 1 Vernandskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 119571

E-mail: oo.amerkhanova@migsu.ranepa.ru

Foreign language teaching post-graduate students on the basis of the tandem method is studied. The research a) provides analysis of studies on the use of the tandem method in teaching, b) clarifies the definition of "tandem method", c) develops the main provisions of the tandem "teacher-teacher" in the foreign language teaching in graduate school. Under the tandem method the way to mastery, training or teaching, based on the partnership of all participants, involved in the educational process, i. e. students (student-student), student and teacher (student-teacher) and teachers (teacher-teacher) is proposed. The main provisions of learning a foreign language for professional purposes in general and foreign language scientific written discourse in particular, graduate students through teaching tandem are proposed: a) the purpose of learning a foreign language for professional purposes to graduate students of non-linguistic areas of training based on the teachers' tandem is the further development of simultaneously communicative competence and professional competencies of the students within the same discipline; b) partners of teachers' tandem are faculty members of two specialists: an English teacher and a teacher of a profile specialty, working together with the students within the same discipline in graduate school; c) the division of responsibilities of teachers working in tandem is based primarily on the content of training; d) separation of the sphere of activity of each teacher working in tandem is not fixed and static; e) participation in teaching based on tandem learning a foreign language has specific requirements for the teachers' competencies.

Key words: tandem-method; goals of foreign language teaching; English for specific purposes; communicative competence

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-52-62

Информация для цитирования:

Амерханова О.О. Особенности обучения иностранному языку в аспирантуре на основе тандем-метода // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 52-62. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-52-62.

Amerkhanova O.O. Osobennosti obucheniya inostrannomu yazyku v aspiranture na osnove tandem-metoda [Features of foreign language teaching in graduate school based on the tandem-method]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 52-62. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-52-62. (In Russian).

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРПОРАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КУРСОВ

© Елена Николаевна ПОТАПОВА

преподаватель кафедры иностранных языков

Московский педагогический государственный университет

119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

E-mail: elena_nickolaevna84@mail.ru

Рассмотрены особенности корпоративных языковых курсов, основной целью которых является индивидуализация обучения в соответствии с потребностями корпоративных обучающихся и повышение эффективности данного обучения. Подчеркнута актуальность непрерывного образования взрослых и, как следствие, важность корпоративного обучения, определено, что такое корпоративное обучение, и обозначены его основные характеристики, стратегические цели и тактические задачи. На основании данной информации выделены характеристики корпоративных языковых курсов и дано определение тому, что такое языковая корпоративная учебная программа, где подчеркнута важность адаптации данных программ к потребностям компаний-заказчиков. Также рассмотрены формы, методы и технологии корпоративного обучения в целом и представлены их различные классификации, на основе анализа которых определены наиболее оптимальные формы, методы и технологии языкового корпоративного обучения. При этом особое внимание уделено таким формам обучения, как «компактное» и «рассредоточенное» обучение, выделяются преимущества и недостатки каждой из этих форм, в результате чего «компактное» обучение определяется как наиболее эффективное для языковых корпоративных курсов. Также выделены традиционные и инновационные формы, методы и технологии языкового корпоративного обучения в соответствии с его целями и задачами. Также рассмотрен вопрос мотивации корпоративных обучающихся, где подчеркнута преобладание у них внешней мотивации к обучению и важность формирования внутренней мотивации.

Ключевые слова: корпоративные обучающиеся; корпоративное обучение; стратегические цели; тактические задачи; языковая корпоративная учебная программа; формы; методы и технологии языкового корпоративного обучения; внешняя и внутренняя мотивация

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-63-72

Образование взрослых играет очень важную роль в развитии общества и экономической сферы. Согласно А.Е. Марон и Л.Ю. Монаховой, высокий уровень образованности взрослого населения является залогом «роста производительности труда, формирования позитивных мотиваций, роста гражданского самосознания, нравственности и общей культуры общества» [1, с. 109].

На современном этапе развития общества актуальным является непрерывное образование взрослых. По утверждению В.А. Анищенко, прежняя концепция образования «Знания на всю жизнь» заменяется новой – «Знания через всю жизнь» [2, с. 189]. Данный вопрос поднимают в своих работах и другие авторы [1; 3; 4].

А.А. Татарникова объясняет актуальность непрерывного образования взрослых постоянным научно-техническим прогрессом и социально-экономическими преобразованиями, в результате чего накопленные знания достаточно быстро устаревают, и появляется

необходимость постоянного повышения квалификации и переподготовки кадров [3].

А.М. Рубанов подчеркивает постоянное появление в обществе новых профессий (в области реформирования производства, маркетинга, финансов, оценки собственности, внешнеэкономической деятельности, биржевого дела, приватизации, безопасности бизнеса и др.) [4, с. 4].

Непрерывность образования взрослых также можно объяснить высокими требованиями общества к уровню образованности взрослого человека. В своей работе В.Ф. Горбатюк приводит список ключевых компетенций современных специалистов, утвержденных Советом Европы: политические, социальные компетенции, межкультурная, коммуникативная, информационная компетенция, умение учиться [5, с. 32].

Таким образом, в результате необходимости непрерывного образования взрослых одним из актуальных направлений образования является *корпоративное обучение*. А.А. Татарникова подчеркивает, что «обуче-

ние на рабочем месте и программы развития персонала становятся неотъемлемой частью корпоративной и организационной стратегии» компаний [3, с. 147].

На основе анализа работ [6–12] были выделены основные характеристики корпоративного обучения.

Корпоративное обучение определяется как часть системы негосударственного образования, представляющая собой совокупность процессов обучения, направленных на систематическое профессионально-ориентированное повышение квалификации специалистов и руководящего состава компаний с целью обеспечения успешного функционирования и развития данных компаний [6–9].

К его основным характеристикам относятся:

- «своевременное и полномасштабное реагирование на запросы компании» в сфере обучения персонала [6, с. 8];
- переход от концепции обязательного обучения к концепции «самообучающейся организации» [10];
- направленность обучения на развитие знаний и навыков, необходимых для достижения как «тактических задач», так и «стратегических целей» компании [10–12].

Анализ литературы позволил сформулировать стратегические цели и тактические задачи корпоративного обучения [6–17].

К стратегическим целям корпоративного обучения относятся:

1) обеспечение конкурентоспособности компании на рынке [8]:

- формирование у сотрудников высокого уровня профессиональной компетентности;
- развитие «интеллектуального потенциала» ресурсов компании (необходимых для создания «инновационной продукции») [11, с. 251];
- разработка уникальных учебных программ для конкретной компании [8; 11], а также формирование «индивидуальных траекторий» обучения сотрудников [8, с. 27];

2) обеспечение профессиональной подготовки сотрудников компании, направленной на:

- сокращение времени адаптации новых сотрудников к выполнению своих профессиональных обязанностей [6–11; 13; 14];

- повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников [6–8; 10; 12–14];

- обеспечение быстрой «взаимозаменяемости работников» [8, с. 27];

3) работа с кадровым резервом (отбор и подготовка перспективных молодых специалистов на руководящие должности) [6; 9; 10; 12];

4) осуществление профессиональной подготовки по программам начального, среднего и высшего профессионального образования [8, с. 8];

5) формирование личностных качеств, необходимых для выполнения профессиональной деятельности (креативности, социальной ответственности, активной жизненной позиции) [11, с. 255–256; 12];

6) повышение мотивации и лояльности сотрудников компании [9–11; 15];

7) развитие командного духа в компании [12];

8) формирование положительной внешней и внутренней репутации компании [8, с. 27];

9) формирование, распространение и сохранение единой корпоративной культуры [7–9, 13; 14];

10) внедрение изменений, донесение до сотрудников важности новых целей и задач, новых подходов и норм поведения, и таким образом преодоление сопротивления сотрудников данным изменениям [8–10; 15];

11) создание целостной «среды обучения», формирование корпоративной культуры «самообучающейся организации» [10; 15]:

- создание «системы управления знаниями» [8, с. 27]: накопление, сохранение, систематизация и распределение знаний, определение политики, ресурсов и потребностей обучения, планирование обучения, проведение обучения и оценка результатов [10];

- организация опережающего обучения: непрерывное обновление знаний и формирование у сотрудников желания постоянно заниматься своим самообразованием [9–11; 13];

- обеспечение непрерывности, оперативности, гибкости и массовости обучения персонала [10; 11, с. 253];

12) диверсификация направлений и услуг корпоративного обучения [8; 11].

В работе также представлены возможные тактические задачи корпоративного обучения.

1. Обучение персонала необходимым профессиональным компетенциям:

- инструктаж по новому продукту, новой технологии или новому оборудованию [6; 11; 15; 16];

- обучение по бизнес-направлениям: маркетинг, продажи, логистика [9; 13; 16];

- обучение по направлению менеджмента: общий менеджмент, стратегический и финансовый менеджмент, управление персоналом [13; 17];

- развитие профессиональных компетенций, направленных на обеспечение конкурентоспособности компании (конкурентный анализ своего отраслевого рынка, определение своей конкурентной позиции, разработка стратегии достижения желаемой конкурентной позиции и т. д.) [8, с. 30];

- обучение компьютерным программам [17];

- обучение иностранным языкам, снятие «языкового» барьера [15];

- повышение квалификации по направлениям, которые постоянно претерпевают изменения (например, бухгалтерское дело, финансы, делопроизводство, налоги, законодательство) [6; 17].

2. Формирование единой терминологии и единых коммуникационных и организационных подходов [6; 12; 17].

3. Развитие интеллектуальных, психологических и социальных компетенций (умение работать в команде, управлять конфликтами, принимать решения, анализировать и эффективно передавать информацию) [10; 11; 16; 17].

4. Развитие лидерских качеств, формирование у руководителей социального интеллекта и эмоциональной грамотности [12; 16].

5. Проведение тренингов по сплочению коллектива [16], активизации творчества сотрудников, снятию психологической усталости [15].

Задачи корпоративного обучения можно также классифицировать в зависимости от уровня подготовки сотрудника. Выделяют три уровня подготовки [6; 12; 17]:

1) начальный (подготовка новых кадров): базовые знания о компании, ее продукте, бизнес-процессах, программному обеспечению, технологиям работы [17];

2) профессиональная подготовка (повышение квалификации и переподготовка):

- продвинутый курс продаж;
- деловая коммуникация, переговоры;
- управление временем, конфликтами;
- навыки работы в команде;
- развитие стрессоустойчивости;
- профессиональные программы по запросу бизнеса, по проблемным темам подразделений [17];

3) программа лидерства и управления (работа с кадровым резервом): управление персоналом, инструменты эффективного собеседования, лидерство, управление временем и другие управленческие программы [17].

В.Ш. Каганов также подразделяет корпоративное обучение на формальное (МВА, бакалавриат, магистратура, профессиональное образование) и неформальное обучение (тренинги, семинары, конференции) [8, с. 41].

Представленные характеристики, цели и задачи корпоративного обучения охватывают широкий спектр направлений профессиональной подготовки сотрудников. Далее в статье будут рассмотрены специфические особенности корпоративного обучения в области языковой подготовки.

В связи с тем, что данный вопрос мало изучен в научной литературе, были выделены характеристики языковой подготовки корпоративных обучающихся на основе общих положений корпоративного обучения [6–9; 11; 13; 14].

1. Гибкий отбор содержания и методов обучения в соответствии с настоящими целями и задачами компаний на современном этапе.

2. Развитие конкретных языковых и речевых умений, обучение специальным предметам на иностранном языке.

3. Направленность обучения на формирование у сотрудников общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых компании в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

4. Разная продолжительность курсов (от 3–4-часового занятия в форме консультации до 2-летней программы обучения).

5. Наличие объективного контроля сформированной профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции со стороны компании-заказчика.

6. Возможность использования для создания языковых корпоративных учебных

программ служебной информации и документации, получения консультаций сотрудников компании, организации практических занятий по иностранному языку в реальных рабочих ситуациях.

7. Составление компанией-заказчиком системы мотивации сотрудников к обучению.

8. Частичное или полное финансирование обучения компанией-заказчиком [8; 9].

9. Направленность обучения на взрослую аудиторию, что определяет следующие положения языкового корпоративного обучения:

- выбор методов и форм обучения зависит от уже сформированных знаний, навыков и установок обучающихся, предпочитаемого стиля и темпа обучения [14];

- обучение осуществляется в виде модулей и носит непрерывный характер, без перерывов на каникулы [6, с. 10-11];

- обучение направлено на решение практических задач, носит «компетентностный и рефлексивный характер» [6, с. 11];

- корпоративные курсы организовываются в удобное для сотрудников время [7];

- обучение проводится в мини-группах (5–6 человек) [13];

- обучение отличается небольшой продолжительностью [6; 9] и высокой интенсивностью [11];

- высокий уровень начальной подготовки (интеллектуальные способности и личностные качества), а также высокий уровень мотивации взрослых обучающихся способствует достижению высоких результатов в обучении [11, с. 251].

10. Обучение может быть единоразовым и систематическим, что выражается в организации следующих типов занятий по иностранному языку:

- продолжительных языковых курсов, направленных на развитие иноязычной коммуникативной компетенции, а также общекультурных и профессиональных компетенций;

- единоразовых занятий в форме тренингов по специальности (обучение новому продукту или новой системе работы) на иностранном языке;

- отдельных консультаций по иностранному языку (обучение формату письменной деловой речи, объяснение конкретной

грамматической темы, тренинг по проведению презентаций на иностранном языке).

Исходя из рассмотренных особенностей языкового корпоративного обучения, видно, что любой корпоративный курс очень индивидуален и отвечает специфическим запросам заказчика, вследствие чего проводится большая работа по адаптации курса к потребностям корпоративных обучающихся [13].

По данным В.В. Кузнецова, с целью осуществления индивидуального корпоративного обучения создаются «автоматизированные обучающие системы», «заранее разработанные индивидуальные учебные планы и программы», «учебно-методические материалы» [6, с. 13].

Таким образом, на основании определенных потребностей компании-заказчика относительно профессионального использования иностранного языка обучающей организацией разрабатывается *языковая корпоративная учебная программа*.

Языковая корпоративная учебная программа – это совокупность таких компонентов обучения, как содержание обучения, его продолжительность, организационно-педагогические условия, учебный план и учебно-методические и оценочные материалы, которые направлены на достижение определенной цели формирования иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональной сфере общения, отражающей потребность компании-заказчика в обучении своих сотрудников конкретным общекультурным и профессиональным компетенциям, необходимым им для успешного выполнения своей профессиональной деятельности [18].

Далее считаем важным остановиться на формах, методах и технологиях языкового корпоративного обучения, выбор которых зависит от многих факторов: задачи и уровень подготовки корпоративных обучающихся, место проведения обучения.

Для начала рассмотрим, какие формы, методы и технологии корпоративного обучения применяются в профессиональной подготовке сотрудников, затем определим наиболее оптимальные формы, методы и технологии языкового корпоративного обучения.

Относительно места проведения выделяют две основные формы обучения: обуче-

ние на рабочем месте и обучение с отрывом от работы [6; 7; 10].

Как обозначают в своей статье И. Семенов и Н. Жаворонкова, обучение на рабочем месте проходит в форме «компактного» обучения, что подразумевает формирование учебной группы из сотрудников одной компании, осуществление обучения по специально определенной для этой группы учебной программе, в то время как обучение вне рабочего места происходит в форме «рассредоточенного» обучения (учебные группы состоят из представителей разных компаний) [14].

На основании работ О.В. Нестеровой, Э.Н. Насибуллина, С.В. Сидорова, В.В. Кузнецова, Е. Новиковой, Р.В. Чапкина были выделены преимущества и недостатки каждой формы обучения [6; 7; 10; 11; 13; 19].

В первом случае обучение организуется с учетом целей и задач корпоративных обучающихся, есть возможность наглядности обучения и контроля результатов обучения со стороны компании [10; 11, с. 255], курсы могут быть организованы совместно с практикой в реальных рабочих ситуациях [6; 7], сокращаются временные затраты и транспортные расходы на посещение обучения [11, с. 258]. В то время как при обучении не на рабочем месте потребности корпоративных обучающихся не учитываются полностью [10].

При первой форме обучения, как уже было замечено выше, есть возможность получения обучающимися консультаций от сотрудников компании [11, с. 258]. По данным Е. Новиковой, руководители компаний могут предложить обучающимся интересные бизнес-ситуации и передать им особенности корпоративной культуры. К тому же при «компактном» обучении сотрудников определенной компании есть возможность создать командный дух в коллективе [13].

Тем не менее, у второй формы обучения также есть свои преимущества. В то время как «компактные» учебные группы могут быть объединены по уровню профессиональной компетенции, социальному статусу, мотивации к обучению, что упрощает учет запроса заказчика, «рассредоточенные» группы имеют возможность обмениваться опытом с коллегами из других сфер бизнеса [13].

При этом при формировании «компактных» учебных групп в компании существует большой риск создания групп с разным уровнем языковой подготовки, в результате чего обучение приходится рассчитывать на средний уровень подготовки обучающихся.

Р.В. Чапкин также выделяет преимущества и недостатки этих форм обучения. Согласно автору, при формировании «компактных» групп возможно объединить сотрудников по роду деятельности, например, коллег из одного отдела или сотрудников, работающих над совместным проектом, что, с одной стороны, обладает колоссальным преимуществом перед «рассредоточенным» обучением в силу возможности и уместности организации совместной производственной практики данных сотрудников в процессе обучения. Однако, с другой стороны, создает и ряд сложностей – повышенная стеснительность руководителей в присутствии своих подчиненных и наоборот; разный уровень языковой подготовки участников группы [19].

Что касается форм, методов и технологий обучения, на рабочем месте наиболее подходящими являются направленное приобретение опыта, производственный инструктаж, ротация, стажировка, наставничество, коучинг, проекты, деловые игры [10; 12; 17].

К формам, методам и технологиям обучения вне рабочего места относят лекции, программированные курсы обучения, конференции, семинары, кейс-технологии, деловые игры, моделирование ситуаций, «кружки качества» [10], тренинги, вебинары, фасилитацию, модерацию, «круглые столы» [12; 17].

Представленный анализ особенностей «компактного» и «рассредоточенного» обучения позволяет сделать вывод о том, что для языковых корпоративных курсов наиболее подходящей формой обучения является обучение на рабочем месте, которое подразумевает максимальную индивидуализацию языковой корпоративной учебной программы относительно целей и задач корпоративных обучающихся и предоставление им возможности языковой практики в реальных рабочих ситуациях.

К наиболее оптимальным формам, методам и технологиям языкового корпоративного обучения в данном случае подходят производственные стажировки в зарубежных

подразделениях компании, коучинг, проекты, деловые игры на иностранном языке.

Как уже было замечено выше, форма корпоративного обучения зависит также от задач обучения. Так, согласно О.В. Нестеровой, для усвоения опыта подойдут такие формы, как тренинги, семинары, лекции, а для выработки опыта – проекты и деловые игры [10].

При этом С.В. Сидоров замечает, что корпоративные учебные программы направлены в основном на решение практических задач и поэтому они обычно проводятся в форме семинаров, тренингов, деловых игр, мастер-классов, вебинаров, кейс-обучения и с помощью использования электронных обучающих приложений [7].

В то же самое время Е.А. Корчагин, Р.С. Сафин говорят о том, что форма корпоративного обучения также зависит от этапа обучения работающего персонала. Например, для первого этапа достаточным может быть инструктаж руководителя, в то время как для последующих этапов необходимы такие формы обучения, как лекции, семинары, тренинги, «круглые столы», мастер-классы, курсы продолжительностью от нескольких часов до нескольких месяцев [20, с. 162].

Согласно О.В. Нестеровой, формы обучения можно также подразделить на традиционные и инновационные. К первым автор относит лекцию, семинар, самостоятельное обучение, наставничество [10].

Н. Смирнов, Е. Минеева относят к ним и другие формы, которые основаны на обучении с инструктором: тренинг, коучинг, интерактивные игры (деловые, ролевые), командный коучинг [21].

Ко вторым О.В. Нестерова относит формы, организованные с помощью современных технических средств (видеообучение, дистанционное обучение, подкастинг), педагогических методик (кейс-обучение, поведенческое моделирование), эффективной организации учебного процесса (мозговой штурм, обучение действием, баскет-метод) и новых системных свойств образования (модульное обучение) [10]. Н. Смирнов, Е. Минеева выделяют те же инновационные формы корпоративного обучения [21].

Анализ литературы [6; 10; 11; 15; 16; 20–23] позволил выделить наиболее оптимальные формы, методы и технологии корпора-

тивного обучения: семинар, наставничество, тренинги, деловую игру, конференции, экскурсии, мастер-классы, выставки, дистанционное обучение, смешанное обучение, мобильное обучение, кейс-обучение, моделирование, мозговой штурм, обучение действием, баскет-метод, модульное обучение.

В свою очередь, проведенный анализ позволил определить наиболее подходящие формы, методы и технологии обучения для языкового корпоративного обучения.

Как было замечено ранее, языковое корпоративное обучение может проходить как в форме «компактного» обучения (на рабочем месте), так и в форме «распределенного» обучения (вне рабочего места), где первая форма является более эффективной и, следовательно, более предпочтительной. В данном случае как наиболее оптимальные формы, методы и технологии были определены производственные стажировки в зарубежных подразделениях компании, коучинг, проекты, деловые игры на иностранном языке.

Выбор формы и технологии языкового корпоративного обучения также зависит от задач обучения. Так как языковые корпоративные учебные программы в основном направлены на развитие коммуникативной иноязычной компетенции в ситуациях профессиональной коммуникации, то самыми оптимальными формами, методами и технологиями корпоративного обучения для осуществления языковой подготовки корпоративных обучающихся являются: семинары, «круглые столы», тренинги, деловые игры, проекты, кейс-обучение, моделирование рабочих ситуаций на иностранном языке.

В свою очередь, формы и технологии языкового корпоративного обучения также можно подразделить на традиционные и инновационные.

К традиционным были отнесены: семинары, «круглые столы»; международные конференции и экскурсии на иностранном языке; тренинги, деловые игры, командный коучинг на иностранном языке.

В качестве инновационных были выделены: дистанционное, мобильное и смешанное обучение; проектная технология, кейс-технология, мозговой штурм на иностранном языке; мастер-классы, выставки на иностранном языке; моделирование рабочих си-

туаций на иностранном языке, обучение действием (action learning); модульное обучение.

Если большинство из перечисленных форм, методов и технологий направлены на формирование иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональных ситуациях общения, то такие технологии, как дистанционное, мобильное, смешанное и модульное обучение применяются с целью интенсификации и индивидуализации языкового корпоративного обучения, повышения его гибкости относительно места, времени и задач обучения, обеспечения его непрерывности, а также реализации междисциплинарного подхода и повышения самостоятельности и автономии корпоративных обучающихся.

Особенным в языковом корпоративном обучении является и *вопрос мотивации*. Высокая мотивация сотрудников к обучению является одним из основополагающих факторов достижения компанией успеха на рынке.

Как правило, мотивация к обучению у сотрудников есть. Многие из них высоко мотивированы перспективами карьерного роста в компании [13] или же пытаются избежать наказаний в виде штрафов или увольнений [14], что является внешней мотивацией обучающихся [24].

И. Семенков и Н. Жаворонкова отмечают необходимость создания у корпоративных обучающихся внутренней мотивации, которая, по мнению авторов, является залогом успешности обучения [14].

Оптимальным решением вопроса создания внутренней мотивации сотрудников является создание в компании такой корпоративной культуры, главной ценностью и залогом успешности которой является знание. Согласно И. Семенкову и Н. Жаворонковой, осознание сотрудником своей ценности для компании через получаемое знание поможет сформировать внутреннюю мотивацию сотрудников к обучению [14].

В свою очередь, как считает Э.Н. Насибуллин, корпоративное обучение может быть использовано и в качестве способа мотивации и повышения лояльности сотрудников компании [11, с. 253]. В процессе учебы возможно создать дух «корпоративной солидарности, взаимопомощи и ответственности за качество и сроки обучения» [11, с. 258]. Этого же мнения придерживается Е. Новикова [13].

Для осуществления корпоративного обучения своих сотрудников компании обращаются в обучающие организации либо организуют данное обучение самостоятельно [6–9; 13; 14].

При самостоятельном обучении сотрудников компаниями используются внутренние формы корпоративного обучения: рабочие места, учебные подразделения, корпоративные университеты [6–9; 13].

В то же самое время Е. Новикова и В.Ш. Каганов подчеркивают тенденцию взаимодействия обучающих организаций и корпоративных университетов в осуществлении корпоративного обучения [8; 13].

Согласно данным С.В. Сидорова, корпоративное обучение может также осуществляться и кадровыми агентствами [7].

На основании представленной в статье информации следует, что сфера корпоративного обучения, являясь частью системы негосударственного образования, характеризуется высокой степенью независимости, гибкости, индивидуальности и огромными возможностями реализации в плане форм, методов, содержания, сроков и места обучения.

Однако постоянная зависимость компаний от требований рынка, необходимость поддержания своей конкурентоспособности, уникальности и инновационности накладывает на сферу корпоративного обучения определенные обязательства: быстрая реакция на изменения рынка, обеспечение непрерывности профессиональной подготовки сотрудников и создание индивидуализированных учебных программ.

В свою очередь, корпоративные языковые курсы, являясь частью системы корпоративного обучения, также направлены на индивидуализацию обучения корпоративных обучающихся иностранному языку, что требует проведения трудоемкой работы по созданию индивидуальных языковых корпоративных учебных программ.

Список литературы

1. Марон А.Е., Монахова Л.Ю. Концептуальный аспект диверсификации образования взрослых в современном социуме // Методология исследования в профессиональном педагогическом образовании: сборник материалов 6 Международного методологического семи-

- нара. СПб.: ФГНУ ИПООВ РАО, 2013. С. 108-115.
2. *Анищенко В.А.* Принципы непрерывного профессионального образования // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 187-189.
 3. *Татарникова А.А.* Дополнительное профессиональное образование как составная часть непрерывного профессионального образования // Вестник Томского государственного университета. 2007. Вып. 299. С. 144-149.
 4. *Рубанов А.М.* Технология управления инновационным потенциалом образовательной организации на рынке услуг дополнительного профессионального образования. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2008. 160 с.
 5. *Горбатюк В.Ф.* Синергетика в современном обучении. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. 208 с.
 6. *Кузнецов В.В.* Корпоративное образование. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. 227 с.
 7. *Сидоров С.В.* Особенности корпоративного обучения. URL: http://si-sv.com/publ/1/osobennosti_korporativnogo_obucheniya/14-1-0-386 (дата обращения: 20.06.2016).
 8. *Каганов В.Ш.* Корпоративное обучение как фактор обеспечения конкурентоспособности российских предпринимательских структур: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. М., 2013. 47 с.
 9. *Малахов Е.С.* Развитие корпоративного обучения в системе услуг дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2010. 25 с.
 10. *Нестерова О.В.* Handbook по дисциплине «Организация корпоративного обучения». URL: http://www.e-biblio.ru/book/bib/06_mana-gement/organiz_corp_obucheniya/hb.html (дата обращения: 20.06.2016).
 11. *Насибуллин Э.Н.* Корпоративное обучение как фактор повышения интеллектуального потенциала персонала организации // Образовательные технологии и общество. 2010. Т. 13. Вып. 2. С. 250-261.
 12. Управление обучением и развитием персонала. URL: http://studme.org/1256120426153/management/upravlenie_personalom (дата обращения: 20.06.2016).
 13. *Новикова Е.* Особенности корпоративных тренингов: результативно и выгодно. URL: <http://www.trainings.ru/library/exclusive/?id=6779> (дата обращения: 20.06.2016).
 14. *Семенков И., Жаворонкова Н.* Корпоративные клиенты обучающих организаций. URL: <http://hrm.ru/korporativnye-klienty-obuchajushhikh-organizacij> (дата обращения: 20.06.2016).
 15. *Ибрагимов И.М.* Особенности корпоративного обучения. URL: <http://scibook.net/obrazovatelnyie-tehnologii-sovremennye/osobennosti-korporativnogo-obucheniya-45305.html> (дата обращения: 20.06.2016).
 16. *Панфилова А.П., Громова Л.А.* Корпоративное обучение на основе гуманитарных технологий. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 207 с.
 17. О системе корпоративного обучения и развития персонала, общие положения. URL: <http://dzensales.ru/personal/o-sisteme-korporativnogo-obucheniya-i-razvitiya-personala-obshhie-polozeniya> (дата обращения: 20.06.2016).
 18. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. URL: www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html (дата обращения: 20.06.2016).
 19. *Чапкин Р.В.* Актуальные проблемы организации обучения иностранному языку специалистов производства // Высшее образование сегодня. 2009. № 7. С. 75-77.
 20. *Корчагин Е.А., Сафин Р.С.* Инновационные формы организации дополнительного опережающего обучения студентов и работающего персонала // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 16. С. 162-169.
 21. *Смирнов Н., Минеева Е.* Новые формы корпоративного обучения персонала. URL: <http://www.master-class.spb.ru/arttreningi/novye-formy-korporativnogo-obucheniya-personala/> (дата обращения: 20.06.2016).
 22. *Фопель К.* Психологические принципы обучения взрослых. Проведение воркшопов: семинаров, мастер-классов: пер. с нем. М.: Генезис, 2010. 360 с.
 23. *Бартель В.В.* Современные технологии обучения. Специфика модульного обучения иностранному языку // Язык и мир изучаемого языка. 2012. № 3. С. 78-84.
 24. *Котик Б.С., Соловей П.* Как выучить иностранный язык. М.: ЧеРо; Когито-Центр, 2005. 143 с.

References

1. Maron A.E., Monakhova L.Yu. Kontseptual'nyy aspekt diversifikatsii obrazovaniya vzroslykh v sovremennom sotsiume [Conceptual aspect of diversification of adult's education in a modern society]. *Sbornik materialov 6 Mezhdunarodnogo metodologicheskogo seminar «Metodologiya issledovaniya v professional'nom pedagogicheskom obrazovanii»* [Proceedings of the 6th International methodological seminar "Methodology of investigation in professional pedagogical education"]. St. Petersburg, FSSI

- IPEAE RAE Publ., 2013, pp. 108-115. (In Russian).
2. Anishchenko V.A. Printsipy nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya [Principles of continuous professional education]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2007, no. 1, pp. 187-189. (In Russian).
 3. Tatarnikova A.A. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie kak sostavnaya chast' nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya [Additional vocational training as component part incessant vocational education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 144-149. (In Russian).
 4. Rubanov A.M. *Tekhnologiya upravleniya innovatsionnym potentsialom obrazovatel'noy organizatsii na rynke uslug dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Technology of innovative potential of educational establishment managing on the services market of additional professional education]. Tambov, TSTU Publ., 2008. 160 p. (In Russian).
 5. Gorbatyuk V.F. *Sinergetika v sovremennom obuchenii* [Synergy in modern education]. Taganrog, Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov Publ., 2012. 208 p. (In Russian).
 6. Kuznetsov V.V. *Korporativnoe obrazovanie* [Cooperative education]. Ekaterinburg, Russian State Professional Pedagogical Institute Publ., 2010. 227 p. (In Russian).
 7. Sidorov S.V. *Osobennosti korporativnogo obucheniya* [Special aspects of cooperative education]. Available at: http://si-sv.com/publ/1/osobennosti_korporativnogo_obucheniya/14-1-0-386 (accessed 20.06.2016).
 8. Kaganov V.Sh. *Korporativnoe obuchenie kak faktor obespecheniya konkurentosposobnosti rossiyskikh predprinimatel'skikh struktur* [Cooperative education as aspect of proving competitiveness of Russian entrepreneur structure]. Avtoreferat dissertatsii ... doktora ekonomicheskikh nauk. Moscow, 2013. 47 p. (In Russian).
 9. Malakhov E.S. *Razvitie korporativnogo obucheniya v sisteme uslug dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Development of cooperative education in the system of service of additional professional education]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata ekonomicheskikh nauk. Moscow, 2010. 25 p. (In Russian).
 10. Nesterova O.V. *Handbook po distsipline «Organizatsiya korporativnogo obucheniya»* [Handbook on discipline: "Organisation of cooperative education"]. Available at: http://www.e-biblio.ru/book/bib/06_management/organiz_corp_obucheniya/hb.html (accessed 20.06.2016).
 11. Nasibullin E.N. Korporativnoe obuchenie kak faktor povysheniya intellektual'nogo potentsiala personala organizatsii [Corporate education intellectual as an aspect of rising the potential of personnel of organization]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo* [Educational technologies and society], 2010, vol. 13, no. 2, pp. 250-261. (In Russian).
 12. *Upravlenie obucheniem i razvitiem personala* [Managing education and development of personnel]. Available at: http://studme.org/1256120426153/menedzhment/upravlenie_personalom (accessed 20.06.2016).
 13. Novikova E. *Osobennosti korporativnykh treningov: rezul'tativno i vygodno* [Special aspects of cooperative trainings: with result and profitable]. Available at: <http://www.trainings.ru/library/exclusive/?id=6779> (accessed 20.06.2016).
 14. Semenkov I., Zhavoronkova N. *Korporativnye klienty obuchayushchikh organizatsiy* [Cooperative clients in teaching organisations]. Available at: <http://hrm.ru/korporativnye-klienty-obuchayushchikh-organizatsiy> (accessed 20.06.2016).
 15. Ibragimov I.M. *Osobennosti korporativnogo obucheniya* [Special aspects of cooperative teaching]. Available at: <http://scibook.net/obrazovatelnyie-tehnologii-sovremennyye/osobennosti-korporativnogo-obucheniya-45305.html> (accessed 20.06.2016).
 16. Panfilova A.P., Gromova L.A. *Korporativnoe obuchenie na osnove gumanitarnykh tekhnologiy* [Cooperative teaching based on humanities]. St. Petersburg, Herzen SPUR Publ., 2008. 207 p. (In Russian).
 17. *O sisteme korporativnogo obucheniya i razvitiya personala, obshchie polozheniya* [About the system of cooperative teaching and personnel development, general provisions]. Available at: <http://dzensales.ru/personal/o-sisteme-korporativnogo-obucheniya-i-razvitiya-personala-obshhie-polozheniya> (accessed 20.06.2016).
 18. Russian Federation. Federal Law № 273-FZ of 29 December, 2012, *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii* [On education in Russian Federation]. Available at: www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html (accessed 20.06.2016).
 19. Chapkin R.V. Aktual'nye problemy organizatsii obucheniya inostrannomu yazyku spetsialistov proizvodstva [Problems of current important in foreign language studying organization specialists on manufacture]. *Vyshee obrazovanie segodnya – Higher Education Today*, 2009, no. 7, pp. 75-77. (In Russian).
 20. Korchagin E.A., Safin R.S. Innovatsionnye formy organizatsii dopolnitel'nogo operezhayushchego obucheniya studentov i rabotayushchego personala [Innovative organisation forms of further proactive education of students and employees]. *Vestnik Kazanskogo*

- tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan technology university], 2013, vol. 16, no. 16, pp. 162-169. (In Russian).
21. Smirnov N., Mineeva E. *Novye formy korporativnogo obucheniya personala* [New forms of cooperative teaching of personnel]. Available at: <http://www.master-class.spb.ru/arttreningi/novye-formy-korporativnogo-obuche-niya-per-sonala/> (accessed 20.06.2016).
22. Fopel K. *Psikhologicheskie printsipy obucheniya vroslykh. Provedenie vorkshopov: seminarov, master-klassov* [Psychological principles of adults' teaching. Workshops, seminars and master-classes], trans. from German. Moscow, Genezis Publ., 2010. 360 p. (In Russian).
23. Bartel V.V. *Sovremennye tekhnologii obucheniya. Spetsifika modul'nogo obucheniya inostrannomu yazyku* [Modern education technologies. Specify of module foreign language teaching]. *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka* [Language and world of learning language], 2012, no. 3, pp. 78-84. (In Russian).
24. Kotik B.S., Solovey P. *Kak vyuchit' inostranny yazyk* [How to learn foreign language]. Moscow, CheRo Publ., Cogito-Centre Publ., 2005. 143 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2016 г.
Received 2 July 2016

UDC 378.375

CHARACTERISTICS OF CORPORATE LANGUAGE COURSES

Elena Nickolaevna POTAPOVA

Lecturer, Foreign Languages Department

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: elena_nickolaevna84@mail.ru

It is devoted to the characteristics of corporate language courses which main aim is to meet the needs of corporate students and make their learning more effective. The necessity of life-long learning of adult students and in this regard states the importance of corporate teaching and learning, the notion of corporate teaching and learning and outlines its main characteristics, strategic aims and tactical objectives are defined. On this basis the characteristics of corporate language courses are identified and a definition to a language corporate teaching programme is given, where the adjustment of language programmes to the needs of corporate clients is considered as highly important. Different classifications of forms, methods and technologies of corporate learning and teaching in general are also presented and on this basis the most effective forms, methods and technologies of language corporate learning and teaching are identified. Regarding these forms, methods and technologies, special emphasis is put on "same background" and "mixed background" forms of corporate learning and the advantages and disadvantages of each form are outlined, where "same background" form is considered to be more effective in terms of language corporate learning. In addition, in accordance with goals and objectives of language corporate learning and teaching its traditional and innovative forms, methods and technologies are outlined. The question of employees' motivation to learn is also raised, where external motivation is defined as dominant and less effective than internal motivation, which in turn is to be developed.

Key words: corporate students; corporate teaching and learning; strategic aims; tactical objectives; language corporate teaching programme; forms; methods and technologies of language corporate teaching and learning; external and internal motivation

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-63-72

Информация для цитирования:

Потапова Е.Н. Характеристики корпоративных языковых курсов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 63-72. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-63-72.

Potapova E.N. *Kharakteristiki korporativnykh yazykovykh kursov* [Characteristics of corporate language courses]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 63-72. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-63-72. (In Russian).

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИКИ-ТЕХНОЛОГИИ
ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ
ПО СОСТАВЛЕНИЮ ВИКИ-ГЛОССАРИЯ ТЕРМИНОВ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ СИЛАМИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА**

© **Инна Владимировна ХАРЛАМЕНКО**

преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: ikharlamenko@yandex.ru

Современные ФГОС ВО предъявляют требования увеличивать долю самостоятельной работы студентов и активно внедрять интерактивные формы обучения, желательно на базе инструментов Веб 2.0. Одним из таких инструментов является вики-технология, дидактические свойства и функции которой позволяют выполнить эти требования и повысить эффективность обучения иностранному языку за счет интерактивного характера и реализации принципов метода проектов. Исследована возможность использования вики-технологии для организации совместной работы по созданию вики-гlossария, то есть словаря терминов специальности студентами неязыковых вузов, что является важным при учете профиля и направления обучения. Задание «Вики-гlossарий» основано на принципах задания вики-словарь, развивает и углубляет их. Приведен подробный алгоритм работы студентов и преподавателя, шаблон оформления словарной статьи, критерии оценивания выполнения задания. Проанализированы современные интернет-ресурсы, дан список рекомендуемых открытых образовательных ресурсов для организации работы над вики-гlossарием биологических терминов. Описаны требования к квалификации преподавателя в соответствии с Профессиональным стандартом профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования. Перечислены методические преимущества и возможные трудности использования вики-технологии для составления совместного гlossария.

Ключевые слова: интеграция ИКТ в обучение; вики; вики-технология; вики-гlossарий; совместное составление словаря; проектная деятельность

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-73-81

В современном мире уже недостаточно быть хорошим специалистом только в своей области, надо уметь раскрыть свой потенциал перед другими коллегами, в том числе за рубежом. Средством общения на международном уровне служит английский язык, что делает его изучение для студентов неязыковых факультетов необходимым. По словам Б.В. Беляева, «из всех основных аспектов иностранного языка, которые должны практически усваиваться учащимися в процессе обучения, наиболее важным и существенным с психологической точки зрения следует считать лексику, потому что без запаса слов, хотя бы незначительного, владеть языком невозможно» [1, с. 118]. На каждом уровне обучения и для каждого профиля и варианта обучения иностранному языку разработаны свои лексические минимумы, которые должны быть усвоены учащимися. Традиционно, принципы отбора лексики подразделяются на статистические (учитываются частотность, распространенность и употребительность

слов), лингвистические (учитываются сочетаемость, стилистическая неограниченность, семантическая ценность, словообразовательная ценность, многозначность и строевая способность слов) и методические (учитываются распространенность и коммуникативная ценность слов, «отражающих наиболее важные понятия в пределах изучаемой темы» [2, с. 74]). Лексические минимумы могут включать в себя общую лексику и специальную. Например, студенты неязыковых специальностей за время обучения должны овладеть 3000 лексических единиц [3]. Однако определенный программно-методическим обеспечением лексический минимум не может отразить набора всей той специфической лексики, которая нужна студентам разных направленностей даже внутри одного направления. Например, та лексика, которая абсолютно необходима антропологам, не будет приоритетной для биооргаников или гидробиологов, несмотря на то, что все эти направленности реализуются внутри направле-

ния «Биология». Следовательно, существует необходимость разрабатывать свои собственные лексические минимумы для каждой конкретной группы студентов с ориентировкой на профессиональные интересы и личные предпочтения. Сделать это представляется возможным, интегрируя информационно-коммуникационные технологии в учебный процесс в высшей школе.

Информационно-коммуникационные технологии, прочно войдя во все сферы жизни, являются основой для «индустриализованного обучения» [4], для которого характерна рационализация, объективизация, формализация, планирование, смена роли преподавателя, большой обхват аудитории. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс за счет перечисленных качеств способствует успешной реализации интерактивных методов обучения, например, обучению в сотрудничестве или проектной деятельности, для которой, по словам Е.С. Полат, характерна «прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы» [5]. Данную педагогическую технологию можно использовать при обучении любой дисциплине, а зачастую и на междисциплинарном уровне. Так называемые сервисы Интернета Web 2.0, а именно вики, блоги, социальные сети и др., сделали возможным организацию совместной деятельности и компьютерно-опосредованную коммуникацию между студентами во внеучебное время, что приобретает особую важность в свете новых ФГОС, так как «современный процесс обучения в старшей школе и вузе ориентирован на значительное смещение акцента с аудиторной на самостоятельную работу» [6, с. 115].

На биологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова для составления совместного глоссария силами студентов была использована технология вики. «Популярность технологии вики как средства организации групповой работы объясняется простотой в использовании, гибкостью» [7, с. 50], к тому же вики может выступать не только «источником информации и знаний, но и инструментом для совместного соавторства» [8, с. 58], так как позволяет «делиться информацией с другими участниками групповых проектов,

вступать во взаимообучение, используя вики как учебную среду для формирования своих знаний, или быть частью виртуального сообщества» [9]. Таким образом, на основе вики-технологии можно организовать совместную проектную деятельность студентов, конечным продуктом которой будет глоссарий, то есть словарь терминов по их специальности. Важно отметить, что технически технология вики не требует от студентов продвинутой ИКТ компетенции и представляет из себя набор страниц, открытых для редактирования всем пользователям группы. Особые дидактические свойства и функции вики, такие как гипертекстовая структура, нелинейность, коллективный доступ к истории создания документа, позволяют эффективно использовать эту технологию в учебном процессе. В то же время возможна загрузка фото- и аудиофайлов, то есть мультимедийная подача информации, что может явиться бесценным подспорьем при необходимости создания визуального и аудиального образа отдельных видов представителей живой природы, названия которых входят в глоссарий.

В основу формата задания «Вики-глоссарий» была положена идея М.О. Ильяхова, предложившего формат задания вики-словарь, согласно которому «преподаватель отбирает языковой материал, который должен быть описан в вики-словаре, и передает студентам шаблон, по которому они описывают каждую языковую единицу в словаре. Студенты организуют свою самостоятельную работу: коллективно готовят описания каждой языковой единицы согласно шаблону, корректируют и редактируют работу друг друга, дают друг другу обратную связь, отчитываются о своем вкладе в задание в вики-портфолио. Преподаватель оценивает работу студентов в целом и индивидуально согласно предусмотренным критериям» [10, с. 18]. Недостатком формата задания вики-словарь является отсутствие возможности самостоятельного выбора лексики студентами, что является особо актуальным для студентов естественных направлений. Способ самостоятельного подбора лексики студентами в рамках заданной преподавателем тематики видится более предпочтительным для обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Вики-глоссарий – это многокомпонентное задание, выполняемое совместно группой

студентов на базе вики-технологии, целью которого является:

- формирование и развитие лингвистического компонента иноязычной коммуникативной компетенции;
- формирование и развитие инструментальной компетенции;
- расширение лексического запаса терминов специальности;
- повышение вовлеченности в обучение и создание у студентов мотивации к овладению иностранным языком;
- развитие навыков и умений самостоятельной работы студентов во внеаудиторные часы, целеполагания и планирования собственной деятельности;
- развитие навыков и умений совместной работы;

- развитие критического мышления при отборе лексического единиц;
- развитие умения поиска и отбора надежных источников и ресурсов по специальности;
- развитие культуры оформления ссылок;
- знакомство с правилами соблюдения академической честности и чужого авторства;
- тематическая организация языка специальности по блокам.

Алгоритм работы над вики-гlossарием представлен в табл. 1.

Шаблон оформления словарной статьи включает в себя несколько пунктов: слово, перевод, определение, пример употребления в контексте, ссылка на источник, синонимы, антонимы и т. д.

Таблица 1

Алгоритм работы над вики-гlossарием

Этап № 1 Подготовительный	
Шаг № 1. Знакомство с целью составления совместного вики-гlossария	
Действия преподавателя	Действия студентов
Знакомит студентов с целью создания совместного гlossария	–
Предлагает возможную тематику разделов словаря (например, «Вирусы», «Бактерии», «Царство Животных» и т. д.)	Вносят свои предложения по поводу тематики, особенно полезной для их направления обучения
Предлагает студентам самостоятельно определить и разработать список терминов	Предлагают свой список (по несколько слов от каждого студента на каждый раздел в соответствии с разбивкой по тематике)
Знакомит студентов с шаблоном оформления словарной статьи	Знакомятся с шаблоном оформления словарной статьи
Знакомит студентов с критериями оценивания	Знакомятся с критериями оценивания
Задаёт алгоритм действий	Задают организационные вопросы
Объясняет студентам, какой конечный результат ожидается	Вносят свои предложения по поводу того, какой дизайн лучше использовать
Шаг № 2. Регистрация участников проекта на вики-сайте и знакомство с правилами размещения учебного материала на вики-сайте	
Действия преподавателя	Действия студентов
Создает учебный вики-сайт и передает его адрес студентам	–
Показывает студентам, как зарегистрироваться на вики-сайте при помощи сгенерированного кода, или высылаёт электронное приглашение на электронные адреса студентов	Регистрируются на вики-сайте
Знакомит студентов со структурой созданного учебного вики-сайта	Знакомятся со структурой созданного учебного вики-сайта
Обучает студентов, как размещать материал на страницах сайта	Пробуют размещать материал на страницах сайта
Обучает студентов, как вносить изменения в ранее размещенный материал	Пробуют вносить изменения в ранее размещенный материал
Знакомит студентов с возможностью просмотра истории всех изменений документа	Пробуют отследить, кто, когда и какие изменения внес в документ
Знакомит студентов с техническими возможностями вики-сайта размещать материалы в любых мультимедийных форматах (текст, аудио, видео)	Пробуют разместить материалы разных мультимедийных форматов (текст, аудио, видео)

Окончание таблицы 1

Шаг № 3. Обсуждение вопросов безопасности и нетикета	
Действия преподавателя	Действия студентов
Объясняет правила соблюдения безопасности при использовании ресурсами Интернета	–
Объясняет правила общения студентов на учебном вики-сайте	–
Объясняет правила соблюдения авторского права и работы с ссылками	–
Этап № 2. Процессуальный	
Шаг № 4. Размещение материала на учебном сайте	
Действия преподавателя	Действия студентов
Размещает на вики-сайте шаблон оформления словарной статьи, рекомендации для студентов по самостоятельному оформлению словарных статей, критерии оценивания выполненной работы, список разделов глоссария по тематикам, список рекомендуемых источников или сайтов, на которые могут ссылаться студенты	Знакомятся с размещенными преподавателем материалами и размещают предлагаемый список терминов
Распределяет последовательность разделов глоссария по тематике	Выбирают слова по нужной тематике из собственного списка и оповещают об этом других участников проекта, проставляя свою фамилию рядом с выбранными словами
Производит еженедельный мониторинг самостоятельной работы студентов, при необходимости оказывает помощь, следит за размещением материала студентами на вики-сайте, следит за соблюдением сроков выполнения работы, следит за соблюдением студентами правил нетикета в общении на вики-сайте, следит за правильностью оформления ссылок на источники и соблюдение авторского права	Занимаются поиском и сбором материала из рекомендуемых преподавателем источников или по самостоятельному выбору
	Размещают словарные статьи в соответствии с шаблоном и сроками
	Редактируют статьи других студентов (в случае необходимости)
Этап № 3. Оценочный	
Шаг № 5. Осуществление оценки и самооценки	
Действия преподавателя	Действия студентов
Организует проведение контрольного мероприятия по каждому тематическому разделу словаря (например, еженедельные диктанты)	Изучают весь материал, размещенный всеми участниками проекта по данному тематическому разделу, и готовятся к проведению контрольного мероприятия
Оценивает вклад каждого студента в работу над данным тематическим разделом в соответствии с заранее обозначенными критериями	Оценивают, насколько хорошо и полно удалось проработать лексику данного тематического раздела
Этап № 4. Демонстрационный	
Шаг № 6. Демонстрация совместного вики-глоссария	
Действия преподавателя	Действия студентов
Обсуждает с участниками проекта возможность размещения глоссария в сети Интернет или на закрытых ресурсах учебного заведения с целью использования другими студентами и специалистами по направлению подготовки студентов	Принимают совместное решение о возможности размещения глоссария в сети Интернет
Размещение созданного силами студентов словаря терминов в сети Интернет или на закрытых ресурсах учебного заведения с целью использования другими студентами и специалистами по направлению подготовки студентов	
Этап № 5. Рефлексивный	
Шаг № 7. Осуществление рефлексии	
Действия преподавателя	Действия студентов
Пытается осмыслить, какие трудности испытали студенты при работе над данным тематическим разделом и причину их возникновения, а также, что необходимо сделать, чтобы избежать их над работой над следующим разделом проекта и проекта в целом	Пытаются осмыслить, какие трудности испытали при работе над данным тематическим разделом и причину их возникновения, а также, что необходимо сделать, чтобы избежать их над работой над следующим разделом проекта

Пример разбора лексической единицы биологической тематики по шаблону:

Word: corpus callosum

description: the fiber bundle that connects the two halves of the brain

translation: мозолистое тело

context: Anatomical hemispherectomies involve the removal of the entire hemisphere, whereas functional hemispherectomies only take out parts of a hemisphere, as well as severing the corpus callosum [11].

synonyms: colossal commissure

antonyms: –

Работа над составлением совместного электронного глоссария может осуществляться на базе одной из следующих вики-платформ: Wikispaces [http://wikispaces.com]; MediaWiki [http://www.mediawiki.org]; Tiki-wiki [http://info.tikiwiki.org/tiki-index.php];

Mixedink [http://www.mixedink.com/main.php]; Wetpaint [http://www.wetpaint.com/]. При анализе современных интернет-источников был выделен список открытых образовательных ресурсов, которые можно рекомендовать для направления «Биология». Например, онлайн словарь биологических терминов [http://www.biology-online.org/dictionary/Main_Page] поможет студентам с описанием и переводом лексических единиц. Поиск контекстного употребления лексических единиц рекомендуется проводить на англоязычных сайтах, на которых публикуются самые свежие работы ведущих ученых в области биологии: [http://www.scientificamerican.com/]; [http://www.sweetpeaches.com/s/]; [http://www.biologynews.net/]; [http://www.pubfacts.com/]; [http://www.sciencedaily.com/]; [http://www.the-scientist.com/].

Таблица 2

Критерии оценивания работы над лексическими единицами

Исследовательский компонент	Языковой компонент
Предоставлен контекст, в котором представлено исследуемое слово – 1 балл	Предоставлен корректный перевод лексической единицы на родной язык студентов – 1 балл
Предоставлена ссылка на источник, где содержится контекст употребления слова – 1 балл	Предоставлено корректное определение на родном языке студентов – 1 балл
Представлен(ы) синоним(ы) исследуемой лексической единицы (при наличии) – 1 балл	За каждую орфографическую или грамматическую ошибку при оформлении словарной статьи снимается 1 балл
Представлен(ы) антоним(ы) исследуемой лексической единицы (при наличии) – 1 балл	За каждое правильно написанное слово во время контрольного диктанта – 1 балл

Таблица 3

Возможные трудности при работе над вики-глоссарием

Технические трудности	Несовместимость вики-сайта с некоторыми браузерами
	“Editwar”, так называемая война редакторов, когда сохраняются данные только того участника, который произвел сохранения первым
Методические трудности	Неумение применять вики-технологии
	Недостаточно сформированная ИКТ-компетенция преподавателя в целом
	Недостаточно сформированная ИКТ-компетенция студентов в целом
	Неумение отбирать надежные интернет-источники
	Недостаточный или несвоевременный контроль со стороны преподавателя (на всех стадиях)
	Неумение преподавателя сформировать необходимую, достаточную или стабильную мотивированность у студентов
	Неумение преподавателя должным образом организовать работу над совместным проектом
Психологические трудности	Не разработан алгоритм обучения
	Неготовность работать совместно с другими студентами
	Неумение принять участие в командной работе
	Излишняя критичность со стороны других студентов при редактировании словарных статей
	Излишняя эмоциональность как ответная реакция на изменения, вносимые другими студентами
Организационные трудности	Неготовность применять ИКТ в обучении
	Несоблюдение сроков сдачи словарных статей

Таблица 4

Требования к преподавателю для работы над вики-гlossарием

Код, подуровень квалификации	Н/01.6 6.2	Н/02.6 6.2
Трудовые действия	Организация самостоятельной работы обучающихся по программам бакалавриата	Изучение образовательных потребностей и возможностей обучающихся по программам бакалавриата
Необходимые умения	<p>1) использовать педагогически обоснованные формы, методы и приемы организации деятельности обучающихся, применять современные технические средства обучения и образовательные технологии, в том числе осуществлять электронное обучение, использовать дистанционные образовательные технологии, информационно-коммуникационные технологии, электронные образовательные и информационные ресурсы с учетом:</p> <ul style="list-style-type: none"> – специфики образовательных программ, требований ФГОС ВО (для программ бакалавриата); – особенностей преподаваемого учебного курса, дисциплины (модуля); – задач занятия (цикла занятий), вида занятия; – возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся (для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья – также с учетом особенностей их психофизического развития, индивидуальных возможностей); – стадии профессионального развития; <p>2) создавать на занятиях проблемноориентированную образовательную среду, обеспечивающую формирование у обучающихся компетенций, предусмотренных требованиями ФГОС и (или) образовательных стандартов, установленных образовательной организацией и (или) образовательной программой к компетенциям выпускников</p>	<p>1) изучать образовательные потребности и возможности обучающихся с целью определения актуальной тематики проектной деятельности обучающихся по программам бакалавриата;</p> <p>2) формулировать темы проектных работ обучающихся по программам бакалавриата;</p> <p>3) оценивать качество выполнения и оформления проектных работ обучающихся</p>
Необходимые знания	<p>1) педагогические, психологические и методические основы развития мотивации, организации и контроля учебной деятельности на занятиях различного вида;</p> <p>2) современные образовательные технологии профессионального образования;</p> <p>3) психолого-педагогические основы и методика применения технических средств обучения, информационно-коммуникационных технологий, электронных образовательных и информационных ресурсов, дистанционных образовательных технологий и электронного обучения</p>	<p>1) теоретические основы и технологии организации проектной деятельности;</p> <p>2) основные базы данных, электронные библиотеки и электронные ресурсы, необходимые для проектной деятельности обучающихся по программам бакалавриата</p>

В табл. 2 представлены критерии оценивания работы над лексическими единицами. Баллы имеют ориентировочный характер и могут быть валидны только в условиях конкретного курса обучения.

В процессе проведения работы над составлением вики-гlossария биологической тематики в течение одного семестра на биологическом факультете МГУ силами 40 студентов 4 курса бакалавриата в 2015 г. уда-

лось подобрать и проанализировать 740 слов по 11 разделам: «Биология как наука», «Бактерии», «Грибы», «Царство растений», «Царство животных», «Человек», «Человек и здоровье», «Клетка», «Генетика», «Эволюция» и «Экология». Преподавателем была задана только тематика разделов, а список необходимых слов студенты подбирали самостоятельно. Было замечено, что в таком случае вовлеченность студентов в работу была вы-

ше по сравнению с ситуацией, когда студенты должны были выбирать слова по темам не самостоятельно, а из списка, предоставленного преподавателем, что можно объяснить возможностью, с одной стороны, более творчески себя реализовать при подборе слов, с другой стороны, проявить себя профессионально и почувствовать свою ответственность за результат совместной деятельности. Более того, это подтверждает слова Т. Бернерса-Ли, что «вики в целом являются отличными примерами того, что люди хотят быть креативными, а не просто поглощать информацию» [12].

В основу работы над вики-гlossарием положены следующие принципы.

1. Принцип прогностичности.
2. Принцип учета уровня владения ИЯ.
3. Принцип учета родного языка.
4. Принцип достоверности.
5. Принцип профессиональной направленности.
6. Принцип учета индивидуальных траекторий профессионального развития.
7. Принцип формирования учебной автономности.

Однако во время организации работы над вики-гlossарием могут возникать трудности технического, методического, психологического и организационного характера (табл. 3).

Для успешной организации работы над вики-гlossарием существуют требования к преподавателю, описанные в табл. 4, основанные на Профессиональном стандарте педагога 01.004 [13, с. 47-50]. Преподавателю достаточно иметь не ниже 6 уровня квалификации.

Применение вики-технологии для организации проектной совместной деятельности студентов по созданию словаря специальности имеет неоспоримые преимущества и при грамотном учете возможных трудностей может с успехом быть интегрировано в процесс обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза, так как способствует расширению лексического запаса студентов в сфере языка специальности. По словам Л.К. Раицкой, «для студентов такой опыт, соединяющий использование профессиональных и иноязычных компетенций и реализуемый в команде, может стать значительной мотивацией для дальнейшего глубокого изучения

иностранного языка и дисциплин профессионального блока» [14].

Список литературы

1. *Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965.
2. *Щукин А.Н.* Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М.: Изд-во «Икар», 2011.
3. Программно-методическое обеспечение системы разноуровневой подготовки по иностранному языкам в вузах неязыковых специальностей / отв. ред. К.Г. Павлова. М., 2006.
4. *Peters O.* Distance education and industrial production: a comparative interpretation in outline (1967). URL: <http://www.c31.uni-oldenburg.de/cde/found/peters67.htm> (accessed: 05.06.2016).
5. *Полат Е.С.* Метод проектов на уроках иностранного языка. URL: <http://distant.ioso.ru/library/publication/iaproj.htm> (accessed: 05.06.2016).
6. *Соловова Е.Н., Большакова Е.А.* Формы записи как основа интегративных академических умений устной и письменной речи // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 115-120.
7. *Тумова С.В., Филатова А.В.* Технологии Веб 2.0 в преподавании иностранных языков. М.: Изд-во «Икар», 2014.
8. *Parker K., Chao J.* Wiki as a Teaching Tool // *Interdisciplinary Journal of Knowledge and Learning Objects*. 2007. № 3. P. 57-72. URL: <http://ijklo.org/Volume3/IJKLOv3p057-072Parker284.pdf> (accessed: 05.06.2016).
9. *Boulos M.N.K., Maramba I., Wheeler S.* Wikis, blogs and podcasts: A new generation of Web based tools for virtual collaborative clinical practice and education // *BMC Medical Education*. 2006. № 6 (41). URL: <http://www.biomedcentral.com/content/pdf/1472-6920-6-41.pdf> (accessed: 05.06.2016).
10. *Ильяхов М.О.* Методические основы организации интерактивного обучения в сотрудничестве на базе технологии вики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.
11. *Charles C.* Strange but True: When Half a Brain Is Better than a Whole One // *Scientific American Online*. May, 24, 2007. URL: <http://www.scientificamerican.com/article/strange-buttrue-when-half-brain-better-than-whole/> (accessed: 05.06.2016).
12. Тим Бернерс-Ли ругает дизайнеров // Вебпланета. 2005. 18 марта. URL: http://webplanet.ru/news/internet/205/3/18/lee_design.html (дата обращения: 05.06.2016).

13. Об утверждении профессионального стандарта педагога. Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8.09.2015 г. № 608н. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf> (дата обращения: 05.06.2016).
14. Рауцкая Л.К. Вики-технологии в обучении иностранным языкам // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 7. С. 155-159.

References

1. Belyaev V.V. *Ocherki po psikhologii obucheniya inostrannym yazykam* [Notes on psychology of foreign languages teaching]. Moscow, 1965. (In Russian).
2. Shchukin A.N. *Metodika obucheniya rechevomu obshcheniyu na inostrannom yazyke* [Methodology of speaking teaching on foreign language]. Moscow, "Ikar" Publ., 2011. (In Russian).
3. *Programmno-metodicheskoe obespechenie sistemy raznourovnevoy podgotovki po inostrannym yazykam v vuzakh neyazykovykh spetsial'nostey* [Program and methodical supplying of the system of different level preparation on foreign languages in non-linguistic universities], executive ed. K.G. Pavlova. Moscow, 2006. (In Russian).
4. Peters O. *Distance education and industrial production: a comparative interpretation in outline (1967)*. Available at: <http://www.c31.uni-oldenburg.de/cde/found/peters67.htm> (accessed 05.06.2016).
5. Polat E.S. *Metod proektov na urokakh inostrannogo yazyka* [Project method on the lessons of foreign language]. Available at: <http://distant.ioso.ru/library/publication/iaproj.htm> (accessed 05.06.2016).
6. Solovova E.N., Bol'shakova E.A. *Formy zapisi kak osnova integrativnykh akademicheskikh umeniy ustnoy i pis'mennoy rechi* [Forms of note-taking as the basis of integrative academic skills in oral and written discourse]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2014, no. 2, pp. 115-120. (In Russian).
7. Titova S.V., Filatova A.V. *Tekhnologii Veb 2.0 v prepodavanii inostrannykh yazykov* [Technologies of Web 2.0 in foreign languages teaching]. Moscow, "Ikar" Publ., 2014. (In Russian).
8. Parker K., Chao J. Wiki as a Teaching Tool. *Interdisciplinary Journal of Knowledge and Learning Objects*, 2007, no. 3, pp. 57-72. Available at: <http://ijklo.org/Volume3/IJKLOv3p057-072Parker284.pdf> (accessed 05.06.2016).
9. Boulos M.N.K., Maramba I., Wheeler S. Wikis, blogs and podcasts: A new generation of Web based tools for virtual collaborative clinical practice and education. *BMC Medical Education*, 2006, no. 6 (41). Available at: <http://www.biomedcentral.com/content/pdf/1472-6920-6-41.pdf> (accessed 05.06.2016).
10. Il'yakhov M.O. *Metodicheskie osnovy organizatsii interaktivnogo obucheniya v sotrudnichestve na baze tekhnologii viki* [Methodical basic principles of interactive teaching organization based on wiki-technology]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Moscow, 2013. (In Russian).
11. Charles C. Strange but True: When Half a Brain Is Better than a Whole One. *Scientific American Online*, May 24, 2007. Available at: <http://www.scientificamerican.com/article/strange-but-true-when-half-brain-better-than-whole/> (accessed 05.06.2016).
12. Tim Berners-Li rugaet dizaynerov [Tim Berners-Li is abusing designers]. *Vebplaneta* [Webplanet]. March 18, 2005. Available at: http://webplanet.ru/news/internet/205/3/18/lee_design.html (accessed 05.06.2016).
13. Russian Federation. Order of Ministry of Labour and Social Defense № 608н of March 8, 2015, *Ob utverzhdenii professional'nogo standarta pedagoga. Pedagog professional'nogo obucheniya, professional'nogo obrazovaniya i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [On approval of professional standart of the teacher. Pedagog of professional teaching, professional education and additional professional education]. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf> (accessed 05.06.2016).
14. Raitskaya L.K. *Viki-tehnologii v obuchenii inostrannym yazykam* [Using wiki-technologies in teaching a foreign language]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences], 2009, no. 7, pp. 155-159. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2016 г.

Received 2 July 2016

UDC 378.147

USING WIKI-TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR CREATING COLLABORATIVE GLOSSARY OF SPECIAL TERMS BY SCIENCE STUDENTS

Inna Vladimirovna KHARLAMENKO

Lecturer of English for Sciences Department

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: ikharlamenko@yandex.ru

The current Federal Standards of Higher Education require extending student autonomous activities and implementing interactive forms of education preferably based on Web 2.0 tools. Wiki-technology is one of such tools. Its didactic potential and functions allow meeting the requirements and boosting efficacy of foreign language teaching due to interactivity and project method activities. It is devoted to using wiki-technology in collaborative wiki-glossary by science students containing special scientific terms, which is extremely important considering different educational profiles and directions. Wiki-glossary task is based on and develops wiki-vocabulary principles. The algorithm of teacher's and students' actions, glossary word-template, criteria of assessment are given. Modern Internet resources have been analyzed and a list of recommended open Internet resources in biology field is provided. Requirements to the teacher's qualification in terms of Professional Standard of Higher Education and Professional Standard of Vocational Education are given. Methodic benefits and possible difficulties of wiki-glossary use are listed.

Key words: ICT integration in education; wiki; wiki-technology; wiki-glossary; joint vocabulary construction; project activity

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-73-81

Информация для цитирования:

Харламенко И.В. Использование вики-технологии для организации совместной работы по составлению вики-гlossария терминов специальности силами студентов неязыкового вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 73-81. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-73-81.

Kharlamenko I.V. Ispol'zovanie viki-tekhologii dlya organizatsii sovmestnoy raboty po sostavleniyu viki-glossariya terminov spetsial'nosti silami studentov neyazykovogo vuza [Using wiki-technologies as a tool for creating collaborative glossary of special terms by science students]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 73-81. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-73-81. (In Russian).

УДК 379.828/793

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА КЛАББИНГА В СОВРЕМЕННОЙ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЕ

© Марина Игоревна ДОЛЖЕНКОВА

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры
культуроведения и социокультурных проектов
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: dolgenkovam@mail.ru

Актуальность обусловлена необходимостью обобщения и обоснования опыта и перспективных направлений функционирования современных ночных клубов, а также явления «клуббинг». Раскрыты социально-педагогические и культурологические аспекты социально-культурных процессов, связанных с клубной культурой. Рассмотрена сущность клуббинга как особой субъектной культуры. Представлены определения понятий «клуббинг» и «клубберы», раскрыты структурные и содержательные компоненты клуббинга, определены специфические особенности клубной жизни, клубной музыки и клубной танцевальной культуры. Дана типологизация современных клубов, а также проводимых ими клубных вечеринок. В частности, выделены «попсовые», «статусные» и «андеграундные» клубы, показаны особенности танцевальных, музыкальных, элитных, кофейных и концептуальных ночных клубов, выявлены социально-психологические особенности «клубной атмосферы», охарактеризованы коммуникативные процессы в клубной среде. В частности, представлены некоторые особенности клубного этикета и клубных правил, определяющих требования фейс-контроля, дресс-кода и правил поведения в клубе. Охарактеризованы наиболее востребованные вечеринки ночных клубов: пати, тематические вечеринки Military Party, New Year Party; Fashion Party, White Party, Flower Party, Beach Party, Гавайская вечеринка, пижамная вечеринка, «приват пати», опэн эйр и др.

Ключевые слова: клубная культура; субъектная культура; ночной клуб; клуббинг; клубберы; структура и мероприятия ночного клуба; клубная музыка; клубные танцы

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-82-88

Клубная культура за более чем трехсотлетний период своего развития претерпела существенные изменения. Тип аристократической сословно ограниченной клубной общности, характерный для XVIII–XIX веков, сменился типом массового культурно-просветительного досугового учреждения в XX веке, а на рубеже XX–XXI веков превратился в исключительно развлекательное учреждение [1].

В современных условиях широкое развитие получают ночные клубы как наиболее привлекательные для молодежи центры активных развлечений, неотъемлемая часть ночной жизни любого города. Досуговые программы ночных клубов отличаются разнообразием и могут удовлетворить интересы самой взыскательной аудитории. Широкий спектр развлечений ночного клуба представлен танцполом, живой музыкой, современной хореографией, стриптизом, бильярдом, боулингом, суши-баром, кофейней или кафе, конкурсной игровой программой, яркими, оригинальными шоу. Тем самым можно

классифицировать ночные клубы как многопрофильные развлекательные центры.

Возникает и приобретает широкое развитие явление клуббинга (clubbing) – особого рода субъектной культуры, основанной на функционировании танцевальной досуговой общности. Субкультура клуббинга – это специфическое досуговое поведение, характеризующееся регулярным посещением клубов, особым позитивным настроением, самовыражением через танец, манерой взаимодействия людей и особым сленгом, увлеченностью и компетентностью в области электронной клубной музыки и творчества диджеев, осведомленностью и участием во всех клубных событиях. Интенсивность клуббинга всегда обусловлена идеей хорошего времяпрепровождения. Клуббинг – специфичное общественное пространство, в котором преодолены или ослаблены социальные, моральные и ценностные рамки и нормы, сдерживающие проявления эмоций. Клуббинг становится жизненным ориентиром, особым способом получения удовольствия, веселья и развлечения.

Завсегдаемыми клубов являются клубберы (clubbers) – люди, достаточно избалованные и пресыщенные программами ночных клубов, хорошо разбирающиеся в их эстетике и содержании. Клуббинг не следует сводить только к молодежной субкультуре: возраст клуббера колеблется от двадцати до шестидесяти лет. Типичный посетитель ночного клуба – это холостой человек (мужчина или женщина) в возрасте от 18 до 30 лет, обладающий средним уровнем дохода [2]. Посетители клубов условно делятся на 3 категории:

1) «вечно ищущий» (27 %) – постоянный посетитель, позитивно относящийся к ночной клубной жизни;

2) «успокоившийся» (44 %) – постоянный посетитель, равнодушный инновациям в ночных клубах в силу уже сформированных досуговых предпочтений;

3) «выпадающий» (29 %) – посетитель, негативно относящийся к развитию ночных клубов, не намеренный посещать их в дальнейшем [3].

Неотъемлемыми структурными составляющими организации внутриклубного пространства ночного клуба являются: бар, чиллаут (место для отдыха), танцпол, диджей-стойка, сцена.

Клубы максимально удовлетворяют коммуникативные потребности молодежи, там можно отдохнуть, потанцевать, познакомиться и пообщаться с новыми людьми [4, с. 210]. Хороший клуб должен отличаться качественной музыкой, эксклюзивностью дизайна помещений, хорошо организованной системой контроля посетителей при входе (фейс-контроль, дресс-код), наличием широкого ассортимента продукции в баре, удобными чиллаутами для отдыха, оригинальными тематическими вечеринками, надежной системой безопасности, адекватным самым современным тенденциям шоу-бизнеса техническим оснащением, позволяющим воплотить любые постановочные замыслы и специальные эффекты. Популярность ночного клуба определяется качеством работы бармена, танцовщиков, MC (ведущего), диджея. Все это создает особую внутриклубную атмосферу – специфическое культурное пространство ночного клуба, в котором общаются и взаимодействуют близкие по своему социальному статусу и интересам люди. Тан-

цы, общение, игры, конкурсы и современная музыка способствуют релаксации, разрядке и заряжают положительными эмоциями.

Исследователи предпринимают многочисленные попытки классифицировать ночные клубы, исходя из содержания их деятельности и статуса посетителей. В частности, выделяют следующие типы клубов:

– попсовые» (примерно 75 % от общего количества), характеризующиеся отсутствием постоянной аудитории, преобладанием легкой музыки в стиле поп или диско;

– «статусные», характеризующиеся высокой стоимостью входных билетов, чрезвычайно строгим фейс-контролем, эффектной шоу-программой, разнообразной, но неопределенной в стилистическом отношении музыкальной направленностью. Специфическая атмосфера клуба достигается дорогим эксклюзивным дизайном интерьера, устойчивостью и однородностью аудитории, обладающей высоким социальным статусом;

– «андеграундные» (примерно 15 % от общего количества), характеризующиеся сложившейся атмосферой, определенной стилистической направленностью музыки, достаточно строгим контролем посетителей, большинство из которых можно отнести к среднему и низшему потребительскому ценовому сегменту.

Ночные клубы интенсивно развиваются, появляются их специфические разновидности: танцевальные клубы, музыкальные клубы, элитные клубы, кофейные клубы, игорные клубы (в специальных досуговых зонах).

Самый распространенный и популярный тип ночных клубов – танцевальные клубы, которые, в свою очередь, подразделяются на диско-клубы (преобладает поп-музыка) и техно-клубы (доминирует исключительно техно-музыка).

Клубные танцы, являясь одним из важнейших элементов клуббинга, представляют собой экспансивный способ самовыражения, свободного движения и физического раскрепощения. Причем мода на парные танцы постепенно утрачивает лидерство на танцполе. На протяжении долгих лет в танцевальной культуре ночных клубов акцент делался на мужественности танца: мужские танцевальные стили характеризуются подчеркнутой агрессией (слэм-данс панков) или конкуренцией (северный соул, диско и брейк).

Динамика танцевального поведения в клубе, как правило, претерпевает несколько этапов.

Первый этап – это предтанцевальная стадия, когда посетители начинают адаптироваться к клубу, собираются на периферии пространства (у баров или по краю танцпола), разглядывают и оценивают пришедших, приглаждаются; второй этап – стадия, когда танцпол постепенно заполняется, особенно заметно это, когда диджей ставит популярную мелодию и танцевать выходит наиболее активная компания; третий этап – своего рода разминка, когда танцующие буквально погружаются в танцевальную атмосферу; четвертый этап характеризуется максимальным количеством участников на танцполе; наконец, пятый этап – время, когда толпа танцующих начинает редеть, остаются самые стойкие, которые протанцуют до утра, пока в клубе не включат яркий свет.

Музыкальные клубы популярны среди утонченных меломанов самого разного возраста. В них звучит «живая» музыка, а также записи в исполнении известных композиторов, бардов, музыкантов-инструменталистов и певцов. Репертуар музыкальных ночных клубов крайне разнообразен, распространены рок-клубы, рэп-клубы, джаз-клубы, поп-клубы, клубы ретро и клубы классической музыки. В каждом из таких музыкальных клубов – особая художественная атмосфера, которой соответствуют дресс-код и поведение посетителей. Клубная музыка с гроыхающим басом и быстрыми бодрящими ударами драм-машины отличается специфичным энергичным танцевальным стилем, постоянно подзаряжающим акустически и стимулирующим агрессивные проявления в поведении посетителя. Как альтернатива сердечному ритму, бас «заводит» и «заряжает» все клубное пространство. Исследователи отмечают, что постепенно ритмы клубной музыки стали быстрее, резко увеличилась эмоциональная насыщенность музыки. По мере ускорения ритмов изменился характер танца: исполнители углубляются в собственные переживания, контакты партнеров становятся все более опосредованными. Коллективное восприятие музыки кардинально усиливает ее воздействие и изменяет сам характер общения людей на танцполе [5].

Элитные клубы – место отдыха людей с высоким достатком и положением в обществе (селебритис), в них крайне жесткие фейс-контроль и требования дресс-кода. Деловые люди используют элитные клубы не только для отдыха, но и для деловых переговоров и подписания контрактов в неофициальной обстановке или в специально предусмотренных для этого клубных VIP-залах.

В элитных клубах высшем уровнем качества отличаются сервис, интерьер, развлечения (шоу, боулинг, бильярд и т. п.) [6, с. 2].

Кофейные клубы – это своего рода работающие круглосуточно кофейни, там не предлагают никаких других напитков, кроме кофе, с самым разнообразным ассортиментом сортов и вкусов. Кофейные клубы адресованы поклонникам этого напитка, их завсегдатаи хорошо знают друг друга, приходят ради общения с кругом сходных по интересам лиц. В клубе «царит» культ кофеманов, искусства приготовления и употребления кофе. Широко распространенной является традиция общения посредством доски объявлений, где посетители оставляют свои отзывы о работе клуба, пишут послания друзьям, сообщают номер своего телефона. Во многих кофейных клубах существуют специальные комнаты для отдыха.

Тем самым клаббинг предполагает разнообразие клубных стилей, в нем представлены: транс и хип-хоп клубы, маскарады и вечеринки фетишистов, гей-клубы и клубы трансвеститов, клубы в азиатском стиле, техно-вечеринки, хаус-клубы, драм-н-бейс арены, вечеринки в стиле соул или фанк, общедоступные тусовки.

Для клабберов наиболее привлекательными и популярными становятся концептуальные ночные клубы, а также популярные тематические клубные вечеринки, обеспечивающие выявление способностей и актуализацию творческого потенциала личности [7].

Вечеринка – это основная форма клаббинга, социальной основой которой являются спокойная, теплая, свободная дружелюбная и вежливая атмосфера, ослабление социальных ограничений, однако, каждый участник должен «играть по правилам», активно взаимодействовать с окружающими, сохраняя при этом определенную эмоциональную и социальную дистанцию.

Для клубной вечеринки также характерен определенный сценарий общения: доминирует спокойный тип коммуникации со старыми и потенциальными новыми друзьями. Клубберы ощущают себя намного увереннее в групповом взаимодействии – непринужденно разговаривают, танцуют с незнакомцами, завязывают новые знакомства на танцполе и в кулуарах.

Наиболее востребованными являются следующие тематические мероприятия: пати (вечеринка, тусовка, обычная дискотека), мегapati (выступление именитых диджеев), тематические вечеринки (День всех влюбленных, Halloween Party (костюмированная вечеринка в ночь с 31 октября на 1 ноября, где основными действующими лицами являются ведьмы и призраки); Military Party (военная костюмированная вечеринка, посвященная праздникам 23 февраля и 9 мая); New Year Party (новогодняя вечеринка); Fashion Party (вечеринка, посвященная моде), White Party (вечеринка в белом), Flower Party (цветочная вечеринка, посвященная флористике), Beach Party (пляжная вечеринка), Гавайская вечеринка (программа для посетителей в одежде пестрых расцветок с бусами из живых цветов), Пижамная вечеринка (программа для посетителей в одежде для сна), а также Пенные вечеринки, Дни мороженого, «Приват пати» (частная вечеринка для ограниченного круга людей по особому приглашению), Опэн эйр (вечеринка на открытом воздухе), KaZантип (ежегодное, летнее место сбора клубберов страны на юге России) и др.). Популярными в клубах становятся так называемые «тихие дискотеки», при входе на которые каждому посетителю выдаются наушники, поддерживающие технологию Bluetooth: транслируемую всем на наушники музыку слышно только в наушниках, она никому не мешает.

Коммуникации клуббера часто перерастают в длительные дружеские отношения, общение в социальной сети, создание виртуальных досуговых общностей.

Клубберу очень важно завоевать репутацию талантливого тусовщика: если организаторы расценивают клуббера как активного, креативного, способного на многое, – его начинают признавать и специально приглашать на вечеринки.

В качестве важнейшего достоинства клуббинга рассматривается возможность оставаться самим собой, поскольку атмосфера клуба – в высшей степени креативная, клуббинг является не только сферой потребления, но и созидания, в нем крайне значимы аспекты самовыражения и реализации творческого потенциала. Однако свобода самовыражения клубберов ограничивается правилами того конкретного клуба, в котором они находятся. Для посетителей клуба характерен некоторый снобизм, подчеркивающий определенную дистанцию и различия между ними, вместе с тем неотъемлемая характеристика клубной культуры – терпимость и повышенная толерантность. В клубах отсутствует насилие, что позволяет клубным тусовщикам освободиться от ограничений, дать волю своим чувствам и полностью раскрыть себя. Ночные клубы действительно недостаточно демократичны и общедоступны, их неотъемлемой частью является фейс-контроль, многие клубы проводят довольно жесткую ценовую политику. Основной задачей фейс-контроля является выявление и отсеивание несовершеннолетних, подозрительных, неподобающе одетых и находящихся в состоянии алкогольного опьянения посетителей. Работник клуба должен проводить процедуру осмотра быстро и аккуратно, особенно в отношении девушек.

По правилам большинства ночных клубов существуют льготы по оплате входа в них в определенных ситуациях или в определенные дни. Например, бесплатным может быть вход по будням только до 23.00, или 25 января исключительно для студентов. Некоторые ночные клубы предоставляют возможность бесплатного входа для девушек (мужчины в присутствии девушек тратят намного больше денег на напитки и закуски). Бесплатный вход в клуб может быть обеспечен наличием флаера, который позволяет разовое или многократное бесплатное посещение ночного клуба или предоставляет существенную скидку в оплате входа [8].

Важным компонентом эстетики клуббинга является одежда посетителей, отделяющая их от повседневного мира, иницирующая и создающая разнообразие, пестроту, зрелищность. Клубберы с удовольствием экспериментируют с разными нарядами,

образами, имиджем и стилем, преодолевая собственные ограничения, комплексы, чувство дискомфорта. Многие наряды самостоятельно изготавливаются участниками тусовки. В клубах с дресс-кодом и в фетиш-клубах имеются специальные раздевалки для посетителей, чтобы те могли сохранить относительную анонимность до прибытия, а затем перевоплотиться в свои клубные образы (среди наиболее эпатажных костюмов – образы танцовщиц, карнавальных королей, резиновых медсестер, клоунов, епископов, ковбоев, разбойников, шаманов, чертей, ангелов, ретро-кинозвезд). От клуббера часто требуется соответствие клубному дресс-коду (своду правил, касающихся одежды посетителей): не соответствующий клубному дресс-коду человек не пройдет фейс-контроль [9].

Смысл клубной жизни связан с интеграцией общения и творчества. В клубах люди испытывают интенсивное чувство эмоционального отрыва, всеобъемлющего счастья. Они становятся более экспрессивными, общаются с повышенным энтузиазмом, обмениваются эмоциями в атмосфере праздника. Подобный эмоциональный отрыв позволяет почувствовать себя уверенно, отбросить условности, слиться с толпой и наслаждаться этим, получая удовольствие. В клубах бессмысленно быть хмурым неудачником, напротив, следует быть счастливым и экспрессивно выражать свое счастье. Особые элементы клуббинга – обмен улыбками и взглядами. Клубный взгляд должен объединять людей, он демонстрирует уверенность в себе, а также непосредственную оценку проводимого мероприятия (адекватно ли одет сам клуббер, нравится ли ему публика и чего следует ожидать).

Клуббингу свойственна атмосфера приключения и авантюризма, позволяющая посетителям выходить за пределы принятых в обществе ограничений повседневности. Клуббинг изменяет язык, создает новые метафоры и выражения, связанные с уходом от обыденности: люди говорят о свободе, освобождении, непринужденности, бесшабашности, безумии, безудержных развлечениях, что выражается в таких сленговых выражениях, как «улететь», «обдолбанный», «торкнутый», характеризующих состояния раскованности и преодоления ограничений.

Критики клуббинга часто позиционируют его как во многом примитивный, телес-

ный отдых, танцевальное взаимодействие, способствующее релаксации, воссозданию психических и физических сил. Нередко слышатся высказывания, что клуббинг – опасен, чрезмерно аморален и беспорядочен, асоциален, поскольку разрушает рамки «допустимого». Ощущение свободы, присущее клубному пространству, позволяет людям делать все, что им вздумается, если это не причиняет вреда остальным [10]. Действительно, в клуббинге есть немало социально-опасных аспектов: с одной стороны, ночные клубы отражают досуговые интересы и потребности молодежи, способствуют ее творческой самореализации, с другой стороны, именно в клубах локализуются негативные тенденции молодежной среды, связанные с утратой духовных ценностей, распространением алкоголизма и наркомании. К сожалению, приходится признать, что клуббинг неразрывно связан с употреблением клубных наркотиков (алкоголь, экстази, марихуана), посредством которых возникает обманчивое ощущение веселья, волны энергии, добавляющей сил, помогающей преодолеть смущение и страх, клуббер чувствует себя уверенным, энергичным, значимым, заметным и спокойным. Музыка воздействует на танец, наркотики влияют на музыку, а танец изменяет восприятие наркотиков и музыки. Среда клубного досуга «расцветивается» спектром потенциальных возможностей, причем цвета становятся особенно насыщенными, вокруг все кажется более пышным, живым и просветленным, речь становится яркой, в мозгу непрерывно генерируются идеи.

Непременным аспектом клуббинга также является сфера секса, которая заполняет и эротизирует среду клуба. Она представляет собой своего рода открытую и веселую игру взрослых людей, неотъемлемую часть клубного веселья. Клубным тусовщикам важно, чтобы окружающие оценили их сексапильность. Именно поэтому многие ночные клубы устанавливают возрастные рамки для посетителей (не менее 21 года) [11].

Тем не менее, проблема преодоления асоциальных и антисоциальных проявлений в клубной среде продолжает быть актуальной не только для правоохранительных органов, но и для структур, связанных с социальной защитой и работой с молодежью.

Таким образом, современная культура клуббинга может быть позиционирована как особая субъектная культура, интегрирующая в досуговые общности любителей клубной музыки и клубного танца. Такая субкультура характеризуется особыми эстетическими и этическими ценностными установками ее носителей, особой манерой поведения и взаимодействия, специфическим сленгом и манерой одеваться, особыми рекреационными потребностями. Специфика этой субъектной культуры диктует необходимость соответствующих подходов со стороны специалистов социально-культурной деятельности, организаторов работы с молодежью.

Список литературы

1. Туев В.В. Феномен клуба: Историко-педагогический анализ: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 547 с.
2. Либерова М.С. Изменение форм досуга молодежи российской провинции: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. М., 2009. 225 с.
3. Абдрехимова А. Петербургские Диджей-бары как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2007. Т. 10. Спецвыпуск. С. 114-121.
4. Иванов В.Н., Сергеев В.К. Клуб – вчера, сегодня и завтра (человек как субъект и объект культуры). М., 2003.
5. Гольденцайг Г.Д. Клуб, которого не было: хроники арт-директора. М.: Захаров, 2009. 238 с.
6. Лешукова П.И. Клубы элит в российском регионе: теоретико-методологический аспект // СОЦИС. 2009. № 9.
7. Хазанова В.Э. Клубная жизнь и архитектура клуба, 1917–1941. М.: Жираф, 2000. 159 с.
8. Адаховская Е.А. Ночные клубы как форма организованного досуга: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2008. 177 с.
9. Джексон Ф. Клубная культура. Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 2005. 324 с.
10. Шугальский С.С. Социальные практики молодежи в сфере развлечений мегаполиса как социокультурная реальность: дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 176 с.
11. Рыбакова Н.В. Досуг молодежи в культурном пространстве города: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2008. 24 с.

References

1. Tuev V.V. *Fenomen kluba: Istoriko-pedagogicheskiy analiz* [Club phenomena: Historical and pedagogical analysis]. Dissertatsiya ... dok-

- tora sotsiologicheskikh nauk. Moscow, 1998. 547 p. (In Russian).
2. Liberoval M.S. *Izmenenie form dosuga molodezhi rossiyskoy provintsii: sotsiologicheskiy analiz* [Changing forms of leisure time for youth people in Russian province: sociological analysis]. Dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk. Moscow, 2009. 225 p. (In Russian).
3. Abdrekhimova A. *Peterburgskie Didzhey-bary kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza* [DJ-bars in Petersburg as object of sociological analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2007, vol. 10, pp. 114-121. (In Russian).
4. Ivanov V.N., Sergeev V.K. *Klub – vchera, segodnya i zavtra (chelovek kak sub"ekt i ob"ekt kul'tury)* [Club – yesterday, today and tomorrow (human as a subject and object of culture)]. Moscow, 2003. (In Russian).
5. Gol'dentsvayg G.D. *Klub, kotorogo ne bylo: khroniki art-direktora* [Club, that didn't exist: art-director chronicles]. Moscow, Zakharov Publ., 2009. 238 p. (In Russian).
6. Leshukova P.I. *Kluby elit v rossiyskom regione: teoretiko-metodologicheskiy aspekt* [Elite clubs in Russian regions: theoretical-methodological aspect]. *SOTSIS – Sociological Studies*, 2009, no. 9. (In Russian).
7. Khazanova V.E. *Klubnaya zhizn' i arkhitektura kluba, 1917–1941* [Club life and architecture, 1917–1941]. Moscow, Zhiraf Publ., 2000. 159 p. (In Russian).
8. Adakhovskaya E.A. *Nochnye kluby kak forma organizovannogo dosuga: sotsiologicheskiy analiz* [Night clubs as form of organised leisure time: sociological analysis]. Dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk. Ekaterinburg, 2008. 177 p. (In Russian).
9. Dzheksion F. *Klubnaya kul'tura* [Club culture]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. 324 p. (In Russian).
10. Shugal'skiy S.S. *Sotsial'nye praktiki molodezhi v sfere razvlecheniy megapolisa kak sotsiokul'turnaya real'nost'* [Social practice of youth people in the sphere of metropolis entertainment as social cultural reality]. Dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk. Moscow, 2013. 176 p. (In Russian).
11. Rybakova N.V. *Dosug molodezhi v kul'turnom prostranstve goroda* [Leisure time for youth people in cultural space of city]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filosofskikh nauk. Saratov, 2008. 24 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 26.06.2016 г.
Received 26 June 2016

UDC 379.828/793

THE ESSENCE AND SPECIFICS OF THE CLUBBING PHENOMENON IN THE MODERN LEISURE CULTURE

Marina Igorevna DOLZHENKOVA

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Cultural Studies and Social-Cultural Projects Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: dolgenkovam@mail.ru

The relevance is caused by the requirement of generalization and justification of experience and the perspective directions of the “clubbing” phenomenon, and modern night clubs functioning. Social, pedagogical and culturological aspects of the socio-cultural processes, which are connected with club culture are discovered. The essence of a clubbing is considered as a special type of subjective culture. Definitions of the concepts “clubbing” and “clubbers” are presented, the structural and substantial components of a clubbing are given and specific features of club life, club music and club dancing cultures are identified. The typology of modern clubs and also holding the club parties is given. “Pop”, “status” and “underground” clubs are characterized and allocated. The features of dancing, musical, elite, coffee and conceptual night clubs, social and psychological features of the club “atmosphere” and communicative processes in the club environment are revealed. Some features of the club etiquette and the club rules, related with the face control, the dress code and behaviour rules are presented. The most demanded parties of night clubs are characterized: party, theme party Military Party, New Year Party; Fashion Party, White Party, Flower Party, Beach Party, Hawaiian party, Pajama party, “Private Party”, Open Air Party and others.

Key words: club culture; subject culture; night club; clubbing; clubbers; structure and actions of night club; club music; club dances

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-82-88

Информация для цитирования:

Долженкова М.И. Сущность и специфика феномена клуббинга в современной досуговой культуре // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 82-88. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-82-88.

Dolzhenkova M.I. Sushchnost' i spetsifika fenomena klubbinga v sovremennoy dosugovoy kul'ture [The essence and specifics of the phenomenon of clubbing in the modern leisure culture]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 82-88. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-82-88. (In Russian).

УДК 378.4

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ
СТУДЕНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ
(на материале опроса студентов-иностранцев
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина)**

© **Татьяна Геннадиевна БОРТНИКОВА**

доктор культурологии, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Рассмотрены проблемы культурной адаптации иностранных студентов. Подчеркнуто увеличение доли иностранных студентов в российских вузах и тенденция роста их количества в следующие годы, что определяет исследования проблем адаптации студентов-иностранцев как приоритетные. Проведен краткий обзор новых исследований, связанных с различными проблемами адаптации студентов-иностранцев в российских вузах и сделан вывод, что одной из основных проблем является именно культурная адаптация. Особое внимание отводится описанию проведенного опроса студентов-иностранцев Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. На основе ответов реципиентов сделан вывод, что, несмотря на то, что значительная часть иностранных студентов открыта для новой культуры и для общения, а также квалифицирует отношение преподавателей, русских студентов и жителей города в целом как доброжелательное, опыт вхождения в новое лингвокультурное сообщество явился для нее достаточно сложным. Опрошенные студенты относятся положительно к культурному многообразию и признают, что освоение основ межкультурной коммуникации в теории и на практике необходимо, но их знание этого жизненного аспекта ограничено. Было определено присутствие определенного «замыкания» в своих этнокультурных группах. Реципиенты указали на положительное влияние досугового общения, которое, на их взгляд, является хорошим фундаментом для преодоления барьеров культурной адаптации к принимающей культуре.

Ключевые слова: академическая мобильность; культурная адаптация; проблемы адаптации иностранных студентов; культурный шок; барьеры коммуникации; опрос; культурное многообразие; ценности; культурные нормы; коммуникативные навыки

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-89-94

Возросший интерес к проблеме академической мобильности студентов пробуждает исследовательский интерес в отношении изучения особенностей их адаптации к новым условиям проживания и обучения. Количество иностранных граждан, приезжающих в нашу страну для получения высшего образования, возрастает с каждым годом. При этом речь идет не столько о студентах, приехавших из стран СНГ и Балтии, сколько об увеличении доли студентов из дальнего зарубежья. Именно этот показатель эффективной деятельности вузов на национальном уровне оказывает значительное влияние на рейтинг конкретного вуза. Численность студентов, прибывающих для обучения из-за рубежа, растет с каждым годом: с 153,8 тыс. человек в 2010/2011 учебном году до 221,4 тыс. человек в 2014/2015 учебном году [1, с. 214]. И, согласно прогнозам специалистов, рост этот будет продолжаться [2]. Однако продвижение России как конкурентоспособного

поставщика образовательных услуг фокусирует внимание на их качестве. Одновременно немаловажную роль играет и комфортная социально-культурная адаптация студентов-иностранцев к новым условиям, в которых они находятся во время учебы.

В этой связи решение проблем, которые возникают у студентов-иностранцев в процессе адаптации к новой социокультурной среде, важно для вуза как неотъемлемая составляющая усовершенствования условий обучения и проживания и оказывает, несомненно, огромное влияние на интерес потенциальных потребителей образовательных услуг российских вузов на мировом рынке.

Известно, что проблемы адаптации рассматривает целый ряд гуманитарных и естественных наук, вероятно, поэтому общепринятого определения этого понятия не существует. Однако все эти направления, изучающие адаптационные процессы, сходятся в

одном – речь идет об устойчивости человека в новых непривычных для него условиях.

Исследований, посвященных данной проблеме, появилось за последнее время немало. Чаще всего акцентируется опытная сторона определения адаптации через ее составляющие факторы.

Так, И.О. Кривцова выделяет психофизиологические (перестройка личности), учебно-познавательные (языковая подготовка), социокультурные факторы [3]. Для Т.Р. Рахинова важными представляются:

- традиционный (особенности принимающего сообщества);
- климатический;
- личностно-психологический;
- учебно-педагогический (особенности организации системы обучения);
- социально-бытовой;
- коммуникативный;
- культурный (жизнь в интернациональном обществе, толерантность и др.) [4].

С.И. Моднов и Л.В. Ухова считают, что для успешной адаптации главными являются факторы: социокультурный, социокоммуникативный и социобытовой [5].

Другая категория авторов сосредоточивает свое внимание на замерах адаптационного результата. Они попытались разработать методiku определения успешности процесса адаптации студентов на основе ряда индикаторов [6], была проанализирована степень адаптированности студентов [7]. Д.С. Дрожжина, считая, что исследование адаптации как процесса важнее, чем изучение некоего результата на определенный момент времени, рассмотрела качественный подход к изучению адаптации на примере сопоставления данных кейса и интервью с иностранными студентами для разработки методологии изучения проблемы адаптации иностранных студентов [8].

Несмотря на разные способы решения проблем адаптации студентов-иностранцев в российских вузах, важным, на наш взгляд, представляется тот факт, что все авторы включают в перечень важнейших факторов влияния *социокультурный*.

Как известно, воздействие новой культуры на человека называют культурным шоком. Этот термин был введен еще в 1954 г. К. Обергом и подтвержден многими другими исследованиями и используется чаще, чем

такие понятия, как «шок перехода» и «культурная утомляемость». К. Оберг выделил шесть аспектов культурного шока:

1) напряжение (которое является результатом усилий для достижения культурной адаптации);

2) чувство потери (которое коренится в отсутствии привычного окружения, семьи, друзей и т. п.);

3) чувство отверженности (при этом не столь важно, отвергается ли сам человек новой культурой или отвергает ее сам);

4) сбой в привычных ролевых ожиданиях, ценностях и самоидентификации;

5) тревожность (или другие негативные ощущения в результате осмысления культурных различий);

6) ощущение отсутствия гармонии (неспособности «слияния» с новой культурной средой) [9].

Сегодня исследователи пришли к выводу, что стресс от встречи с новой культурой люди испытывают только в тех случаях, когда вхождение в «новую» жизнь является неподготовленной, а впечатления неожиданными. При предварительной подготовке потрясение бывает менее выраженным, и человек быстро адаптируется к новым условиям.

Суть этого явления заключается в конфликте «своих» и «чужих» культурных ценностей и норм. Иными словами, культурный шок проявляется в состоянии растерянности от потери привычных ценностных ориентиров и неспособностью поступать так, как принято в новой культурной среде.

В зависимости от времени нахождения в новом культурном окружении, чувства человека меняют свою эмоциональную окраску. И на первом этапе, эйфории (от 2 до 4 недель) человек счастлив и полон надежд. Затем появляются апатия, депрессии, чувство разочарования. Все это связано с чувством потери из-за отсутствия семьи и друзей, своего привычного окружения и одиночества (отверженности) в рамках нового окружения. Этот этап может длиться 12–14 месяцев. И только потом он вступает в фазу привыкания. Он занимает от полугода до нескольких лет. Конечно, продолжительность этих периодов условна и зависит от многих факторов, в частности, от индивидуальных особенностей человека. Но учитывая достаточно ограниченное время обучения в вузе, являет-

ся, несомненно, важным, а смягчение его воздействия и сокращения длительности – заслуживающими внимания.

Вот почему одним из важнейших моментов в связи с заявленной тематикой является, на наш взгляд, задача установления гармоничных отношений между личностью и социокультурной средой при вхождении ее (личности) в новую (принимающую) культуру. В предпринятом нами исследовании мы посчитали, что необходимо определить реальное положение студентов-иностранцев в социально-культурной студенческой среде вуза.

Важно также понимать, что культурная адаптация как процесс освоения культурных ценностей и особенностей жизненного уклада для комфортного пребывания в чужой культуре соединяется с вхождением в (возможно разительно отличающийся от привычного) образовательный процесс и социальную жизнь студента. В рамках нашего исследования мы определили основное направление – культурная адаптация иностранных студентов в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина¹.

Цель исследования состояла в изучении восприятия и освоения нового лингвокультурного окружения иностранными студентами. Задачами исследования являлись соотношение трудностей при адаптации к инокультурной среде с точки зрения самих студентов и выявление личностных и групповых факторов, повлиявших на преодоление стандартных и специфических трудностей адаптации к новым культурным условиям.

Методами исследования являлись наблюдение, беседы и анкетирование. В эксперименте принимали участие студенты Медицинского института из Индии и ряда стран Африки (Ливана, Египта, Нигерии, Анголы, Намибии, Танзании, Марокко, Замбии, Туниса и Ботсваны), а также Турции и Ирака. Африканские студенты условно делятся на франко- и англоговорящих, и следует отметить, что по их поведенческие и культурные отличия значительны. Представители стран Северной Африки часто владеют и английским языком, поэтому они также приняли участие в опросе. В эксперименте участвова-

ли студенты 2, 3 курсов (всего 190 человек). Учитывая выводы исследователей о том, что опрос на русском языке не всегда ведет к правильному пониманию реципиентами логики анкетирования, оно проводилось на английском языке, который является языком обучения всех опрошенных. Интересен тот факт, что выбор вуза определялся благодаря как данным официальных источников, так и отзывам знакомых и малознакомых студентов через социальные сети.

В целом студенты высказывались положительно о своей учебе и жизни в городе. Они оценили отношение жителей города как дружелюбное (69 %), негативное (8 %), остальные рассматривают его как индифферентное. Главной проблемой своей адаптации в России студенты считают слабое знание русского языка (89,8 %), связанное с его сложностью (73,5 %) и ограниченностью срока его освоения (16,3 %). Это, на взгляд студентов, мешает им в достаточной мере подружиться с русскими студентами и ограничивает круг общения с представителями своей лингвокультурной группы (92 %), хотя 79 % показали желание более интенсивного общения с российскими однокурсниками.

65,4 % опрошенных студентов хотели бы больше узнать о культуре России, при этом 63 % не знают ни о многонациональном составе государства, ни о проживании на территории Тамбовщины представителей разных этнических групп. В то же время 99,2 % отметили, что коммуникативное поведение жителей города значительно отличается от привычных для них форм (67,2 %). Среди этих отличий 89 % индийцев и 72 % представителей Азии и Африки обратили внимание на пищевые привычки и организацию жилого пространства – 69,8 % всех опрошенных. Более 70 % отметили новые для них формы проведения праздников. Все это, по словам реципиентов, интересно и не вызывает у них особого дискомфорта.

Следует также отметить, что студенты высказали интерес к культуре народов России (около 72 %), справедливо считая, что разнообразие культур – это естественное явление (31 %), а 69,2 % приветствуют культурное разнообразие во всех проявлениях. Весьма примечательным явилось и то, что около 43 % студентов отметили, что они замечают разницу в общении, языке и пове-

¹ Автор выражает благодарность студентам Института экономики, управления и сервиса за помощь, оказанную в проведении опроса иностранных студентов.

денческих стереотипах представителей других (не русских) этнических групп, населяющих Тамбов.

Около 12 % опрошенных (при этом более половины от общего числа принадлежат к таким мировым конфессиям, как христиане и мусульмане) хотя бы несколько раз посещали храмы в России, а 21 % делают это нечасто, но регулярно.

Тем не менее, было установлено, что возможность замыкания внутри этнокультурных групп существует. Более 88,5 % студентов отметили, что общение большей частью фокусируется в рамках «своей» культурной группы, хотя в процессе обучения барьер общения с русскими студентами разрушается (93 % опрошенных), несмотря на большие лингвистические проблемы (слабое знание русского языка, связанное с его сложностью, указали 83 % опрошенных). На вопросы о том, испытывали ли они культурный шок в первые месяцы своего пребывания в России, 32,4 % студентов-иностранцев ответили «да» и признали, что этот период был для них трудным. 18,6 % сообщили, что были готовы к культурному шоку и поэтому преодолеть стресс было относительно легко. 12 % реципиентов не испытывали никаких проблем и смогли легко привыкнуть к новой культуре. Остальные выбрали ответ «Было непросто, но культурный шок я преодолел/а самостоятельно». Таким образом, о предварительной готовности большинства вновь прибывших студентов к межкультурной коммуникации говорить не приходится. На вопросы о преодолении культурных барьеров в ходе общения респонденты выбирали ответы, которые свидетельствовали в основном об их желании уходить от конфликтных ситуаций (что само по себе положительно), а не необходимости анализировать и интерпретировать свои или чужие высказывания и поведенческие стереотипы для избегания подобных проблем в будущем. В то же время респонденты отметили важность изучения основ межкультурной коммуникации в теории (45 %), в рамках практической деятельности: гранты, студенческая мобильность, путешествия и т. п. (44 %). Среди мероприятий вуза, которые способствуют вхождению в принимающую культуру, 61,1 % опрошенных студентов указало на участие в социально-культурной деятельности: потому что это инте-

ресно (42 %), потому что это способствует развитию коммуникативных навыков (11 %), сближает их с русскими однокурсниками (29 %), потому что досуг должен быть насыщенным разными событиями (5 %), остальные затруднились с выбором ответа.

Стремление университета вовлекать студентов-иностранцев в социально-культурную жизнь вуза положительно оценивают 92 % студентов, так как почти все опрошенные указали на то, что предпочитают общаться с однокурсниками не только по вопросам учебы, но и в рамках всей студенческой жизни, включая отдых, научную деятельность («круглые столы», конференции) и быденное общение.

Особое место студенты-иностранцы уделили таким студенческим клубам, действующим в Медицинском институте, как спортивный клуб “IRon doctoR”, центр моды и студенческий кружок по топографической анатомии и оперативной хирургии. Студенты высказали сожаление, что языковые трудности мешают им более масштабно участвовать в КВН и посвящении в студенты, однако они с удовольствием посещают эти мероприятия. Более половины опрошенных (67 %) отметили период новогодних праздников как насыщенный событиями и общением период. Речь идет о неделе спортивных соревнований: по волейболу, настольному теннису, бадминтону и крикету. Все опрошенные студенты отметили, что эти соревнования внесли в их жизнь разнообразие и расширение круга общения (54 % реципиентов). А победа индийских студентов в соревнованиях по крикету и волейболу принесла популярность в кругу однокурсников всей диаспоре. 57 % реципиентов положительно оценили дни национальной культуры (которые организуют студенты разных стран с помощью кураторов). Из них 31 % студентов подчеркнул важность дней культуры как образовательный проект (знакомство с историей разных государств, спецификой религиозных воззрений), остальные определили его как рекреационный (их привлекло своеобразие национальных обычаев при проведении праздников).

В результате проведенного исследования можно констатировать, что совокупность культурных, религиозных и социальных факторов значительно влияет на адаптационные

характеристики студентов. В то же время адаптационный успех зависит не только от возможностей самого студента и его уровня мотивации. Культурная адаптация студентов – это сложный, многоуровневый и многосторонний процесс перехода к соответствиям к новой культурной среде и принятым в ней поведенческим ролям.

Вот почему именно участие в социально-культурной жизни университета может служить основополагающим фактором, включающим совокупность педагогических воздействий наряду с практической культурной и коммуникативной составляющей в рамках организации досуговых мероприятий, вне зависимости от того, что каждый из аспектов социально-культурной деятельности имеет свои специфические цели и задачи. Именно участие иностранных студентов в социально-культурной деятельности вуза способствует освоению новых культурных условий, плавному вхождению в принимающую культуру, снимает тревожность и приносит чувство комфорта, что, в конечном счете, обеспечит эффективность образовательного процесса в целом.

Список литературы

1. Российский статистический ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 727 с.
2. Шереги Ф.Э., Арефев А.Л. Численность учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации: Среднесрочный прогноз до 2014 г. и оценка тенденций до 2025 г. М.: ЦСПиМ, 2010. 320 с.
3. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // *Фундаментальные исследования*. 2011. Вып. 8 (1). С. 284-288.
4. Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // *Дефиниции культуры: сб. тр. участников Всерос. семинара молод. учен. Томск, 2011*.
5. Моднов С.И., Ухова Л.В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Вып. 2 (1). С. 111-115.
6. Вадутова Ф.А., Кабанова Л.И., Шкатова Г.И. Оценка и прогнозирование адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010. № 12. С. 123-126.
7. Шевелев Г.Е., Кабанова Л.И., Михальченко Е.В. Информационная система для оценки адаптации иностранных студентов // *Вестник науки Сибири*. 2012. № 1 (2). С. 134-138.
8. Дрожжина Д.С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // *Universitas. Журнал о жизни университетов*. 2013. Т. 1. № 3. С. 33-47.
9. Оберг К. Культурный шок: адаптация к новой культурной среде // *Практическая Антропология*. 1960. № 7. С. 177-182.

Reference

1. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook: statistical digest]. Moscow, Federal State Statistics Service Publ., 2015. 727 p. (In Russian).
2. Sheregi F.E., Arefev A.L. *Chislennost' uchashcheyasya molodezhi obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Rossiyskoy Federatsii: Srednesrochnyy prognoz do 2014 goda i otsenka tendentsiy do 2025 g.* [The number of students of Russian Federation educational institutions: Medium-term forecast up to 2014 and the assessment of the tendencies up to 2025]. Moscow, TsSP&M, 2010. 320 p. (In Russian).
3. Krivtsova I.O. *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov k obrazovatel'noy srede rossiyskogo vuza (na primere Voronezhskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii im. N.N. Burdenko)* [The socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of the Russian high school (on the example of N.N. Burdenko Voronezh State Medical Academy)]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*, 2011, no. 8 (1), pp. 284-288. (In Russian).
4. Rakhimov T.R. *Osobennosti organizatsii obucheniya inostrannykh studentov v rossiyskom vuze i napravlenie ego razvitiya* [Specifics of the foreign students studying organization in Russian universities and the direction of its development]. *Sbornik trudov uchastnikov Vserossiyskogo seminar molodykh uchenykh «Definit-sii kul'tury»* [Participants papers collection of the All-Russian young scientists seminar “The definitions of culture”]. Tomsk, 2011. (In Russian).
5. Modnov S.I., Ukhova L.V. *Problemy adaptatsii inostrannykh studentov, obuchayushchikhsya v tekhnicheskoy universitete* [Adaptation problems of foreign students studying at the Technical University]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Vestnik*, 2013, no. 2 (1), pp. 111-115. (In Russian).

6. Vadutova F.A., Kabanova L.I., Shkatova G.I. Otsenka i prognozirovaniye adaptatsii inostrannykh studentov k usloviyam obucheniya v rossiyskikh vuzakh [Forecast and assessment of foreign students adaptation to the Russian universities conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2010, no. 12, pp. 123-126. (In Russian).
 7. Shevelev G.E., Kabanova L.I., Mikhail'chenko E.V. Informatsionnaya sistema dlya otsenki adaptatsii inostrannykh studentov [Information system for the assessment of foreign students adaptation]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*, 2012, no. 1 (2), pp. 134-138. (In Russian).
 8. Drozhzhina D.S. Izuchenie adaptatsii inostrannykh studentov: diskussiya o metodologii [The adaptation of foreign students study: a discussion about methodology]. *Universitas. Zhurnal o zhizni universitetov – Universitas. Journal about Universities' life*, 2013, vol. 1, no. 3, pp. 33-47. (In Russian).
 9. Oberg K. Kul'turnyy shok: adaptatsiya k novoy kul'turnoy srede [Cultural Shock: adjustment to new cultural environments]. *Prakticheskaya Antropologiya – Practical Anthropology*, 1960, no. 7, pp. 177-182. (In Russian).
- Поступила в редакцию 05.07.2016 г.
Received 5 July 2016

UDC 378.4

THE PROBLEMS OF FOREIGN STUDENTS' CULTURAL ADAPTATION IN POLY CULTURAL SPHERE OF RUSSIAN INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION (BASING ON THE MATERIAL OF TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN FOREIGN STUDENTS' INTERROGATION)

Tatyana Gennadievna BORTNIKOVA

Doctor of Culturology, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tatyana_bort@mail.ru

The problems of foreign students' cultural adaptation are considered. The increase of foreign students' amount in Russian institutes of higher education and the tendency of their amount's growth in the following years are emphasized. This fact defines the research of foreign student's adaptation problems as priority. The short review of new researches is presented. It is connected with different problems of foreign students' adaptation in Russian institutes of higher education and it is concluded that one of basic problems is cultural adaptation. The attention is paid to description of the research carried out with the help of foreign students of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. Basing on the recipients' answers it is concluded that despite the fact that the most part of the students is open for new culture and communication and they also qualify the relation of lecturers, Russian students and citizens as friendly, the experience of inclusion in new linguistic and cultural community is rather difficult for them. The interrogated students have positive relation to cultural diversity and recognize that mastering the basics of intercultural communication in theory and in practice is necessary but their knowledge is rather limited. The presence of such "closure" in their ethnic and cultural groups is defined. The recipients pointed at positive influence of leisure communication which is a good basis for overcoming the barriers of cultural adaptation to admitting culture.

Key words: academic mobility; cultural adaptation; problems of foreign students' adaptation; culture shock; communication barriers; survey; cultural diversity; values; cultural norms; communication skills

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-89-94

Информация для цитирования:

Бортникова Т.Г. Проблемы культурной адаптации иностранных студентов в поликультурной среде Российских вузов (на материале опроса студентов-иностранцев Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 89-94. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-89-94.

Bortnikova T.G. Problemy kul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v polikul'turnoy srede Rossiyskikh vuzov (na materiale oprosa studentov-inostrantsev Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.R. Derzhavina) [The problems of foreign students' cultural adaptation in polycultural sphere of Russian institutes of higher education (basing on the material of Tambov State University named after G.R. Derzhavin foreign students' interrogation)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 89-94. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-89-94. (In Russian).

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ФОРМИРУЕМЫХ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МАТЕРИАЛОВ КОНВЕРГЕНТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

© **Светлана Владимировна ГУСЬКОВА**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы, журналистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: guskova_s_v@mail.ru

© **Вера Николаевна ЛЕВИНА**

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы, журналистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: levina_vn@mail.ru

Методики исследования материалов современных средств массовой информации (СМИ) различны в зависимости от целей и задач, которые поставлены перед каждым конкретным исследованием. Однако сложившаяся на постсоветском пространстве систему методов изучения массмедиа нельзя считать совершенной, поскольку недостаточно разработана методология исследования так называемых «новых» СМИ, а также конвергентных медиа. В частности, существующие методы нередко оставляют на периферии научной мысли обращение к конкретной тематике и проблематике средств массовой информации. Предлагаемый метод позволяет изучить культурные ценности и поведенческие приоритеты аудитории потребителей контента массмедиа в отношении конкретной ситуации или проблемы. Достоинством предлагаемой методики является возможность проведения исследования в максимально короткие сроки. Кроме того данная методика наиболее актуальна для исследования материалов конвергентных массмедиа, а также «новых» СМИ, получивших наибольшее распространение в начале XXI века в эпоху всеобщей информатизации и интернетизации. Применение методики продемонстрировано на конкретном примере. Аудиторию изучаемого СМИ составила студенческая молодежь. Метод может быть использован для анализа различных по своим характеристикам медиаматериалов, в том числе при исследовании сообщений в «новых» и конвергентных массмедиа.

Ключевые слова: конвергенция средств массовой информации; методы исследования материалов массмедиа

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-95-102

Массмедиа по-прежнему вовлечены в процесс создания образцов культурных ценностей, они осуществляют межличностное и межсоциальное взаимодействие, реализуют задачи социального общения – социализации и самореализации личности. На рубеже XX–XXI веков наметился качественный переход от традиционных каналов получения информации к новым. Причем в этот процесс в значительной степени вовлечена молодежная аудитория (17–22 лет), которая более мобильна, поэтому привыкла к быстрому получению новой информации. Этому во многом способствует повсеместная интернетизация. Речь идет, прежде всего, о конвергенции

средств массовой информации (СМИ), в общем виде представляющей собой способность массмедиа подавать информацию как в традиционной форме (только через печатные СМИ или только посредством телеэкрана), так и с помощью дополнительных и широких возможностей.

В этих условиях значимость приобретает исследование того, как СМИ влияют на сознание аудитории, в частности, молодежной, формирование у нее системы культурных ценностей и поведенческих установок.

Научное познание всегда сопряжено с применением конкретных методов исследования. Теоретикам журналистики известно большое число методов изучения материалов массмедиа. При исследовании журналистских материалов отечественными и зарубеж-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для молодых российских ученых – докторов наук (проект МД-3375.2015.6).

ными учеными находят применение общепсихологические (дедукция и индукция, системный подход, синергетический подход и т. п.), общенаучные (наблюдение, социальный эксперимент, сравнительный метод, метод тестирования, социометрия и т. п.) и частнонаучные методы, характерные для конкретной области знания. В журналистике такими методами выступают, к примеру, метод наблюдения, эксперимент. Применение методов последней группы позволяет получить принципиально новые научные сведения [1, с. 103-104]. Тем не менее, система научных методов динамична и со временем дополняется новыми методами, способствующими получению новых научных сведений [2]. Эти методы позволяют решать более частные задачи, стоящие, в частности, как перед теоретиками, так и перед практиками журналистики.

В данном исследовании предлагается методика исследования материалов конвергентных средств массовой информации, способствующих формированию культурных ценностей и поведенческих ориентиров молодежной аудитории.

Предлагаемый в работе метод исследования может использоваться при анализе журналистских материалов, представленных в конвергентных средствах массовой информации. Акцент на подобных массмедиа сделан не случайно, поскольку именно они выдвигаются на первый план в условиях глобальной интернетизации общества.

Поясним понятие «конвергенция». На сегодняшний день существует множество определений понятия «конвергенция», и очень сложно определить, кто первым употребил этот термин. Этим, отчасти модным, словом сегодня часто обозначают самые различные объединения или слияния в самых различных сферах.

Слово «конвергенция» происходит от латинского *converge*, что означает сходить в одну точку, сближаться. В общих чертах представляет собой процесс сближения, подразумевающий появление у сходящихся сторон сходных признаков. Противоположный процесс – дивергенция [3].

Автор статьи «Конвергенция СМИ глазами российских журналистов-практиков» Е.А. Баранова провела опрос на предмет выявления того, как журналисты российских массмедиа определяют понятие «конверген-

ция» [4]. Редактор интернет-проекта www.sovsport.ru А. Глебов определяет конвергенцию так: «это взаимодействие различных СМИ, входящих в один холдинг, по совместному созданию контента и его распространению на разных медиаплатформах. Идея конвергенции может быть воплощена только в той медиакомпании, которая объединяет различные СМИ, как, например, агентство «РИА Новости». В рамках нашего холдинга тоже присутствуют различные СМИ: газеты «Комсомольская правда» и «Советский спорт» с интернет-версиями, а также радио «КП», и между ними есть взаимодействие». Руководитель службы выпуска интернет-версии газеты «Труд» Ю. Гаркунов считает, что «конвергенция предполагает объединение усилий одной редакции для работы над разными проектами, объединение различных отделов для выработки какого-то продукта».

Таким образом, в рамках данного исследования под **конвергенцией** будем понимать процесс взаимовлияния и взаимодействия различных видов СМИ (печатных и электронных) при распространении контента его создателями в рамках одного холдинга (медиагруппы и т. п.).

Показательны результаты ряда исследований, в которых констатируется степень востребованности конвергентных массмедиа у аудитории, в том числе молодежной. Так, «Фокус-групповое исследование аудитории потребителей медиа-контента, представленной студентами специальности «Журналистика» (проводилось в сентябре 2012 г.), позволяет констатировать, что СМИ, представленное на интернет-портале, вызывает у них больший интерес, чем его печатная версия. Некоторые отметили, что принимали участие в голосованиях за конкурсантов журнала, участвовали в блог-обсуждениях проблем. На вопрос о степени доступности издания все участники исследования однозначно заявили, что обращаются исключительно к интернет-порталу издания, так как журнал представляется дорогостоящим для данной аудитории; количество экземпляров издания, поступающих в регион, невелико. К печатной версии обращаются исключительно для интереса: сравнить, как выглядит/выглядел печатный «собрат» журнала» [5, с. 251].

Отметим, что недостатком существующих методов описания культурных ценностей современной молодежи является отсутствие комплексного исследования данной категории (культурные ценности) с применением различных, не сугубо частнонаучных методов. В частности, богатый материал по исследуемому вопросу способен дать применение социологических методов исследования, что предполагает получение объективных данных. Адаптации существующих методов описания системы культурных ценностей молодежи к области исследования медиатекстов не обнаруживается.

Задачей предлагаемого исследования является всестороннее изучение влияния медиаматериалов конвергентных средств массовой информации на молодежную аудиторию. Применности предлагаемой методики в дальнейшем может способствовать доступность ее использования при исследовании медиаматериалов современных СМИ различных типов.

Применение ноу-хау позволит получить качественно новые научные сведения в ходе исследования медиаматериалов конвергентных средств массовой информации. Кроме того, возможность взаимодействия модератора (проводящего исследование) с испытуемой аудиторией дистанционно позволяет снизить временные затраты обеих сторон, а также каждой из них выбрать удобное для себя время для участия в исследовании (аудитория) и обработки данных (модератор).

Достоинство предлагаемой модели исследования состоит и в том, что знакомство испытуемой аудитории с медиаматериалами, а также последующая работа с аудиторией могут проходить дистанционно (за исключением случая, когда применяется метод фокус-группового исследования). В этом случае задания для аудитории могут высылаться по электронной почте, размещаться в социальных сетях.

Исследование с использованием предлагаемого метода проходит поэтапно. Этапы исследования с использованием подобного метода следующие.

1 этап. Определение материала для исследования (выбор конкретного СМИ для анализа).

2 этап. Первичное знакомство с единицей медиапродукта (газетным/журнальным

выпуском, теле-, радиоэфиром, контентом интернет-СМИ).

3 этап. Описание общих характеристик СМИ (руководитель, дата и форма учредительства, частота выхода в свет/эфир). Определение типологических характеристик СМИ (аудиторная направленность, географический охват аудитории, тематика, проблематика).

4 этап. Выбор медиаматериалов для анализа методом сплошной выборки (объективные данные способен дать анализ не менее десяти медиаматериалов конкретного СМИ). Главное условие: с точки зрения модератора, материалы должны способствовать формированию культурных ценностей аудитории. Интересные данные способны дать исследование, в ходе которого аудитории предлагаются: 1) материалы различных по форме представления информации СМИ (печатное СМИ, интернет-СМИ, телевидение, радио), объединенных одной темой или проблемой; 2) материалы одного журналиста, представленные в различных СМИ (печатное СМИ, интернет-СМИ, телевидение, радио).

5 этап. Знакомство модератора с медиаматериалами.

6 этап. Знакомство испытуемой аудитории с медиаматериалами. Заранее определяются характеристики испытуемой аудитории (представители студенчества, специальность/направление подготовки, возраст). При исследовании может проводиться как поэтапное знакомство с каждым из отобранных медиаматериалов, так и знакомство со всеми материалами в совокупности. При обработке полученных результатов ценные данные способны дать поэтапное знакомство со всеми медиаматериалами одной аудитории, так и предложение различных медиаматериалов различным по своим характеристикам аудиториям (например, представителям различных специальностей/направлений подготовки, различного возраста, студентам очного или заочного отделения).

7 этап. Уточнение чувств, эмоций, поведенческих установок испытуемой аудитории после знакомства с медиаматериалами. Ценные данные способны дать применение различных методов работы с аудиторией и сопоставление полученных результатов (фокус-групповое исследование, интервьюирование, опрос, анкетирование с открытыми или закрытыми вопросами). Вопросы долж-

ны быть сформулированы таким образом, чтобы у модератора была возможность уточнить формируемые у аудитории под воздействием медиаматериала культурные ценности и поведенческие установки.

Полученные результаты сопоставляются и анализируются, что позволит описать культурные ценности и поведенческие приоритеты студенческой молодежи, формируемые под воздействием конвергентных средств массовой информации.

Описание проходит поэтапно и имеет две ключевые цели: 1) описание культурных ценностей; 2) описание поведенческих приоритетов студенческой молодежи.

1 этап. Описание типа/типов анализируемого/анализируемых СМИ, с которым/которыми познакомилась испытуемая аудитория.

2 этап. Описание условий проведения исследования (очное присутствие модератора или рассылка материала для исследования по электронной почте, представление его в социальных сетях, задействованные методы проведения исследования).

3 этап. Описание характеристик испытуемой аудитории, ее социального портрета.

4 этап. Приведение содержания опросника, предложенного испытуемой аудитории.

5 этап. Констатация ответов аудитории (по возможности суммированных) на конкретные вопросы, направленные на выявление системы культурных ценностей и поведенческих установок, формируемых под воздействием сообщений конвергентных массмедиа.

6 этап. Конкретизация культурных ценностей и поведенческих установок испытуемой аудитории, сформированных под воздействием сообщений конвергентных массмедиа.

7 этап. Прогнозирование ситуации (дальнейшего формирования культурных ценностей и поведенческих установок аудитории) в ситуации дальнейшего систематического потребления контента конвергентных массмедиа испытуемой аудиторией.

Для примера проведения исследования с использованием предлагаемого метода взят материал «Ах, в Интернете как-то раз случайно встретила я Вас» [6].

Материал представлен в конвергентном по способу презентации информации СМИ – «Комсомольской правде» (издание имеет печатную и сетевую версии; основной тексто-

вый материал в электронной версии издания дополняется фотографиями и видео).

Рекомендуемый метод проведения исследования – фокус-группа (социологический метод). Рекомендуемое число участников исследования – не менее 10–12. Модератор четко фиксирует ответы аудитории. Каждый представитель аудитории отвечает на поставленные вопросы по своему желанию (есть что сказать – говорю, нет – молчу). Однако на отдельные, наиболее ценные для исследования вопросы модератор может попросить ответить каждого представителя аудитории.

Фабула публикации такова. Журналист обращается к вопросу использования социальных сетей членами правительства, депутатами, госслужащими. Интерес к данному вопросу вызван также тем, что «На днях Госдума внесла законопроект, согласно которому претенденты на госдолжности должны в обязательном порядке предоставлять в отдел кадров названия своих аккаунтов в соцсетях. И даже каким-то образом раз в год отчитываться об их содержимом».

Выбор данной публикации для анализа сделан по той причине, что представители молодежной аудитории являются активными пользователями социальных сетей, и их интерес к данной теме заранее предопределен.

Основную часть публикации составляет обзор аккаунтов известных личностей (Р. Кадырова, С. Миронова, Д. Медведева, М. Макаковой, А. Жилкина, М. Кожевниковой, В. Жириновского). В печатном варианте публикации (в газете) даны ссылки на аккаунты, в сетевой версии есть возможность сиюминутно посетить эти аккаунты. Очевидно, что процесс конвергенции СМИ способствует получению информации из большего числа разнообразных источников, а также предоставляет возможность читателям самим становиться участниками информационного процесса (комментировать информацию в социальных сетях, в чате сетевой версии издания и т. п.).

Часто используемый журналистами «Комсомольской правды», в том числе в ее сетевой версии, прием **инфотейнмента** («разыгрывания» новости, подачи информации в игровой форме) способствует привлечению и удержанию внимания аудитории. Для этого активно используются средства визуализа-

ции (фотографии, пространные подписи под ними, графические изображения).

Заключения как такового у материала нет – у него открытый финал, что способствует активизации читательской аудитории, приглашению ее к размышлению над темой, что свойственно для полемических текстов.

Аудитории испытуемых после ознакомления с материалом были предложены следующие вопросы, позволяющие решить поставленные перед исследованием задачи.

1. Вызывал ли у Вас интерес данный материал и почему?

2. Какие чувства и эмоции у Вас вызывает материал?

(По желанию модератора может быть оглашен список возможных чувств и эмоций, провоцируемых материалом: гнев, радость, негодование, возмущение, интерес, раздражение, безразличие, неуверенность, чувство незащищенности и др.).

3. Изменилось ли Ваше отношение к представителям политической элиты страны после прочтения материала?

4. Какие, с Вашей точки зрения, мотивы у создателей аккаунтов – членов правительства, депутатов, госслужащих?

5. Как Вы думаете, с какой целью журналистом был создан данный материал?

6. Насколько заголовки и подзаголовки соответствуют материалу? Какие заголовки и подзаголовки предложили бы к материалу Вы?

В нашем случае предварительно был выбран текст, содержание которого представляло бы интерес для современной молодежи. В рамках других исследований может быть сделана иная выборка, например, согласно тематике текста или принадлежности текста/группы текстов к одному из информационных, аналитических или художественно-публицистических жанров и т. п.

В ходе проведения фокус-группового исследования были получены следующие результаты.

Все 12 участников исследования на вопрос 1 ответили положительно – материал вызвал интерес, более того – был прочитан до конца, что не всегда характерно при прочтении материала в сетевом издании, превышающем две прокрутки. Более того, знакомство с материалом в сетевой версии сопровождалось переходом на аккаунты гос-

служащих и политиков, что может свидетельствовать об интересе аудитории испытуемых к теме публикации, желании получить информацию, выходящую за рамки публикации.

Стоит добавить, что не в последнюю очередь интерес аудитории к публикации вызван и ее лексическими и стилистическими средствами, которые в отдельных случаях обнаруживают определенную раскрепощенность (подчас разговорный стиль), молодежный сленг. Обратимся к одному из фрагментов текста: «Представьте на секунду, что было бы, если бы, например, Брежнев вел Твиттер. Оставлял бы там такие сообщения: «Приколитесь, получил новую награду. Как вам медалька?» И рядом – фоточка...»

Да, представить себе политика времен СССР, который бы делился со всем миром мыслями в личном дневничке, невозможно. А сейчас таких – пруд пруди. Аккаунты в Интернете есть у членов правительства, депутатов, госслужащих...»

При ответе на вопрос 2 аудитория уточнила: чувства к героям публикации – госслужащим и политикам – одни, к тематике материала – другие. Так, обозначенную обозревателем издания тему аудитория однозначно одобрила, подчеркнула ее интерес для читателей, познавательность, так как не все испытуемые знали о существовании аккаунтов отдельных известных личностей и их содержательности. Однако можно заметить, что отношение к содержанию аккаунтов героев публикации напрямую сопряжено с отношением аудитории к конкретным публичным личностям. К примеру, если в публикации есть информация о благосостоянии политика, аудитория высказывается с негодованием и раздражением; если констатируется, за какие законопроекты высказывается политик, и они находят одобрение у аудитории, испытуемые выражали чувство радости, ощущение защищенности.

В ответе на вопрос 3 последовали ответы: 4 человека ответили, что отношение к представителям политической элиты страны осталось неизменным; 3 человека ответили, что отношение к некоторым из них стало хуже; 1 человек ответил, что отношение стало лучше; 4 человека затруднились ответить.

Получены следующие ответы на вопрос 4: с помощью соцсетей политики и госслуж-

жащие стремятся заявить о себе, преимущественно в лучшем свете (3 человека); пиар собственной персоны (3 человека); как и рядовые граждане, хотят пообщаться (2 человека); уход от одиночества (1 человек).

В ответе на вопрос 5 мнения аудитории разделились. 2 человека считают, что материал заказной, журналист тем самым пропагандирует интерес к конкретным политикам, «пиарит» их, а обзор аккаунтов других политиков привлечен для масштабности освещаемой проблематики. 3 человека считают, что тема интересная, ненавязчивая, читабельная, внимание к материалу заведомо обеспечено, поэтому журналист и взялся за ее освещение; это способствует поддержке высокого рейтинга издания. 2 человека считают, что «пора бы рассказать всю правду о политиках», а обращение к аккаунтам известных личностей на досуге позволит обнаружить «много чего интересного, о чем журналист не написал».

Заголовок к материалу аудитория считает удачным, однако некоторые испытуемые (3 человека) указали на то, что в конце материала можно было бы поставить многоточие или восклицательный знак с многоточием, поскольку в заголовке усматривается песенный мотив. Текст, кроме того, имеет множество подзаголовков. Они получили больше критических замечаний аудитории. Так, подзаголовок «Из актрис – в звезды соцсетей», соответствующий обзору аккаунта актрисы, депутата Государственной Думы Марии Кожевниковой, 2 испытуемых считают неудачным, поскольку ведение странички в соцсети все же не стало для нее главным жизненным кредо. Предложен такой вариант подзаголовка: «И актриса, и депутат, и звезда соцсетей». Подзаголовок к обзору аккаунта теперь уже бывшего губернатора Кировской области Никиты Белых «Как губернатор похудел на 20 кг» аудитория также подвергла критике: «Рецепта похудения в тексте нет, но из него следует, что губернатору и впрямь «Видимо, заняться больше нечем!», как о нем высказался Дмитрий Медведев. Как раз это высказывание и можно было бы вынести в подзаголовок».

Еще раз подчеркнем, что отдельные представители испытуемой аудитории вышли за рамки знакомства с собственно текстом публикации и ознакомились с коммен-

тариями читателей к нему. Именно наделение материалов элементами интерактивности характерно для конвергентных СМИ. Эта составляющая публикации позволила аудитории глубже проникнуть в освещаемую проблему.

Таким образом, установлено, что материалы конвергентных массмедиа способствуют активизации читательской активности аудитории, в том числе молодежной. В этом случае она потребляет не только собственно текст публикации, но и дополнительный контент: смотрит видео к материалу, слушает аудиозаписи, читает сообщения в обсуждениях и сама в них участвует, тем самым становится со-автором материалов в СМИ.

Выявлено, что материалы современных СМИ способны влиять на формирование мнения молодежной аудитории, вырабатывать у нее мнение по поводу конкретной ситуации, проблемы, активизировать социальную активность, чему в ряде случаев способствует их полемическая направленность, открытый финал текстов.

Предлагаемая методика может быть применена исследователями медиаматериалов в целом и материалов конвергентных массмедиа в частности. Предлагаемая модель исследования позволяет получить качественно новые научные знания, в том числе за счет: 1) комбинирования используемых в ходе исследования методик либо использования одной конкретной; 2) выбора различных по своим характеристикам аудиторий (не только студенческой молодежи). Кроме того, возможность проведения исследования дистанционно (без непосредственного присутствия модератора) позволяет существенно сократить временные затраты как модератора, так и представителей испытуемой аудитории.

Список литературы

1. Чернов А.В. Типология российских исследований массмедиа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. № 3 (49). С. 102-104.
2. Вартанова Е.Л. Теория СМИ: Актуальные вопросы. М., 2009.
3. Конвергенция // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20945/конвергенция (дата обращения: 07.07.2016).
4. Баранова Е.А. Конвергенция СМИ глазами российских ученых-практиков // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета

журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/672> (дата обращения: 07.07.2016).

5. Гуськова С.В. Влияние конвергентных средств массовой информации на молодежную аудиторию // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 249-254.
6. Александрова О. Ах, в Интернете как-то раз случайно встретила я Вас // Комсомольская правда. 2016. 12–19 мая.

References

1. Chernov A.V. Tipologiya rossiyskikh issledovaniy massmedia [Typology of Russian studies of mass media]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2013, vol. 1, no. 3 (49), pp. 102-104. (In Russian).
2. Vartanova E.L. *Teoriya SMI: Aktual'nye voprosy* [Theory of mass media: actual issues]. Moscow, 2009. (In Russian).
3. Konvergentsiya [Convergence]. *Akademik* [Academic]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20945/Konvergentsiya (accessed 07.07.2016)

4. Baranova E.A. Konvergentsiya SMI glazami rossiyskikh uchenykh-praktikov [Convergence of mass media in opinion of Russian scientists]. *Mediascope: Elektronnyy nauchnyy zhurnal fakul'teta zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova – Electronic scientific journal "Mediascope"*, 2010, no. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/?q=node/672> (accessed 07.07.2016)
5. Gus'kova S.V. Vliyanie konvergentnykh sredstv massovoy informatsii na molodezhnuyu auditoriyu [Influence of media converged on youth audience]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 249-254. (In Russian).
6. Aleksandrova O. Akh, v Internete kak-to raz sluchayno vstretila ya Vas [Oh, I have accidentally met you once in the Internet]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol truth], 2016. May 12–19. (In Russian)

Поступила в редакцию 10.08.2016 г.
Received 10 August 2016

UDC 81-139

CULTURAL VALUES' STUDYING METHODS AND BEHAVIORAL PRIORITIES OF STUDENTS' YOUTH, FORMED UNDER INFLUENCE OF CONVERGENT MASS MEDIA

Svetlana Vladimirovna GUSKOVA

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: guskova_s_v@mail.ru

Vera Nikolaevna LEVINA

Doctor of Philology, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: levina_vn@mail.ru

Research methods of modern mass media materials differ depending on the goals and tasks which are set in front of each specific study. However, the system of methods for studying mass media, formed in the post-Soviet space, cannot be considered perfect, as research methodology hasn't been developed enough of the so-called "new" media, as well as the convergent media. In particular, the existing methods often leave the address to specific subject matter and problems of mass media on the periphery of scientific thought. The proposed method allows us to study cultural values and behavioral priorities of the audience of consumers of mass media content in relation to a specific situation or problem. The advantage of the proposed method is the possibility of carrying out the research in the shortest possible time. In addition, this technique is most relevant to the study of materials of convergent mass media, and "new" media, which were prevalent in the early XXI century, in the era of global informatization and internetization. The application of the method is illustrated by a concrete example. The audience of the mass media under consideration has been made up of students' youth. The method can be used to analyze a variety of media materials according to their characteristics, including while studying reports in the "new" and convergent media.

Key words: convergence of mass media; research methods of mass media materials

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-95-102

Информация для цитирования:

Гуськова С.В., Левина В.Н. Методика исследования культурных ценностей и поведенческих приоритетов студенческой молодежи, формируемых под воздействием материалов конвергентных средств массовой информации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 95-102. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-95-102.

Gus'kova S.V., Levina V.N. Metodika issledovaniya kul'turnykh tsennostey i povedencheskikh prioritetov studentcheskoy molodezhi, formiruemykh pod vozdeystviem materialov konvergentnykh sredstv massovoy informatsii [Cultural values' studying methods and behavioral priorities of students' youth, formed under influence of convergent mass media]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 95-102. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-95-102. (In Russian).

УДК 94(470.67)«18/19»:325.1

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. ПОД ВЛИЯНИЕМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

© Джасмина Умрудиновна АХМЕДОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин
Филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте
368600, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Гейдара Алиева
E-mail: akhmedova-du@yandex.ru

Предпринята попытка проследить влияние миграций на изменение демографической структуры населения Дагестана в конце XIX – начале XX века. Разработка проблемы истории миграционных процессов в Дагестане XIX – начала XX века – неотъемлемой части историко-демографического изучения региона – является актуальной и важной задачей. Такого рода исследования необходимы для реконструкции социально-экономической и демографической истории края, создания научно-обоснованной концепции миграционной политики не только в таком трудоизбыточном регионе, как Дагестан, но и региональной демографической политики в Российской Федерации в целом. Основная часть населения находилась в очень стесненных жизненных условиях с ограниченным питанием, и любые неурядицы, перебои в урожайности хлебов, падеж скота и т. п. стихийные бедствия вызвали массовый отток в основном мужского населения за пределы Дагестана в поисках заработка. Это отрицательно сказывалось на уровне рождаемости и в конечном итоге на естественном приросте населения области. Поставленная проблема имеет как научный интерес, так и политическую значимость в контексте демографического кризиса в России и связанных с ним трудностей сохранения суверенитета и территориальной целостности ряда пограничных регионов Российской Федерации, откуда происходит отток населения. Исследование выполнено на основе ежегодных отчетов губернаторов Дагестанской области, изданных в виде «Обзоров о состоянии Дагестанской области» и других статистических и литературных источников.

Ключевые слова: демографическая структура населения Дагестана; миграционные процессы; численность населения; источники прироста населения; Дагестанская область; крестьяне-переселенцы; экономические факторы; демографический кризис; естественный прирост населения Дагестанской области; сезонная миграция; перепись населения

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-103-108

Изучение миграционных процессов в различные периоды истории, их последствий, которые приводят к изменению в численности и расселении народов, является одной из актуальных проблем исторической науки. Эти вопросы находятся на стыке нескольких научных дисциплин: истории, демографии и географии.

Проблемы миграционной активности, которая тесно связана и в значительной степени обусловлена негативными тенденциями в демографическом развитии населения страны, особенно в трудоизбыточных ее регионах, требуют тщательного изучения в целях поисков путей выхода из демографического кризиса, выявления адекватных решений по оптимизации демографической и миграционной политики.

Миграционные процессы, нередко в свою очередь влияющие на демографиче-

скую ситуацию, приобрели актуальность практически во всех регионах Российской Федерации. Относительно большое количество населения вынуждено ежегодно покидать на время или безвозвратно свои республики и переселиться в южные, центральные или восточные области России. В настоящее время в переселенческое движение во внутренние регионы России втянуто значительное население с Северного Кавказа, в том числе и из Дагестана. Для выявления причинно-следственных связей этих современных процессов необходимо исследование исторических аспектов миграционных процессов в Дагестане, иначе говоря, ее истоков, уходящих в прошлое [1, с. 90].

Динамика численности населения Дагестанской области за 1890–1916 гг. менялась неравномерно, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Динамика численности населения Дагестанской области (1890–1916 гг.) [2; 3]

Годы	Численность населения		Прирост населения		Среднегодовой прирост, %
	тыс. человек	% к 1890 г.	тыс. человек	%	
1890	609,4	–	–	–	–
1894	607,1	99,6	–2,3	–0,4	–0,10
1897	606,6	99,5	–0,5	–8,2	–2,73
1900	629,3	103,3	22,7	6,2	2,05
1904	656,9	107,8	27,6	4,4	1,10
1909	679,2	111,5	22,3	3,4	0,68
1913	708,0	116,2	28,8	4,2	1,05
1916	712,2	116,9	4,2	0,6	0,19

Примечание. Составлено по Ведомостям о движении населения [2] и [3]

Приведенные в табл. 1 данные позволяют сделать вывод, что численность населения Дагестанской области с 1890 до 1916 г. увеличилась примерно на 17 %.

Обращает на себя внимание несколько противоречивая картина изменений численности населения Дагестана, что объясняется двумя родами причин: действительными колебаниями численности населения (вызванными изменениями темпов естественного движения населения, миграцией и другими причинами) и разнохарактерностью самих источников.

Обратимся непосредственно к цифровым данным. Период с 1890 по 1897 гг. характеризуется незначительным уменьшением численности населения – на 2,8 тыс. человек. Это было результатом очень низкого естественного прироста населения в этот период (в 1893 г. прирост составил 0,9 тыс. человек, или 1,3 %), который, вероятно, был обусловлен сильным голодом, охватившим Дагестан в 1891 г. и последствиями холерной эпидемии 1892 г., когда численность населения уменьшилась почти на 13 тыс. человек, или на 2,1 % [4, с. 121].

Рассматривая движение населения Дагестана в начале XX века, отметим постоянное увеличение численности населения области за первые 16 лет XX века на 82,9 тыс. человек, или на 13,2 %.

Этот период характеризуется для Дагестана более высокими, чем в прежние время, показателями естественного прироста населения (например: в 1901 г. – 5,2 ‰, в 1904 г. – 8,4 ‰, в 1911 г. – 8,9 ‰, в 1913 г. – 6,0 ‰ и т. д.) Вместе с тем в конце первого десяти-

летия, точнее в 1908 и 1910 гг., в результате эпидемии холеры, натуральной оспы и тифа повысилась смертность населения, и естественный прирост в 1909 и 1910 гг. упал до 1,1 ‰ [5, с. 132].

Некоторое снижение темпов прироста населения Дагестанской области с 1914 по 1916 г. объясняется отводом войск и оттоком части гражданского населения в связи с мобилизацией его на фронты Первой мировой войны.

Основной причиной постоянного роста численности населения области в этот период была миграция населения в Дагестанскую область. Приток сюда русского и украинского населения был связан с переселенческим движением крестьян Центральной России, а также строительством промышленных объектов в Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре и Дербенте [6, с. 38].

Для выявления источников прироста численности населения Дагестанской области в этот период обратимся к отчетам губернаторов. Так, например в 1900 г. естественный прирост населения составил 2155 человек, а механический прирост – 7851 человек, в итоге общая численность области увеличилась на 10006 человек и большую долю (до 80 %) в этом составляла миграция [6, с. 39].

Этот вывод был очевиден, и в отчете губернатора Дагестанской области за 1901 г. сказано: «Значительное увеличение числа пришлого населения может быть объяснено приливом рабочих в прибрежную часть области благодаря все увеличивающемуся значению рыбных промыслов области; сверх того в Темир-Хан-Шураинском округе посе-

лилось некоторое количество русских поселенцев» [7, с. 49].

В конце 1880 – начале 1890-х гг. в Терской (Хасавюртовский округ) и Дагестанской (Темир-Хан-Шуринский округ) областях стали регулярно появляться русские и отчасти украинские крестьяне-переселенцы из внутренних, в основном южных, губерний России: Киевской, Полтавской, Черниговской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской и др. [8, с. 38].

Районами оседания их была преимущественно северная часть современной территории Дагестана: Кизлярский и Хасавюртовский округа Терской области и Темир-Хан-Шуринский округ Дагестанской области. Обычно крестьяне селились на окраинах русских слобод при укреплениях и штаб-квартирах, как, например, в Хасавюрте (Терская область), Чирюрте и Ишкартах (Дагестанская область), или образовывали самостоятельные небольшие хутора, как Чапчак, Темиргой, Нечаева, Шушанова и др. (Дагестанская область) [9, с. 18, 20].

Численность русских росла быстрее, чем численность всего населения Дагестана. Так, за период с 1897 по 1913 гг. она увеличилась в 2,2 раза, а всего населения – лишь в 1,2 раза [10, с. 93]. Всего же в границах нынешнего Дагестана к концу 1913 г. проживало до 99 тыс. русских, 11,4 % населения (864,9 тыс. человек) [10, с. 94].

Наряду с механическим приростом, на изменение численности населения Дагестана в конце XIX – начале XX века оказывало естественное движение, которое находилось под влиянием экономического фактора. В этот период Дагестан представлял собой отсталый аграрный район царской России с ярко выраженными полуфеодальными производственными отношениями и экстенсивными формами ведения хозяйства.

Основная часть населения находилась в очень стесненных жизненных условиях с ограниченным питанием, и любые неурядицы, перебои в урожайности хлебов, падеж скота и т. п. стихийные бедствия вызвали массовый отток в основном мужского населения за пределы Дагестана в поисках заработка. Результаты подобных явлений отрицательно сказывались на уровне рождаемости и в конечном итоге на естественном приросте населения области.

Эти положения о влиянии экономических факторов и сезонной миграции на демографическую ситуацию подтверждаются нижеприводимыми данными. Резкое снижение рождаемости и естественного прироста в 1898 и 1894 гг. было обусловлено неурожайным 1891 и «холерным» 1892 г. В 1898 и 1899 гг. был собран низкий урожай хлебов; кроме того, «от холода и бескормицы» произошел массовый падеж скота (более 40 тыс. голов крупного рогатого скота и около 300 тыс. овец), в результате которых в 1899 г. наблюдалась убыль населения (естественный прирост имел отрицательный показатель (–5,7 %) [3, с. 123-124], а в 1900 г. снижение естественного прироста до +2,8 %. В 1901 г. в Дагестанской области отмечен «общий неудовлетворительный урожай» хлебов [11, с. 132] и, как следствие, в следующем году естественный прирост упал до 0,8 %. Таким образом, фиксируется почти прямая связь неурожая хлебов и других стихийных бедствий с падением естественного прироста населения Дагестана.

Были и примеры положительного характера. Так, 1900 г. дал естественный прирост 5,2 %, что в два раза выше среднего прироста для Дагестана по тому периоду: 1903 г. был исключительно хорошим по урожаю хлебов, в результате чего в 1904 г. отмечена самая высокая рождаемость почти за четверть вековой период – 27,3 %, естественный прирост также высок – 8,4 %. Аналогичная ситуация сложилась в 1910 г., когда был «удовлетворительный урожай», и 1911 г. дал самый высокий по тому времени естественный прирост населения области – 8,9 %. Возможно, что это совпадение экономических и демографических событий, но взаимосвязь может быть не прямая, но опосредованная все же, на наш взгляд, существовала.

Статистические материалы, относящиеся к концу XIX – началу XX века, показывают относительно малую величину рождаемости населения Дагестанской области. Так, например, средние показатели рождаемости почти за 25-летний период с 1892 по 1915 г. характеризуются следующими цифрами: по городам 29,9 %, по сельским местностям – 23,0 % и по всему Дагестану – 23,4 %.

Естественный прирост населения Дагестанской области во второй половине XIX –

Таблица 2

Численность и доля отходников среди населения
Дагестанской области в 1894–1915 гг. [10]

Годы	Число отходников, тыс. человек	% ко всему населению	% к числу мужчин
1894	72,4	11,8	22,8
1900	76,3	11,9	23,5
1905	81,8	12,5	24,3
1910	76,3	11,2	21,6
1915	90,2	12,7	24,4

Примечание. Составлено по Ведомостям о движении населения [11]

начале XX века был крайне низким, а в некоторые годы наблюдалась убыль населения. Средние показатели его за период с 1882 по 1915 г. определялись следующими цифрами: по городам – 3,4 ‰, по сельской местности – 2,7 ‰ и по всему Дагестану – 2,7 ‰ [11, с. 134].

Низкий естественный прирост населения Дагестана объясняется социально-экономическими причинами. Это было настолько очевидно, что даже в отчетах губернатора области неоднократно говорится, что «причиной этого явления (то есть низкого естественного прироста) без сомнения служат крайне стесненные экономические условия, окружающие туземное население» [11, с. 133].

Малоземелье, отсутствие работы, голодное существование вынуждало горцев Дагестана выезжать ежегодно на сезонные работы в Баку, Грозный, на юг России и т. д. В конце XIX – начале XX века в связи с усилением проникновения капиталистических отношений в дагестанский аул и дальнейшим разорением части крестьян резко увеличилось отходничество [12, с. 60].

Широкие масштабы сельскохозяйственного и промышленного отходничества, вне всякого сомнения, отрицательно сказывались на темпах естественного прироста населения. Ежегодный уход на 8–9 месяцев 22–24 % мужчин, или 12–13 % всего населения области, за пределы Дагестана создавало диспропорцию полов (табл. 2). Численность населения Дагестана в это период росла медленно, что связано главным образом с высокой смертностью населения из-за тяжелых социально-экономических условий жизни, относительно низким санитарно-гигиеническим состоянием и другими причинами.

Такое положение было обусловлено необычайным малоземельем, хроническим не-

доеданием, отсутствием работы значительной части населения Дагестана. Слабая медицинская помощь (чаще даже отсутствие ее), эпидемии различных болезней отрицательно сказывались на рождаемости; что при высокой смертности нередко приводило к убыли населения.

Таким образом, рубеж XIX и XX вв. является одним из сложных и насыщенных коренными социально-экономическими, культурными и политическими преобразованиями периодов истории Дагестана. В это период активизируются миграционные процессы, оказывавшие значительное влияние на демографическую структуру населения края. В результате постоянного притока русского и украинского населения в Дагестан их доля в общей численности населения существенно выросла. Более того, прирост населения Дагестанской области в рассматриваемый период происходил преимущественно за счет мигрантов из внутренних губерний России. Сезонная миграция была вызвана сельскохозяйственным и промышленным отходничеством.

Список литературы

1. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. М.: Наука, 1967. Т. 1.
2. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1901, 1905, 1910, 1914.
3. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892–1916 гг. Темир-Хан-Шура, 1917. С. 130–132.
4. Заикин Г.М. Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура, 1917.
5. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1908–1910 гг. Темир-Хан-Шура, 1909–1911.

6. Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2-я половина XIX – начало XX в.). Мачкакала, 1994.
7. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1902.
8. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902.
9. Ибрагимов М.-Р.А. Формирование русского населения Дагестана // Возрождение. 2009. № 11-12.
10. Ибрагимов М.-Р.А. К истории формирования русского населения Дагестана (XVI – начало XX в.) // Советская этнография. 1978. № 2.
11. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892–1915 гг. Темир-Хан-Шура, 1917. С. 123-126.
12. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
5. *Obzor o sostoyanii Dagestanskoy oblasti za 1908–1910 gg.* [Review on Dagestan Region for 1908–1910]. Temir-Khan-Shura, 1909–1911. (In Russian).
6. Mansurov M.Kh. *Russkie pereselentsy v Dagestane (2-ya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian floating population in Dagestan (2nd half of XIX – beginning of XX centuries)]. Makhachkala, 1994. (In Russian).
7. *Obzor o sostoyanii Dagestanskoy oblasti za 1901 g.* [Review on Dagestan Region for 1901]. Temir-Khan-Shura, 1902. (In Russian).
8. Kozubskiy E.I. *Dagestanskiy sbornik* [Dagestan digest], vol. 1. Temir-Khan-Shura, 1902. (In Russian).
9. Ibragimov M.-R.A. Formirovanie russkogo naseleniya Dagestana [Formation of Russian population in Dagestan]. *Vozrozhdenie* [Rebirth], 2009, no. 11-12. (In Russian).
10. Ibragimov M.-R.A. K istorii formirovaniya russkogo naseleniya Dagestana (XVI – nachalo XX v.) [To the history of formation of Russian population in Dagestan (XVI – beginning of XX century)]. *Sovetskaya etnografiya – Soviet ethnography*, 1978, no. 2. (In Russian).
11. *Obzor o sostoyanii Dagestanskoy oblasti za 1892–1915 gg.* [Review on Dagestan Region for 1892–1915]. Temir-Khan-Shura, 1916. (In Russian).
12. Osmanov G.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye dagestanskogo dokolkhoznoogo aula* [Social and economical development of Dagestan pre-kolkhoz mountain village]. Moscow, 1965. (In Russian).

Reference

1. *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 2 t.* [History of Dagestan from the earliest times to modern times: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1967, vol. 1. (In Russian).
 2. Kozubskiy E.I. *Pamyatnaya knizhka Dagestanskoy oblasti* [Agendum of Dagestan Region]. Temir-Khan-Shura, 1901, 1905, 1910, 1914. (In Russian).
 3. *Obzor o sostoyanii Dagestanskoy oblasti za 1892–1916 gg.* [Review on Dagestan Region for 1892–1916]. Temir-Khan-Shura, 1917. (In Russian).
 4. Zaikin G.M. *Naselennye mesta Dagestana* [Dagestan population places]. Temir-Khan-Shura, 1917. (In Russian).
- Поступила в редакцию 02.07.2016 г.
Received 2 July 2016

UDC 94(470.67)«18/19»:325.1

THE CHANGE IN THE DEMOGRAPHIC STRUCTURE OF DAGESTAN POPULATION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES UNDER THE INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES

Dzhasmina Umrudinovna AKHMEDOVA

Candidate of History, Associate Professor of Humanitarian and Legal Subjects Department

Branch of Dagestan State University in Derbent

11 Heydar Aliyev St., Derbent, the Republic of Dagestan, Russian Federation, 368600

E-mail: akhmedova-du@yandex.ru

An attempt to trace the influence of migration on the changing demographic structure of the population of Dagestan in the late XIX – early XX century was made. The development problems of the history of migration processes in Dagestan in the XIX – beginning of XX centuries is an integral part of the historical and demographic study of the region is an urgent and important task. This kind of study necessary for the reconstruction of socio-economic and demographic history of the region, the creation of a science-based concept of migration policy not only in a such a labour-abundant region as Dagestan, but regional demographic policy in the Russian Federation as a whole. The basic part of population was in constrain life circumstances with limited nutrition and all turmoil, break in crop yield of bread, murrain and etc. disasters caused mass exodus of male population over the borders of Dagestan looking for job. This caused the bad birth rate and bad natural increase of region's population. The assigned problem has both scientific interest and policy relevance in the context of the demographic crisis in Russia and the related difficulties of preserving the sovereignty and territorial integrity of a number of border regions of the Russian Federation, where the outflow of the population is coming from. The research is fulfilled on the basis of annual reports of the governors of the Dagestan region, was published in the form of Reviews on the Dagestan region and other statistical and literary sources.

Key words: the demographic structure of the population of Dagestan; migration; population; sources of population growth; Dagestan oblast; the peasants-immigrants; economic factors; demographic crisis; natural growth of the population of the Dagestan region; seasonal migration; population census

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-103-108

Информация для цитирования:

Ахмедова Д.У. Изменение демографической структуры населения Дагестана в конце XIX – начале XX в. под влиянием миграционных процессов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 103-108. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-103-108.

Ahmedova D.U. *Izmenenie demograficheskoy struktury naselenija Dagestana v konce XIX – nachale XX v. pod vlijaniem migracionnyh processov* [The change in the demographic structure of Dagestan population in the late XIX – early XX centuries under the influence of migration processes]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 103-108. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-103-108. (In Russian).

ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ ОТ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© **Артем Олегович БАГДАСАРЯН**

кандидат исторических наук

Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России

121357, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ватутина, 1

E-mail: minikorobka2000@mail.ru

Мировая война 1914–1918 гг. стала первым вооруженным конфликтом, где в боевых действиях начали применять отравляющие вещества. В 1915 г. немцы стали широко использовать химическое оружие против армий стран-участниц Антанты. От его действия страдали не только солдаты, но и мирное население, которое проживало в прифронтовых городах. Рассмотрена организация первых мероприятий противохимической защиты населения в России и во Франции во время Первой мировой войны. Проанализированы события химической войны в 1914–1918 гг., общеизвестные и хорошо изученные, изучены вопросы защиты населения от газовых атак, которые до сих пор остаются не исследованными. Используя архивный материал, публикации первого десятилетия XX века, современные исследования, а также иностранные источники, раскрыты основные меры защиты населения от отравляющих веществ, которые предпринимались государственными и военными органами, различными организациями. На основании представленного материала сделан вывод о том, что проводимые мероприятия сыграли свою роль в развитии зарождающейся в XX веке системы гражданской обороны, легли в основу ее становления.

Ключевые слова: защита населения; химическое оружие; Россия; Франция; гражданская оборона; Первая мировая война

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-109-115

XX век вошел в историю не только невиданными достижениями человеческого гения, стремительным развитием науки и техники, но и одной из самых кровопролитных войн – Первой мировой войной, оказавшей колоссальное влияние на существование человечества. На смену непродолжительным сражениям пришли операции, развертывавшиеся на огромном пространстве. Участие в войне массовых армий, оснащенных многочисленной боевой техникой, способствовало совершенствованию средств поражения живой силы. Такими средствами борьбы, появившимися в ходе Первой мировой войны, стали танки, подводные лодки, боевые самолеты, минное и торпедное оружие, отравляющие вещества.

Использование воюющими сторонами отравляющих веществ явилось первым случаем применения оружия массового поражения. По существующим оценкам, в период с 1914 по 1918 г. было использовано около 20 млн газовых снарядов, более 10 тыс. т боевых отравляющих веществ, погибло 91 тыс. человек, а 1,2 млн получили ранения разной степени тяжести [1, с. 21]. Всего за годы Первой мировой войны было разработано более 44 боевых отравляющих веществ

различного действия (удушающие, слезоточивые, ядовитые и раздражающие) [2, с. 124–136].

Однако, несмотря на то, что применение химического оружия в мировую войну 1914–1918 гг. и организация защиты от него на сегодняшний день является общеизвестным фактом, но до сих пор существует много не исследованных аспектов в данной области, требующих изучения и исследования. Рассмотрим один из них – защиту мирного населения от отравляющих веществ.

Бесспорно считается, что характерной чертой Первой мировой войны является «дегуманизация» боевых действий, заключающаяся в стирании различий между воюющими армиями и гражданским населением, между фронтом и тылом [3, с. 132]. В этот период впервые широкие слои населения, оказавшиеся в зоне досягаемости средств поражения противника (артиллерии, авиации и т. п.), напрямую или опосредованно становились объектами, против которых были направлены боевые действия.

К таким действиям можно отнести и применение отравляющих веществ. Наибольшую угрозу они представляли для населения России и Франции, на чьей территории

германская армия проводила газовые атаки. От таких опасностей необходимо было оградить мирных граждан, не являющихся комбатантами и не способными противостоять новому смертоносному оружию.

Известно, что первая газовая атака была проведена германской армией на западном фронте 22 апреля 1915 г. в районе бельгийского города Ипр. Однако вопрос об организации защиты населения от химического оружия на государственном уровне впервые был поставлен в России.

Уже в начале мая 1915 г. русское военное командование приступило к разработке способов защиты от отравляющих веществ [4, с. 312]. Установив тип применяемого немцами вещества (хлор), организации Красного Креста приступили к изготовлению первых противохлорных повязок [5, с. 14].

Примечательно, что, хотя эти мероприятия были в первую очередь предназначены для защиты войск, но к их решению было широко привлечено и гражданское население. Так, в Риге профессор Н.И. Березнеговский, возглавляющий крупные хирургические госпитали Красного Креста, призвал жителей города принять участие в изготовлении противохлорных повязок [6, с. 3; 7, с. 613]. В Морской крепости императора Петра Великого с аналогичной просьбой к населению обратился Комитет для вспомоществования раненым семьям запасных морской крепости [8, с. 3].

Уже в июне 1915 г., примерно через две недели после первой газовой атаки немцев на восточном фронте под Болимовым, Варшавский центральный обывательский комитет довел до населения Привислинского края правила поведения в случае химической атаки, а также действия при отравлении хлором [9, с. 2].

Комитет стал первым органом, который обозначил проблему защиты населения от ядовитых газов и приступил к ее решению. Он был образован в июле 1914 г. под председательством варшавского генерал-губернатора Н.А. Любимова из лиц, представляющих польские общественные организации. В других городах начали создаваться польские комитеты, которые поставили своей задачей проявлять внимание к интересам войны. Повсеместно стали организовывать польские лазареты и общие комитеты, направленные в

своей деятельности на заботы о воинах [10, с. 237].

Решая задачи оказания различной помощи военнослужащим, Комитет также занимался изготовлением для населения противохладных повязок и респираторов [11, с. 3].

В то же время отдел охраны общественного здоровья при центральном гражданском комитете обратился к населению Царства Польского с воззванием, в котором рекомендовалось каждому жителю запастись респираторами. Кроме того, в воззвании были сформулированы основные правила поведения в случае химической атаки: переход из подвальных помещений и первых этажей, где мог скопиться газ, использование защитных масок, а в случае их отсутствия применение ткани, смоченной водой, и др. [12, с. 1].

Некоторые общественные организации и местные органы власти в прифронтовых районах подхватили инициативу Варшавских властей и также приступили к обучению населения действиям в случае химической атаки.

В июне 1915 г. председатель городской санитарной комиссии Белостока доктор В.Л. Остроменцкий предложил городской управе заготовить необходимое количество предохранительных масок и распространить их среди населения. Его предложение было положительно воспринято, и городская управа Белостока обратилась по телеграфу в Варшавский центральный обывательский комитет с просьбой выслать им образцы предохранительных масок и рецепт пропитывающей предохранительной жидкости. Кроме того, сам В.Л. Остроменцкий также лично приступил к заготовке необходимого количества данной жидкости [11, с. 3].

Наряду с этим особое внимание уделялось профилактической работе среди населения. Проводились семинары, публиковались специальные брошюры, распространялись объявления, в которых прописывались правила поведения населения в случае химической атаки.

20 июля (2 августа) 1915 г. городская санитарная комиссия г. Белостока расклеила в городе объявление с рекомендациями по защите от удушливых газов. В нем, в частности, говорилось, чтобы «при появлении удушливых газов укрываться на возвышенных местах: верхних этажах домов, крышах и т. п.; но отнюдь не в подвалах». Кроме рас-

клейки объявлений, комиссия распространила специальные брошюры на фабриках, заводах и т. п. [13, с. 3].

Данное объявление было своевременным, так как 6 августа 1915 г. находившаяся в 50 км от Белостока крепость Осовец, осада которой продолжалась 190 дней, подверглась газобаллонной атаке. Немцы выпустили такое большое количество отравляющего вещества (около 15 т), что ядовитое облако прошло далеко за позиции русских войск и дошло до ближайших населенных пунктов. В 5 км от крепости в селе Крышковка наблюдалась гибель домашнего скота, в деревнях, находящихся на расстоянии 16 км от Осовца, были зафиксированы случаи отравления и смерти детей [14, с. 17].

Следует отметить, что полученный опыт по защите населения от химического оружия был широко использован и органами власти зарождающейся Советской республики в марте 1918 г. во время отражения германского наступления на Петроград.

В целях обороны столицы был образован чрезвычайный орган – Комитет революционной обороны Петрограда, получивший полномочия высшего органа командования [15, л. 187]. 1 марта 1918 г. главный организатор Первого корпуса РККА Н. Потапов доложил Верховному главнокомандующему Н.В. Крыленко о разработанных мерах по защите горожан от удушливых газов. Их осуществление планировалось начать утром того же дня [16, л. 20об.]. В этот же день они были представлены на утверждение Комитета революционной обороны [17, с. 167].

3 марта Комитет революционной обороны обратился к населению Петрограда и его окрестностей с Воззванием, в котором наравне с правилами поведения граждан при налетах авиации противника были изложены и мероприятия по защите от удушливых газов [18, с. 1].

Так, жителям Петрограда рекомендовалось не подходить близко к окнам, а в случае повреждения последних немедленно закрывать их подушками, мешками и т. п. во избежание применения удушливых газов. В помещениях необходимо было развешивать простыни, смоченные противогазовой жидкостью или водой. При проникновении удушливых газов предлагалось становиться на высокие предметы. При отсутствии про-

тивогазовых масок горожанам советовали плотно завернуть голову и лицо в полотенце, рубаху, платье и т. п., смочив их противогазовым раствором или водой.

Воду и пищу, пришедшие в соприкосновение с удушливыми газами, обязывали выливать и уничтожать как ядовитые [19, л. 18].

Для обеспечения защиты жителей Петрограда от отравляющих веществ Комитет военно-технической помощи совместно с Химическим комитетом организовал снабжение граждан, Домовых комитетов и других организаций литературой по противогазовой защите и всеми необходимыми предметами для защиты от удушливых газов (масками, противогазовой жидкостью и т. п.) [20].

На Владимирском проспекте и в Волховском переулке Петрограда были открыты специальные пункты, где жители города могли получить защитные маски, противогазовую жидкость и памятки с указаниями, как можно избежать отравления ядовитыми газами. А на Дворцовой площади начала работать особая мастерская, изготавливающая влажные противогазы типа «маски Химического комитета ГАУ» и противогазовую жидкость [21, с. 8].

Таким образом, к концу Первой мировой войны в России были разработаны основные мероприятия по защите населения от химического оружия: снабжение средствами индивидуальной защиты, подготовка и обучение правилам действий в случае газовой атаки.

Во Франции население также страдало от постоянных газовых атак германской армии. Так, в октябре 1915 г. в результате химической атаки на французские позиции, находящиеся не далеко от Реймса, ядовитое облако дошло до города и вызвало отравление среди горожан [22, р. 63].

Это заставило французское командование и городскую администрацию приступить к оснащению населения противогАЗами (рис. 1) [23]. При этом особое внимание уделялось защите рабочих, служащих различных учреждений, школьников и т. п. (рис. 2).

Кроме выдачи средств индивидуальной защиты, с населением организовывались занятия и практические тренировки [24, р. 63]. Шло распространение листовок, объявлений и афиш с указанием способов защиты и характеристиками ядовитых газов [22, р. 62].

Рис. 1. Французская семья с противогазовыми масками [25, р. 2]

Рис. 2. Школа в Реймсе [22, р. 64]

Таким образом, к концу Первой мировой войны в обеих странах были разработаны и системно оформлены основные меры по защите населения от химического оружия. Они в основе своей были одинаковыми и в России, и во Франции, хотя и складывались по ходу военных событий как ответ на действия врага; подчас были примитивны, но в конечном итоге помогали спасти мирное население от нового смертоносного оружия. На смену общественных организаций, гражданской инициативе приходила работа властных структур, военных и административных органов. Полученный к концу войны опыт в дальнейшем широко использовался при создании и развитии на государственном уровне системы гражданской обороны.

Список литературы

1. *Кутепов В.А.* Химическое оружие и военно-исторические аспекты международного права // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1 (22). С. 20-23.
2. *Де-Лазари А.Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны (1914–1918 гг.). Краткий исторический очерк / под ред. с пред. Я.Л. Авиновичского. М.: Гос. военное изд-во, 1935. 143 с.
3. *Пархоменко В.А.* Начало Первой мировой в Европе. Отношение воюющих сторон к населению и военнопленным на Восточном фронте // Исторический вестник. Т. 8 (155). Первая мировая война. 1914 г. / под ред. В.Ж. Цветкова. М.: Руниверс, 2014. С. 124-147.
4. *Ардашев А.Н.* Великая окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. М.: Яуза; Экспо, 2009. 408 с.
5. *Фигуровский Н.А.* Очерк развития русского противогаза во время империалистической войны 1914–1918 гг. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1942. 100 с.
6. *Березнеговский Н.* Письмо в редакцию // Рижский вестник. 1915. 1 июля.
7. *Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Sorokin A.N.* Professors and teaching staff of Tomsk university during the World War I // Былые годы. 2014. № 4 (34). С. 611-617.
8. *Дневник* // Ревельский вестник. 1915. 19 августа.
9. Предохранение населения от отравления удушливыми газами // Виленский вестник. 1915. 8 июня.
10. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: в 7 т. / под ред. П.Е. Щеголева. Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. 7. 477 с.
11. Белосток // Виленские новости. 1915. 14 июня.
12. В Варшаве // Виленские новости. 1915. 10 июня.
13. Виленский курьер – наша копейка. 1915. 20 июля.
14. Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии // Россия. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Т. 1: с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. Пг., 1916. 503 с.
15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2421. Оп. 1. Д. 2.
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 5. Д. 377.
17. *Еремеев К.С.* Начало Красной Армии // Пролетарская революция. 1928. № 4 (75). С. 154-168.
18. Известия. 1918. 3 марта.
19. ЦГА СПб. Ф. Р-2421. Оп. 1. Д. 1.
20. Правда. 1918. 5 марта.
21. *Котлуков К.Г., Оглоблин К.С., Сгилевский А.И.* От МПВО – к гражданской обороне. М.: Атомиздат, 1969. 80 с.
22. *Pellus D.* Reims et son histoire illustree (1900–1939). P.: Editions Horvath, 1984. 270 p.
23. *Лихачева Г.* Непобедимая муза Шампани // Первая независимая в России школа сомелье. URL: <http://old.wine-people.ru/nepobedimaia-muza-shampani> (дата обращения: 12.07.2016).
24. *Thibault M.* Reims dans la grande guerre. Saint Avertin: Editions Sutton, 2014. 176 p.
25. *Proctor T.M.* Civilians in a World at War, 1914–1918. New York; London: New York University Press, 2010. 363 p.

References

1. Kutepov V.A. Khimicheskoe oruzhie i voenno-istoricheskie aspekty mezhdunarodnogo prava. [Chemical weapon and military and historical aspects of international law]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of Omsk juridical Academy*, 2014, no. 1 (22), pp. 20-23. (In Russian).
2. De-Lazari A.N. *Khimicheskoe oruzhie na frontakh mirovoy voyny (1914–1918 gg.) Kratkiy istoricheskiy ocherk*. [Chemical weapon on the fronts of world war (1914–1918). Short historical note], ed. Ya.L. Avinovitskiy. Moscow, State Military Publ., 1935. 143 p. (In Russian).
3. Parkhomenko V.A. Nachalo Pervoy mirovoy v Evrope. Otnoshenie voyuyushchikh storon k naseleniyu i voennoplennym na Vostochnom fronte [The beginning of World War I in Europe. The attitude of the fighting countries to the population and prisoners of war in the East front]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin], vol. 8 (155) World War I. 1914, ed.

- V.Zh. Tsvetkov. Moscow, Runivers Publ., 2014, pp. 124-147. (In Russian).
4. Ardashev A.N. *Velikaya okopnaya voyna. Pozitsionnaya boynya Pervoy mirovoy* [The Great trench war. The positional massacre of the World War I]. Moscow, Yauza Publ., Ekspo Publ., 2009. 408 p. (In Russian).
 5. Figurovskiy N.A. *Ocherk razvitiya russkogo protivogaza vo vremya imperialisticheskoy voyny 1914–1918 gg.* [The essay of the development of Russian gas mask in time of Imperialist war 1914–1918]. Moscow; Leningrad, Science Academy of USSR Publ., 1942. 100 p. (In Russian).
 6. Bereznegovskiy N. Pis'mo v redaktsiyu [The letter to the edition]. *Rizhskiy vestnik – Rizhskiy bulletin*, 1915, July 1. (In Russian).
 7. Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Sorokin A.N. Professors and teaching staff of Tomsk university during the World War I. *Bylye gody – Past years*, 2014, no. 4 (34), pp. 611-617. (In Russian).
 8. Dnevnik [Diary]. *Revel'skiy vestnik – Revelskiy bulletin*, 1915, August 19. (In Russian).
 9. Predokhraneniye naseleniya ot otravleniya udushlivymi gazami [The protection of population from poison gases]. *Vilenskiy vestnik – Vilenskiy bulletin*, 1915, June 8. (In Russian).
 10. *Padeniye tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazaniy, dannyyh v 1917 g. v Chrezvychaynoy Sledstvennoy Komissii Vremennogo Pravitel'stva: v 7 t.* [The collapse of the tsarist regime. Verbatim records of the interrogations, giving in 1917 to Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government: v 7 vols.], ed. P.E. Shchegolev. Leningrad, State Publ., 1927, vol. 7. 477 p. (In Russian).
 11. Belostok. [Belostok]. *Vilenskie novosti – Vilenskiye news*, 1915, June 14. (In Russian).
 12. V Varshave [In Warsaw]. *Vilenskie novosti – Vilenskiye news*, 1915, June 10. (In Russian).
 13. *Vilenskiy kur'er – nasha kopeyka – Vilenskiy courier – our kopyka*, 1915, July 20. (In Russian).
 14. Obzor deystviy Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii [Overview of activities of the Extraordinary Investigation Commission]. *Rossiya. Chrezvychaynaya sledstvennaya komissiya dlya rassledovaniya narusheniya zakonov i obychaev voyny avstro-vengerskimi i germanskimi voyskami. T. 1: s 29 aprelya 1915 g. po 1 yanvarya 1916 g.* [Russia. Emergency court of inquiry for investigation of breaking law and rites by Austro-Hungarian and Germanic armies. Vol 1: from April 29, 1915 to January 1, 1916]. Petrograd, 1916. 503 p. (In Russian).
 15. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central Governmental Archive of Sankt-Petersburg], fund R-2421, file 1, list 1. (In Russian).
 16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian Governmental Military Archive], fund 6, file 5, list 377. (In Russian).
 17. Eremeev K.S. Nachalo Krasnoy Armii [The beginning of Red Army]. *Proletarskaya revolyutsiya – Proletarian revolution*, 1928, no. 4 (75), pp. 154-168. (In Russian).
 18. *Izvestiya – News-bulletin*, 1918, March 3. (In Russian).
 19. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central Governmental Archive of Sankt-Petersburg], fund R-2421, file 1, list 1. (In Russian).
 20. *Pravda – Truth*, 1918, March 5. (In Russian).
 21. Kotlukov K.G., Ogloblin K.S., Sgilevskiy A.I. *Ot MPVO – k grazhdanskoy oborone* [From AALD to the civil defense]. Moscow, Atomizdat Publ., 1969. 80 p. (In Russian).
 22. Daniel Pellus. *Reims et son histoire illustree (1900–1939)*. Paris, Editions Horvath, 1984. 270 p. (In French).
 23. Likhacheva G. Nepobedimaya muza Shampani [The invincible Muse of Champagne]. *Pervaya nezavisimaya v Rossii shkola somel'e* [First independent school of wine steward in Russia]. Available at: <http://old.wine-people.ru/nepobedimaia-muza-shampani> (accessed 12.07.2016).
 24. Thibault M. *Reims dans la grande guerre*. Saint Avertin, Editions Sutton, 2014. 176 p. (In French).
 25. Proctor T.M. *Civilians in a World at War, 1914–1918*. New York, London, New York University Press, 2010. 363 p.
- Поступила в редакцию 07.08.2016 г.
Received 7 August 2016

UDC 94(100)«1914/19»

THE POPULATION'S PROTECTION FROM CHEMICAL WEAPON DURING THE WORLD WAR I

Artyom Olegovich BAGDASARYAN

Candidate of History

National Centre for Disaster and Emergency Management EMERCOM of Russia

1 Vatutin St., Moscow, Russian Federation, 121357

E-mail: minikorobka2000@mail.ru

The world war in 1914–1918 was the first armed conflict with use of toxic agents. In 1915 Germans widely began to use the chemical weapon against Entente's armies. Not only the soldiers suffered from its effect, but also local people living at the territory of front-line cities. The organization of population's first chemical protection measures in Russia and France during the World War I are discussed. By analyzing the events of chemical war in the 1914–1918, which are well-known and investigated, the aspects of population's protection from gas attacks, which are still not investigated, are viewed. By using the archival material, publications of the first decade of XX century, modern researches and foreign resources the basis protection measures of population from toxic substances, which were realized by civilian and military authorities and different organizations are revealed. On the basis of the presented material the conclusion is made that these measures took the important role in the development of the civil defense system in the XX century.

Key words: protection of population; chemical weapon; Russia; France; civil defense; World War I

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-109-115

Информация для цитирования:

Багдасарян А.О. Защита населения от химического оружия в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 109-115. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-109-115.

Bagdasaryan A.O. Zashchita naseleniya ot khimicheskogo oruzhiya v gody Pervoy mirovoy voyny [The population's protection from chemical weapon during the World War I]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 109-115. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-109-115. (In Russian).

УДК 93/94

О ФАКТОРАХ ОРГАНИЗУЮЩЕЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

© **Владимир Петрович СЕМЬЯНИНОВ**

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры кадрового управления
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

© **Петр Владимирович СЕМЬЯНИНОВ**

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры кадрового управления
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: pitsem@mail.ru

Дана характеристика основных факторов, оказавших решающее влияние на формирование и специфику российского цивилизационного типа с его объективно повышенной ролью государства как компенсатора сложностей и трудностей существования российского народа. Отмечены неблагоприятные условия жизнедеятельности, детерминирующие модель государственного управления. Указана опасность либеральной теории денационализации экономики для стран, отягощенных какими-либо естественными трудностями, прежде всего климатом. Его влияние на формирование цивилизационного типа более значительно, чем это обычно считается. Обоснован тезис, что именно климат детерминировал такие отличительные черты россиян, как коллективизм и обостренное чувство социальной справедливости, общинный характер жизнедеятельности и повышенная роль государства в деле преодоления трудностей выживания в одной из самых холодных стран мира. Суровые природно-климатические условия увеличивают трудовые затраты и прочие расходы на жизнеобеспечение человека. Природный фактор вынуждал народ выбирать такие консолидирующие формы жизнедеятельности, как община, трудовой коллектив, государство. Национальное сознание было пронизано ощущением невозможности выживания без сильной государственной организации.

Ключевые слова: цивилизационная специфика России; роль государства в российских условиях

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-116-122

В последнее время в связи с усилившимися попытками западных теоретиков мировой политики обосновать тезис о необходимости оттеснения национальных государств от ведущей роли во внутренней и внешней политике, в государственном регулировании экономики возрастает потребность в изучении и учете факторов, определяющих степень организующего и регулирующего воздействия государства на общественную жизнь в зависимости от объективных условий – климатических, религиозных, геополитических и др. К тому же, неолиберальный курс на замену суверенитета государства либеральными правилами, когда ценности только одного из восьми цивилизованных типов современного мира навязываются в качестве критериев оценки всем государствам, вплоть до силового вмешательства, чрезмерно обостряет и без того сложную ситуацию в мире. Считать такой ход событий новой эпохой в истории человечества, а глобализацию – источником и условием умиротворения и процветания человечества было бы слишком самонадеянно. Особенно опасна

либеральная теория денационализации экономики для стран, отягощенных какими-либо естественными трудностями, прежде всего климатом. Его влияние на формирование цивилизационного типа более значительно, чем это кажется. Именно суровейший климат предопределил сложение таких отличительных черт россиян, как коллективизм и обостренное чувство социальной справедливости, общинный характер жизнедеятельности и повышенная роль государства как компенсатора трудностей выживания в одной из самых холодных стран мира.

Страны, расположенные в северных широтах, западнее России, обогреваются пока еще действующим теплым течением Гольфстрима, экономя при этом триллионы долларов в год. Заселенная южная часть Канады находится намного южнее Москвы, а канадский город Торонто – даже южнее столицы Республики Крым города Симферополя. Омывающие Скандинавию моря не замерзают круглогодично.

Большинство же земной поверхности России находится в зоне вечной мерзлоты,

что обуславливает не только скудную растительность и трудоемкость создания продовольственной и кормовой базы, но и повышенную норму заготовок всех средств жизнеобеспечения, в том числе топлива. На каждого жителя России в среднем приходится во много раз больше топлива в год, чем в большинстве регионов мира. Это означает, что для достижения одинакового уровня жизни с той же Западной Европой затраты энергии у нас, с учетом площади страны и ее коммуникаций, должны быть больше, чем в Западной Европе с ее плюсовой температурой в зимнее время года. Мало кто в мире обременен столь масштабными проблемами жизнеобеспечения, как россияне.

Суровые природно-климатические условия увеличивают трудовые затраты и расходы на жизнеобеспечение человека. Природные условия Севера удорожают работу на открытом воздухе по промышленным сооружениям до 7 раз, строительству наземных транспортных путей – до 5 раз, а также требуют более дорогих специальных машин, технических средств, специальной одежды и т. д. [1, с. 27]. Повышенные расходы и затраты нужны также для восстановления и сохранения экологического равновесия из-за ранимости северной природной среды.

Наши северные моря почти весь год покрыты льдом и очень затрудняют проход транспортных судов и снижают возможности использования этих путей в освоении природных богатств Крайнего Севера.

Большие сложности и неудобства представляют огромные пространства Севера и части Дальнего Востока для использования авиации, железнодорожного и даже автомобильного транспорта. Но, с другой стороны, транспорт в России – это не только экономическая категория, но и условие национальной безопасности, поэтому России в любом случае предстоит уделять транспорту еще большее внимание.

Жители России в повышенном объеме расходуют энергоносители, строительные и иные материалы на утепление жилья в холодное время (до 9–10 месяцев в году), на одежду и обувь (зимнюю, осеннюю, летнюю), на более калорийное питание (компенсация разности температуры воздуха и тела), на утепление построек для скота и птицы. Больших усилий и затрат стоит со-

держание общественных зданий, учебных заведений. В сельской местности необходимо, кроме утепления помещений, заранее заготавливать корма для длительного (полгода и более) содержания животных в холодное время года. При этом цикл основных сельскохозяйственных работ сильно, в отличие от Запада, ограничен во времени: сельским жителям перманентно не хватает времени на их выполнение. По этой причине качество работ ниже, чем у благополучных соседей по континенту. Времени не хватает даже на основные, неотложные дела, поэтому вполне объяснимо, почему внешний вид российских территорий уступал и уступает по благоустройству западноевропейским населенным пунктам. Еще одной причиной этой разницы является несоизмеримо меньшая плотность населения России. Не имея временных ресурсов для тщательного выполнения работ, россияне привыкли сосредотачивать внимание на основном их объеме, отставляя второстепенные на неопределенный срок. Такой подход к делу выработал у россиян несколько иное отношение к производительности труда и качеству выполняемой работы. В экстремальных российских условиях люди привыкли выполнять прежде всего то, что нельзя не делать. А так как объем даже самых жизненно необходимых работ неизмеримо велик, выработалась привычка делать быстро, в авральном режиме, часто с перенапряжением сил. Но одновременно по этим причинам для россиян характерно спокойствие, не паникерское отношение к любым трудностям жизни и производственной деятельности, которые некоторым другим народам представляются непреодолимыми. Если природно-климатические условия в России отличаются экстремальностью, то преодоление их достигалось, как правило, чрезвычайными методами и усилиями. С этим связаны сложившиеся у русских и родственных им по судьбе народов России готовность к чрезвычайным мерам, неприспособленность, умение довольствоваться минимумом средств существования и даже способность выживать в любых самых экстремальных условиях. Более того, можно утверждать, что у русских отсутствует предел выживания.

Среди неблагоприятных условий хозяйственной деятельности в России – частые

заморозки в незимнее время (март–апрель–май – начало июня и затем, после короткого перерыва – сентябрь–октябрь–ноябрь), длительные похолодания в весенне-летние месяцы, дожди в период полевых работ или, наоборот, засушливая погода во время роста растений и т. д.

Природно-климатический фактор особенно тяжело повлиял на сельское хозяйство России. Весь Центр Российского государства в прошлые века располагался на малопродуктивных землях с изредка попадавшимися небольшими островками относительно плодородной земли. Так, в Центрально-Нечерноземном регионе России в середине XIX века средняя урожайность зерновых составляла сам-2,7. Академик Л.В. Милов, изучавший указанный фактор, пишет: «...В историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был необычайно низок... и он был достигаем путем громадных затрат труда» [2, с. 38]. Отметив среди причин низкой урожайности низкое плодородие почв, Л.В. Милов в качестве основной них назвал другую – исключительную сжатость цикла сельскохозяйственных работ – 125–130 рабочих дней, что не давало возможности тщательно обрабатывать худородные почвы. При общем дефиците времени определенную его часть отнимала летняя заготовка кормов для скота: из 130 рабочих дней примерно 30 уходило на сенокос. К тому же низкая урожайность не давала возможности иметь более или менее достаточного количества товарного зерна и, чтобы продать немного своей продукции, крестьяне резко снижали свое потребление.

Природно-климатические условия России в течение веков обостряли проблему заготовки сена на корм скоту. Для страны с огромными земельными угодьями считается экономическим парадоксом делать не сено, как более ценный корм, а солому основой кормовой базы. Соответственно, эта низкокалорийная и лишенная витаминов еда (ее к тому же не всегда хватало) при примерно 200-дневном стойловом содержании скота предопределяла такой режим кормления, при котором производство мяса (белковой пищи) для людей было намного ниже нормы.

Сравнивая условия России и Западной Европы, следует отметить одно существенное отличие: в России надо было в летнее

время работать с исключительным напряжением сил, чтобы успеть сделать за 3–4 месяца столько, сколько в Западной Европе делали за 8–10. Разные возможности земледелия и жизнеобеспечения предопределили и разную судьбу народов и стран двух частей европейского континента, вплоть до полного непонимания на Западе объективной детерминированности экономики и культуры России с ее климатом и ландшафтом.

Барщина и другие экстремальные условия жизни российского крестьянства вели к созданию защитного механизма – общины с ее уравнительными нормами производства и потребления. Оказывая помощь бедным и физически слабым крестьянам, община стремилась поддержать каждое крестьянское хозяйство, что вполне объяснимо: разорение одних общинников не освобождало других от выполнения всего объема повинностей и налогов, возложенных в целом на общину. Помощь оказывали, даже не дожидаясь просьбы. Таким образом, общинно-коллективистский уклад жизни русского народа наложил отпечаток на своеобразие российской цивилизации и русского национального характера, по своей сути чуждого буржуазного индивидуализма. Поэтому не удивительно, что либерально-рыночные реформы, столь органичные для Запада, натолкнулись на равнодушие и скрытое сопротивление в России: национальный характер, менталитет населения, даже частично меняясь с течением времени, остается в своей основе таким, каким он формировался веками и тысячелетиями. Это означает, что так называемые рыночные механизмы недостаточны для внутреннего управления: требуются другие экономические модели.

Многие ускорения и рывки в развитии нашей страны (индустриализация 30-х гг. XX века – тому яркий пример), сопровождавшиеся дополнительными затратами человеческих усилий, воспринимались как само собой разумеющееся дело, как настоящая необходимость и выполнялись с поражающим иностранцев энтузиазмом.

Названные выше последствия неблагоприятных погодно-климатических условий на этом не исчерпываются. Большие потери приносят поздние – весной и даже в начале лета (!) заморозки, длительные похолодания, дожди, засухи и т. п. В этой связи приобрета-

ет глубокий методологический смысл, раскрывающий некорректность и несправедливость вошедших в моду критических выпадов в адрес нашего народа, выискивание в его прошлом и настоящем различных недостатков замечание академика Н.Н. Моисеева. Он пишет: «Стоит лишь удивляться тому, что наш народ сумел в этих тяжелейших условиях создать уникальную цивилизацию и прожить поистине героическую историю» [3, с. 30].

Суровые условия жизни выработали и укоренили в национальном характере не абстрактно-негативный, а здоровый консерватизм как условие выживания. Попытки вырастить в наших непредсказуемо экстремальных условиях южные плоды чаще приводили к печальному результату, утверждая в народном сознании бесполезность и опасность заимствования чего-то хорошего для других, но не подходящего нам. «Семь раз отмерь, один раз отрежь» – одна из самых популярных русских пословиц, сопровождающих человека в течение всей его жизни.

Исторически убеждаясь в невозможности выжить в одиночку, народы нашего типа цивилизации сознательно берегли и сохраняли коллективистские ценности и, соответственно, с подозрением, негативно воспринимали насаждение у нас противоположных норм и установок. Природно-климатический фактор сам по себе, даже без воздействия других детерминантов, например, религии, делал россиян, в особенности русских, одним из самых «небуржуазных» народов на Земле. Поэтому требовать от такого народа быстрой переориентации на атлантистские экономические модели и жизненные ценности не только бесполезно, но и вредно. Это признают даже зарубежные советники российских «младореформаторов». Так, их учитель Дж. Сакс, сравнивая себя и своих российских учеников с врачами, собиравшимися лечить больную, по их мнению, Россию, вынужден был образно признать «...Когда мы положили больного на операционный стол и вскрыли его, мы вдруг обнаружили, что у него совершенно иные анатомическое устройство и внутренние органы, которых мы в нашем институте не проходили» [4, с. 186]. Следствием незнания национального характера русского и других народов страны, близких ему по исторической судьбе и мироощущению, стали плачевные для десятков миллионов людей ре-

зультаты шоковой «операции». Данное обстоятельство убедительно подтвердило правоту тех, кто давно призывал высшее руководство страны не навязывать народу не соответствующие нашей этногеополитической специфике модели развития, заведомо обрекающие его на потери и лишения.

В теории управления есть аксиома: чтобы хорошо управлять, надо прежде всего знать объект управления. Однако реалии расходятся с этим правилом: правители-реформаторы конца XX века не только не считались с фундаментальными свойствами нашего национального характера и цивилизационного типа (приоритет коллективистских духовных ценностей, обостренное чувство социальной справедливости, осуждение обмана и несправедливо нажитого богатства, полное и абсолютное непризнание частной собственности на землю, необходимость высокой цели (общенациональной идеи), сплачивающей весь народ, сильная власть как опора и основа национальной идентичности и условие выживания в режиме перманентного силового, более того, агрессивного давления извне, антибуржуазность и неиндивидуалистичность и др.), но и пытались сознательно навязать иные ценности, обрушив на россиян колоссальный поток так называемой американщины через электронные и другие средства массовой информации. Но основы российского цивилизационного типа оказались прочными и в целом выдержали этот натиск. Стало ясно, что власти, если она не хочет гибели российской цивилизации, надо ослабить попытки встроить ее в сущностно чуждый тип и не на словах, а на деле считаться с вектором развития общества, определяемым пока самым многочисленным русским этносом, а также другими, близкими ему по исторической судьбе народами России.

Как отмечает политолог Т.М. Полякова, «предложенные реформаторами технологии установления новых общественных отношений, ориентированных на западные ценности, скоро утратили свой социальный смысл» и, более того, «конфликт ценностей стал одной из причин углубления кризиса всех сфер жизни общества, обусловил политическое противостояние и этнополитические конфликты, негативно влияя на состояние политического управления в стране» [5, с. 66]. И, очевидно, добавим от себя, не только поли-

тического, но и государственного и муниципального.

Важный фактор складывания исторической судьбы России – это, безусловно, ее внешнеполитический курс. Наша страна всегда жила в условиях постоянной агрессии извне. История бесчисленных нападений на Русь хорошо известна, по меньшей мере, с VI века. Сначала авары, потом хазары вторгались в земли восточных славян. Подсчитано, что печенеги нападали на Русь в общей сложности 121 год, половцы – 150 лет. Затем русские княжества оказались в изнурительной зависимости от Золотой Орды и вели войны с германцами, шведами, поляками, литовцами, французами, турками и т. д. Уязвимое положение русского централизованного государства было связано с незащищенностью его границ естественными преградами, такими, как моря, проливы, высокогорные хребты – в отличие от США, Англии, Испании, Японии и многих других стран. Редкое население, разбросанное на огромных пространствах, не могло оперативно ставить вооруженные заслоны на пути агрессора, что вело к большим человеческим жертвам и материальным потерям. Поэтому среди функций власти у восточных славян на первый план выходила организация эффективной обороны. В этих условиях государство как организованный институт управления, становилось, по сути, единственной реальной силой, способной организовать отпор врагу. Понятно, что власть должна была быть в соответствующей форме – централизованной, способной обеспечить оперативность управления, но при этом иметь и поощрять институты самоуправления населения оказывать эффективную помощь государству «снизу». Власть должна была быть легитимной, чтобы иметь полное право требовать от народа адекватные моменты силы и средства, подчас чрезмерные. Такое поведение власти было обусловлено тем обстоятельством, что противник чаще превосходил русских в численности или вооружении (ордынцы, германцы и др.).

Не имея подчас возможности противостоять противнику силами войска, русские были вынуждены сопротивляться партизанскими методами, защищая свою землю любыми способами, причем делали это настолько эффективно, что захватчики никогда

не чувствовали себя на русской земле победителями: они постоянно пребывали в ожидании получить «глухой удар по черепной коробке».

Эффективно действующий механизм государственного управления в силу больших пространств, многонационального состава населения России, протяженности ее границ и других причин был необходим практически всегда. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Е.Н. Моцелкова: «Исторически достоверным является и то обстоятельство, что жесткая власть была более адекватна в России не только в экстремальных, но в целом нормальных, спокойных условиях. Именно такая власть становилась опорой и основой национальной самодостаточности и идентичности... Она обеспечивала стабильность общества, наиболее оптимальное соотношение различных социальных интересов...» [6, с. 70].

Национальное сознание было пронизано ощущением невозможности выживания без сильной государственной организации. Отношение к ней как к гаранту спасения приводило, в буквальном смысле, к обожествлению правителей, которые на первое место в своей деятельности ставили усиление собственной страны, поднятие геополитической мощи до самого высокого уровня. Народ привык к тому, что проводимые сверху преобразования диктуются прежде всего интересами сохранения национальной безопасности, и почти никогда этому не противодействовал. И, наоборот, национальное самочувствие резко ухудшалось, если слабели геополитические позиции России и ее армия, и обороноспособность в целом. Объективно сложилось так, что именно многовековая изнурительная борьба с интервенцией сделала национальное сознание оборонным. И это происходило не в силу какой-либо природной агрессивности русских, а под влиянием многократных нападений извне, тяжелых потерь, многовековых бедствий и страданий населения.

Геополитический фактор повлиял также на размеры территории России, на расселение русских на огромных пространствах Евразии. Они отодвигали свои рубежи к так называемым естественным границам (моря, океаны, другие преграды). К присоединявшимся народам русские относились преимущественно

шественно по-братски, помогая преодолевать трудности, оберегая от набегов, грабежей и междоусобиц. Национальная политика в России, СССР, Российской Федерации была преимущественно охранительной, патерналистской, отнюдь не колониальной. Были исключения из этого правила, но у них имелись специфические причины.

Россия стала самой крупной по территории страной мира как в силу геополитической составляющей, так и коллективистских свойств национального характера, нацеленного на изначально доброе отношение к соседу, независимо от его национальности. Конечно, со временем черты русского национального характера по ряду причин, в том числе от многовековой перегрузки внутренними и внешними трудностями, менялись не всегда в лучшую сторону, но это другая, крайне непростая тема для исследователей.

Обзор основных факторов исторической судьбы родственных народов России позволяет сделать вывод о том, что цивилизационная специфика нашей страны порождена целым комплексом объективных, как правило, неблагоприятных условий: наше население постоянно затрачивает на выживание больше сил и средств по сравнению со среднемировой планкой. Это обстоятельство ставит российский народ в невыгодное положение по сравнению с зарубежными соседями и требует обязательного компенсирования. Таким компенсатором можно считать только государство, берущее на себя роль защитника народа от каких-либо сил и действий, отягчающих его и без того нелегкое существование. При этом государство должно в полной мере отдавать себе отчет в том, что народ как носитель цивилизационного типа движется по своему вектору развития, и попытки заставить его играть по чужим правилам в конечном счете губительны и для народа, и для государства.

Идеолог российской государственности А.А. Проханов назвал государство высшей ценностью народов России [7, с. 1], а это значит, что главным критерием оценки всех элементов политической системы России и всех ее граждан, независимо от их национальной принадлежности, является деятельное (основанное на готовности к сотрудниче-

ству) отношение к государству как гаранту выживания и развития страны.

Список литературы

1. Экономическая география России. М., 2005.
2. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5.
3. Моисеев Н.Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? М., 1996.
4. Янин И. Культура против кризиса, или искусство жить в России. Калининград, 1999.
5. Полякова Т.М. Менталитет полиэтничного общества как фактор выбора технологии политического управления // Этнопанорама. 1999. № 2.
6. Мошchelков Е.Н. Переходные процессы в России. М., 1996.
7. Проханов А.А. Государство превыше всего // Завтра. 2016. № 40.

Reference

1. *Ekonomicheskaya geografiya Rossii* [Russian economical geography]. Moscow, 2005. (In Russian).
2. Milov L.V. Prirodno-klimaticheskiy faktor i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsesssa [Natural and climatic aspect and specificity of Russian historical process]. *Voprosy istorii – History questions*, 1992, no. 4-5. (In Russian).
3. Moiseev N.N. *Agoniya Rossii. Est' li u nee budushchee?* [Agony of Russia. Does it have future?]. Moscow, 1996. (In Russian).
4. Yanin I. *Kul'tura protiv krizisa, ili iskusstvo zhit' v Rossii* [Culture against crisis or art of living in Russia]. Kaliningrad, 1999. (In Russian).
5. Polyakova T.M. Mentalitet polietnicheskogo obshchestva kak faktor vybora tekhnologii politicheskogo upravleniya [Mentality of polyethnic society as an aspect of choosing technologies for political management]. *Etnopanorama – Ethnopanarama*, 1999, no. 2. (In Russian).
6. Moshchelkov E.N. *Perekhodnye protsessy v Rossii* [Transitional processes in Russia]. Moscow, 1996. (In Russian).
7. Prokhanov A.A. Gosudarstvo prevyshe vsego [State is above all]. *Zavtra* [Tomorrow], 2016, no. 40. (In Russian).

Поступила в редакцию 27.06.2016 г.
Received 27 June 2016

UDC 93/94

ABOUT THE FACTORS OF STATE'S ORGANIZING ROLE OF IN RUSSIAN CONDITIONS

Vladimir Petrovich SEMYANINOV

Doctor of History, Professor, Professor of Personnel Administration Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

Petr Vladimirovich SEMYANINOV

Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of Personnel Administration Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

E-mail: pitsem@mail.ru

The characteristics of basic factors influencing the formation and specifics of Russian civilized type with the objectively high role of state as a compensator of difficulties of Russian people existence are presented. The bad conditions of life activity are marked determining the model of state government. The danger of liberal theory of economics denationalization for countries, having some natural difficulties, climate first of all, is discussed. The quote of climate determining such features of Russian people as collective union and sharp sense of social justice, community nature of life activity and high role of state considering overcoming the survival difficulties in the coldest country of the world is considered. The severe natural and climate conditions increase the labour inputs and other things on human's life-support. The natural factor caused the people to choose such consolidating forms of life activity as commune, work collective, state. National consciousness was filled with the feeling of inability to survive without strong state organization.

Key words: civilizational specifics of Russia; role of state in Russian conditions

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-116-122

Информация для цитирования:

Семьянинов В.П., Семьянинов П.В. О факторах организующей роли государства в российских условиях // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 116-122. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-116-122.

Sem'yaninov V.P., Sem'yaninov P.V. O faktorakh organizuyushchey roli gosudarstva v rossiyskikh usloviyakh [About the factors of state's organizing role of in Russian conditions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 116-122. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-116-122. (In Russian).

ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ¹

© Татьяна Сергеевна ПРОНИНА

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
директор Центра религиоведческих исследований
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tania_pronina@mail.ru

Религиозное возрождение, пережитое Россией в постсоветский период, является предметом пристального изучения и получает неоднозначную оценку исследователей. Данный феномен объединил в себе сложные процессы, имеющие разнонаправленный и противоречивый характер. Качественные и количественные показатели этого возрождения могут получить объективную оценку только при выяснении предшествующих им культурно-исторических предпосылок. Историко-сравнительный анализ, включающий сравнение основных проявлений религиозности в их пространственно-временном измерении, указывает на наличие в советской действительности условий, предопределивших «ревитализацию» религии в постсоветский период. Среди основных причин «религиозного возрождения» названы сохранение религиозности населения на уровне обрядов и бытовых традиций, воспроизводство практикующей религиозности в узком кругу глубоко верующих людей и рост интереса к религии в 1970-е гг. в различных слоях советского общества. Предпринят анализ данных по двум областям: Тамбовской и Свердловской, которые обнаруживают различия в характере религиозности населения, предопределенные историко-культурными процессами. Это позволило прийти к важным выводам о механизмах сохранения и воспроизводства религиозности. В исследовании использованы документы региональных архивов, воспоминания очевидцев описываемых событий, собранные в ходе полевых исследований.

Ключевые слова: религия; религиозность позднего советского периода; религиозные практики; религиозное возрождение

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134

В постсоветский период Россия пережила религиозное возрождение. Однако данный феномен объединил в себе сложные процессы, имеющие разнонаправленный и противоречивый характер. Качественные и количественные показатели этого возрождения могут получить объективную оценку только при выяснении предшествующих им культурно-исторических предпосылок. Историко-сравнительный анализ, включающий сопоставление основных проявлений религиозности в их пространственно-временном измерении, указывает на наличие в советской действительности условий, предопределивших «ревитализацию» религии в постсоветский период. Среди основных причин следует называть сохранение религиозности населения

на уровне обрядов и бытовых традиций, воспроизводство практикующей религиозности в узком кругу глубоко верующих людей и рост интереса к религии с 1970-х гг. в различных слоях советского общества.

Официальные опросы позднесоветского периода свидетельствуют о почти полной «безрелигиозности» населения. Такие данные в полной мере находились в соответствии с господствующими идеологическими установками и должны были подтвердить советский постулат о религии как об уходящем в прошлое анахронизме.

Однако сопоставление информации, полученной из различных источников, ставших доступными современным исследователям, воспоминаний очевидцев, позволяют сделать вывод о наличии устойчивой «скрытой» религиозности советских людей. Многие элементы обрядности, прежде всего, обряды жизненного цикла и праздничные ритуалы, ставшие частью общекультурной традиции,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в пост-секулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

функционируют на уровне долговременных слоев этнокультурной идентичности, что и определяет их устойчивое сохранение во времени.

Данные официальных отчетов советского периода отражают ситуацию искаженно и весьма неполно. Более объективную картину позволяет воссоздать дополнение этих данных свидетельствами очевидцев, участников событий, информацией из материалов церковных и личных архивов. В ходе бесед, встреч исследователи стремились выявить внешние признаки, подтверждающие наличие религиозности у граждан в позднесоветский период: это могли быть разговоры о вере и религии в семье, совершение обрядов: молитв, крещений, похоронных ритуалов, присутствие традиций, связанных с религиозными праздниками и т. п. Благодаря таким изысканиям картина религиозности советского и позднесоветского времени стала меняться, обнаруживая существенные отличия от официальных отчетов, и показала гораздо более высокий уровень религиозности населения.

Официальные документы подтверждают, что в послевоенный период наблюдалось значительное повышение активности религиозных объединений и верующих. Исследователи, например, М.И. Одинцов, характеризуют первое послевоенное десятилетие как религиозное возрождение [1, с. 310]. Это отражается и в росте количества ходатайств об открытии храмов, и в активизации деятельности незарегистрированных религиозных групп. Согласно «Сведениям об изменениях в православных церквях, молитвенных домах и монастырях по Тамбовской области» и «Информационному докладу», подготовленному Уполномоченным по делам Русской православной церкви по Тамбовской области Н.К. Павловым за 1945 г., в рассмотрении находится 25 заявлений с ходатайствами об открытии церквей, 40 ходатайств уже отклонено. Только за четвертый квартал 1945 г. подано 5 заявлений, открыто 8 церквей, за второй квартал 1946 г. подано 17 заявлений [2, л. 4, 22]. В 1946 г. в Тамбовской области 24 действующих церквей, в 1947 г. их уже 43 [2, л. 83]. Зарегистрировано за четвертый квартал 1945 г. 10 священнослужителей, за первый квартал 1946 г. еще 8 [2, л. 19]. О росте активности религиозной жизни свиде-

тельствует и увеличение числа обращений верующих к Уполномоченному по делам РПЦ: первый квартал 1946 г. – 225, второй квартал 1946 г. – уже 400 обращений [2, л. 22]. Аналогичная картина наблюдалась и в Свердловской области. В 1943 г. была восстановлена Свердловская епархия. Уже в 1944 г. от верующих Свердловской области поступило 93 ходатайства об открытии храмов, из них было удовлетворено 4, в 1945 г. поступило 79 ходатайств, была открыта одна церковь [3].

Об оживлении религиозной жизни говорит и рост церковных сборов на патриотические взносы от Тамбовской епархии: четвертый квартал 1945 г. – 87022 руб., первый квартал 1946 г. – 118852 руб. [2, л. 3, 26]. В архивных документах также хранится Справка от 15 июня 1946 г., предоставленная Уполномоченному секретарем Тамбовского епископа протоиереем И. Леоферовым о подписке на «Заем на восстановление народного хозяйства» в размере 383325 руб. [2, л. 34]. Общее количество денежных средств, внесенных церковными общинами Свердловской области на государственные счета в 1941–1945 гг., составило 15579 тыс. руб. [3].

Но в этот же период параллельно продолжается процесс закрытия храмов, репрессии в отношении священнослужителей и активных верующих, которых обвиняют в антисоветской деятельности, нарушении советских законов. Так, в 1949 г. в Свердловской области предпринят целый ряд негативных административных мер в отношении церкви и духовенства: в храмах были отключены электрическое освещение, водопровод, сняты телефоны. Усилено налогообложение священнослужителей [4, с. 85]. Позже, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» от 13 января 1960 г., власти начали изымать причтовые дома и автомашины, находившиеся в пользовании общин. В ряде городов были созданы группы содействия уполномоченным по делам религии для усиления мер по реализации постановления [4, с. 90].

Таким образом, численность духовенства Свердловской епархии с 74 человек в 1959 г. сократилась к 1961 г. до 58. В 1960 г. в сан было рукоположено два священника, в последующие три года – ни одного. Общее ко-

личество действующих церквей в 1949 г. было 33, к 1962 г. их оставалось 29 и 4 молитвенных дома. Для сравнения: в 1913 г. в Свердловской епархии насчитывалось 591 церковь, 725 часовен и молитвенных домов [5].

Если говорить об активности религиозных практик, по свидетельству очевидцев, в 1940–1960-е гг. уровень их был довольно высоким. Этот вывод получает и документальное подтверждение в материалах отчетов Уполномоченных по делам религий, материалах из архивов церквей, которые стали доступны исследователям в последние десятилетия, а ранее тайно хранились верующими.

Так, в Покровском храме г. Тамбов в этот период, по рассказам горожан, праздничные богослужения, несмотря на запреты и препятствия, посещали до 2500 человек, хотя вместимость тамбовского Покровского собора – 500 человек. По свидетельству очевидцев тех лет, которые приводят М.Г. Нечаев, иерей В.А. Мусихин в книге «История Екатеринбургской епархии»: «Число причастников в кафедральном соборе эти дни (праздничные дни. – *Т. П.*) составляло 700–800 человек ежедневно, а священников служило всего трое» [6, с. 487]. Авторы также приводят фрагмент из доклада настоятеля нижнетагильской церкви протоиерея Николая Лопатина правящему архиерею, подтверждающий участие большого числа верующих в богослужениях в Свердловской области: «значительная посещаемость нашего храма мужской молодежью, ее участие в домашнем богослужении, которое мы совершаем по вызову старших, их участие в качестве восприемников при крещениях и, наконец, самостоятельное восприятие ею святых тайнств Церкви – браки, исповеди и причащение» [6, с. 491]. Такие данные вполне сопоставимы с данными по посещению православных богослужений в 2000-е гг. Для сравнения – в 2012 г., «рекордном» по посещению храмов, как отмечали источники Патриархии, пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя в Москве посетили 6 тыс. человек [7].

О сохраняющейся религиозности населения в советский период свидетельствует также посещение верующими «святых мест», которые в официальных документах были упомянуты как «так называемые святые места». В Тамбовской области проблема палом-

ничества к «святым местам» стояла столь остро, что был разработан целый план мероприятий по прекращению подобных посещений: чтение лекций, проведение собраний, беседы с врачами, ограждение, строительство вблизи источников животноводческих объектов. О распространенности практики паломничества говорит то, что только за 1959 г. этому посвящено несколько докладных записок Уполномоченного по делам РПЦ и религиозных культов по Тамбовской области А.И. Заворыкина. Весьма характерны и методы противодействия: «построить в районе источника птицеферму и под предлогом занесения инфекционных болезней запретить посещение источника», «на территории источника села Вязовое Жердевского района строится летний лагерь для свиней» [8, л. 27-28, 37, 52-55] и т. п. Однако тот же А.И. Заворыкин признает, что, например, не удастся прекратить многочисленные паломничества к озеру в Мамонтову пустынь в день памяти Николая Чудотворца.

Приведем более подробные сведения по Тамбовской области, которые также подтверждают относительно высокий уровень религиозной активности жителей в советский период: только по официальным отчетам 1965 г., более 53 % рождающихся детей были крещены, такая же ситуация сохраняется и в 1970-е гг. В Свердловской области в 1968 г. было совершено 4956 крещений и 247 венчаний [6, с. 498].

Но большое число крещений совершалось священниками в обход церковной регистрации. Также значительное число крещений, за неимением священника, совершалось так называемыми «бабушками», «черничками», старающимися поддерживать и сохранять при отсутствии священнослужителя религиозные традиции. Таких, не попадающих в официальную статистику крещений, по мнению некоторых современников, было не меньше совершаемых официально, и крестили в послевоенное время, в 1950-е, 1960-е гг. до 80 % рождающихся детей.

В «Информационно-отчетном докладе о состоянии движения и деятельности церковников в Тамбовской области за 1959 г.» от 29 января 1960 г. Уполномоченного А.И. Заворыкина представлены сведения о совершении обрядов по годам. Исповедовавшихся взрослых за год: 1955 г. – 131679 человек,

1958 г. – 132285 человек, 1959 г. – 153741 человек; детей: 1955 г. – 15909, 1958 г. – 11025, 1959 г. – 10108. Количество присутствовавших на Пасхальной заутрени: 1955 г. – 107035 человек, 1958 г. – 88033, 1959 г. – 98464 человека. Это составляло в среднем около 6,5 % населения области по подсчетам самого Уполномоченного, то есть реально уровень исполнения обрядов был еще выше. Причем в сельских приходах, согласно тому же официальному отчету, присутствовало на праздничных богослужениях до 30 % тогда еще многочисленного населения сел. Приложившихся к Плащанице: в 1955 г. – 166070 человек, в 1958 г. – 142446, в 1959 г. – 150942, что соответствует 11 % населения [2, л. 148-181]. Названные цифры вполне сопоставимы с современными аналогичными показателями. Общий вывод Уполномоченного с учетом исполнения таких обрядов, как исповедь, крещения, отпевания, посещение Пасхальных служб, обряды исполняют 11 % населения области.

Если сравнивать эти показатели с данными сегодняшних дней, то следует отметить, что в структуре религиозных практик современных россиян произошли определенные изменения. Так, крещений совершается значительно больше – до 80 % от родившихся, тогда как по отчету Уполномоченного в 1950-е гг. их совершалось 31,5 % от всех родившихся. Но в официальном отчете не учитывались крещения, как уже отмечалось, совершенные без церковной регистрации. В действительности, крещений было значительно больше, чем указывалось в официальных отчетах.

Массовый характер у современных россиян также приобрело посещение праздничных богослужений – около 10 % населения посещают ночные Рождественские и Пасхальные богослужения. Что же касается других обрядов, требующих регулярного исполнения, таких как исповедь, причастие, еженедельное посещение богослужений и др., исследователи фиксируют уровень от 2 до 6 %, что не превышает показатели 1960-х гг. и даже ниже.

На основании анализа официальных документов можно сделать вывод, что приверженность традиционным религиозным практикам сохранялась у определенной части населения и в годы жестких ограничений рели-

гиозной жизни и активной антирелигиозной пропаганды.

Данный вывод подтверждают и свидетельства очевидцев, по словам которых в большие религиозные праздники действующие храмы были переполнены, верующие заполняли и прилегающие к церквям территории. К примеру, в единственном действующем храме г. Тамбов в 1970-е гг. по воскресным дням служили по 3 литургии, чтобы удовлетворить потребность всех желающих принять участие в богослужении (Справка атеистов о посещении церкви 28 февраля 1965 г.) [9, с. 359]. М.Г. Нечаев и В.А. Мусихин отмечают, что и в городах Свердловской области из-за наплыва верующих из деревень церкви не могут вместить всех желающих, и в ряде храмов сооружаются дополнительные приделы [6, с. 492].

Об уровне религиозной активности населения в 1960–1970-е гг. косвенно свидетельствует такой показатель, как размеры церковных сборов. К примеру, в 1965 г. годовой оборот Тамбовской епархии составлял 1365596 руб. Сумма по советским меркам огромная. Даже если учесть, что основная статья дохода епархий – это продажа свечей (около 50 %), тогда как прямые пожертвования составляли около 10 %, а требы от 3 до 20 % (данные по Тамбовской епархии), размеры церковных доходов говорят о количестве верующих, приобретающих свечи и совершающих обряды.

В 1970-х гг. многие исследователи отмечали спад религиозности населения, который имел место в силу объективных причин. Одна из них – активные процессы переселения сельских жителей в город. Снижение уровня религиозности части переселившихся объясняется целым рядом социокультурных факторов. Большинство из новоявленных горожан устраиваются работать на промышленные предприятия, где активно действует парткомитет, комсомольская организация, уделяющие внимание антирелигиозной пропаганде. Переселившиеся, кроме того, отрываются от традиционных устоев, уходят от влияния пожилых, более религиозных, родственников [10].

Снижение религиозности населения было и следствием атеистической политики Советского государства, репрессий 1920–1930-х гг. в отношении верующих, священнослужите-

лей, религии в целом, сворачивания государственного курса терпимого отношения к религиям и религиозным объединениям, обозначившегося в 1943 г., уже к концу 1940-х гг. и развернутой с конца 1950-х гг. новой антирелигиозной кампании. В результате к середине 1960-х гг. существенно сократилось число действующих церквей, приходов, монастырей, молитвенных домов, мечетей, синагог, религиозных учебных заведений [11].

Так, по архивным данным, в г. Нижний Тагил Свердловской области в 1970 г. число посетителей единственного действовавшего в городе Казанского храма в дни крупных религиозных торжеств упало до 400–600 человек, снизившись в 4–6 раз по сравнению с концом 1950-х гг. [12, л. 397; 13, л. 289]. Также в единственной действующей церкви г. Свердловск в 1970-е гг. ее наполняемость колебалась от 40 человек в будние дни до 800 человек в дни церковных праздников [14, л. 3].

Прямые опросы, проводившиеся в этот период, скорее также подтверждают выводы о почти полной безрелигиозности советских граждан. Так, по результатам исследований М.Ф. Калашникова, в начале 1970-х гг. в г. Пермь и области лишь 1,2 % молодых людей заявили о своей религиозности в традиционной форме веры в бога. При этом в 3–4 раза больше человек признались в том, что верят в различные сверхъестественные явления. Те же тенденции наблюдались и при опросе работников промышленных предприятий г. Свердловск. Причем исследователь В.И. Колосницын, проводивший опросы, уточнял, что «около половины являлись высококвалифицированными служащими и инженерно-техническими работниками» [15, с. 48–49].

Вместе с тем динамика религиозности в 1970-е гг. также имела противоречивый характер. М.В. Булавин, исследовавший православную религиозность Свердловской области в 1970-е гг., приводил следующие показатели, свидетельствующие о спаде религиозной активности: «Так, в 1971 г. ... в Свердловской области было окрещено – 7,4 %. Доля крещеных детей несколько уменьшилась ко второй половине 1970-х гг., составив в 1976 г. ... 4,6 % в Свердловской области» [15, с. 47]. В целом в 1970 г., согласно официальным отчетам, в РПЦ было окрещено 21 %

всех детей, родившихся в СССР, и 22,3 % – в РСФСР [16, л. 85].

Картину дополняют и сведения, полученные в ходе опросов: большинство крещений младенцев совершается не по религиозным мотивам, а в связи с соблюдением семейных традиций: 30–40 %, по некоторым данным – до 70–77 %, 30–40 % (в некоторых случаях – до 74–88 %) – по настоянию верующих родственников [17, с. 9].

Однако исследователи тех лет характеризуют ситуацию, не всегда раскрывая сложность реальных процессов и не считая нужным обращаться к альтернативным источникам информации. Так, существенное уменьшение количества крещений, фиксируемых официальными советскими документами, в первую очередь отражает кардинальное сокращение численности действующих приходов и священников, имеющих возможность совершать крещение в церкви с оформлением квитанции через церковную кассу и учетом треб – информация об этом должна была поступать к Уполномоченному Совету по делам религий. Как пишет заведующий архивом Тамбовской епархии О.Ю. Левин в статье «Религиозная жизнь православных христиан Тамбовской области 1974–1985 гг.»: «Сведения о крещаемых, их родителях, восприемниках заносились в специальный журнал и при случае, по месту работы сообщалось о факте крещения ребенка. За это следовало наказание вплоть до увольнения с места работы. Это был достаточно действенный механизм для борьбы с обрядностью, но, тем не менее, председатели Комиссий из года в год констатировали, что обрядность по-прежнему остается высокой (примерно на уровне 50 % от родившихся), а доходы храмов растут» [18, с. 16].

Таким образом, указанные низкие показатели весьма односторонне отражают положение. Они не учитывают требы, в том числе крещения, которые совершались вне церкви, или в обход церковной регистрации. Необходимо также принимать во внимание не подлежащую официальному учету и строгому надзору внецерковную религиозность, проявляющуюся в отправлении обрядов крещения младенцев, других треб священниками, не имеющими регистрации в епархиях, монастырях, мирянами. Масштабы ее распро-

странения, по свидетельствам современников, были значительными.

Кроме того, официальные данные существенно отличаются по регионам. В тех из них, которые не подверглись масштабной индустриализации и не произошел значительный отток населения, даже данные официальных отчетов отражают сохранение религиозности населения на уровне исполнения обрядов. Так, по «Сведениям о доходах церкви и обрядности по Тамбовской области за 1968 г.», предоставленным Уполномоченным в Совет по делам религий, было совершено 9405 крещений, 8504 отпевания [19, л. 1, 20]. В 1975 г. крещений совершено 9138, что составило около 60 % от гражданских актов регистрации [20, л. 21-23]. В 1980 г. крещений 7288 – это 41 % от родившихся, и 9599 отпеваний [21, л. 1]. В 1987 г. крещений 7737, что составило 39 % от всех родившихся, отпеваний 10815 – 58 % от умерших [22, л. 1-3]. Следует также учитывать, что общие цифры в отчете приводятся средние, тогда как разброс по населенным пунктам по исполнению названных обрядов от 16 до 85 %.

В 1968 г. в Свердловской епархии было совершено 4956 крещений и 247 венчаний. По мнению исследователей, уровень религиозности населения за Уралом был ниже, чем в центральных областях страны, что объясняется тем, что эти регионы были в большей степени затронуты процессами переселения людей, прибывающих для строительства промышленных предприятий и отрывающихся от традиций, влияния старшего поколения [6, с. 499].

Данное различие по областям сохраняется и в постсоветский период. Так, по данным исследования 2014 г., проводившегося Центром религиоведческих исследований Тамбовского университета, 81,5 % жителей Тамбовской области назвали себя верующими, при этом 87,2 % жителей идентифицировали себя в качестве православных. А по данным проекта Арена в Свердловской области, которая по численности населения превышает Тамбовскую область в четыре раза, в качестве православных себя идентифицировали 33 %, 36 % констатировали, что верят в высшую силу, но не принадлежат ни к какой религии. Существенно различаются и показатели регионов по количеству атеистов: в

Тамбовской области – 4,5 %, в Свердловской области – 13 %.

Итак, можно констатировать, что показатели по совершению таких обрядов, как крещение, отпевание, посещение праздничных богослужений стабильно сохраняются на протяжении позднего советского периода, а к концу 1980-х гг. начинают расти.

Сохраняются на высоком уровне и даже демонстрируют рост доходы православной церкви: например, в 1980 г. – общая сумма доходов Тамбовской епархии 2757091 руб. [19, л. 21], в 1987 г. – 3577666 руб. [20, л. 24]. И основные статьи доходов составляют продажа свечей и предметов культа, исполнение обрядов, пожертвования, что также косвенно позволяет говорить о количестве верующих. Причем приведенная официальная статистика отражает минимальные показатели по названным статьям, действительные цифры были еще больше. Таким образом, и в поздний советский период на уровне исполнения обрядов сохраняется религиозность населения.

В 1970-е гг. исследователи фиксируют новую тенденцию в развитии религиозности различных слоев населения: одновременно при снижении количества «детских» крещений, в этот же период наблюдается рост числа «взрослых», то есть сознательных, крещений. Так, в 1971 г. в Свердловской области в 1971 г. крещение приняли 317 взрослых, в 1980 г. – 972 человека [23–25]. Рост «взрослых» крещений происходит и в Тамбовской области по официальным данным. Если, согласно официальным отчетам, идет почти двух-, трехкратное увеличение, то в реальности таких крещений было еще больше. Динамика очень значительная, и она свидетельствует о существенных изменениях, происходящих в мировоззрении советских граждан. Конечно, религиозное обращение, интерес к религии в этот период еще не носили массового характера.

Среди причин такого намечающегося всплеска интереса к религии в советских документах назывались следующие, носящие пропагандистский характер: «влияние старших родственников», «суеверное поведение», пресловутое «влияние западной пропаганды» [15]. В действительности причины заключаются в более сложных мировоззренческих трансформациях, в неудовлетворенности некоторой части граждан господ-

ствующей идеологией и, что немаловажно, в сохраняющейся преемственности по отношению к традиционной религиозности, воспроизводство которой обеспечивает исполнение обрядовой, культовой деятельности.

Проведенный анализ, на наш взгляд, выявляет противоречивую динамику религиозности населения в указанный период. С одной стороны, наблюдается некоторое снижение такого показателя традиционной религиозности, как посещаемость храмов. Однако в различных регионах России она обнаруживает себя по-разному: наибольшее снижение наблюдается в городах, в которые переселилось значительное число людей, задействованных на строящихся крупных промышленных предприятиях, стройках. Новые жители, оторвавшись от своих привычных мест проживания, утрачивают частично и прежние традиции, в том числе религиозные. Как пишет исследовательница Н. Макарова: «Перспективы и польза строительства новых городов на девственной земле, произведенного без помех, создаваемых традициями и предубеждениями прошлого, неоднократно отмечались лидерами советского государства. При создании новых городов их ключевой особенностью и главным достоинством, по мнению идеологов культурной революции, было отсутствие исторической памяти, прошлого в любых его проявлениях, в том числе и в религиозном» [26, с. 158].

В регионах же, не затронутых столь значительными процессами переселения, показатели традиционной религиозности не переживают такого кардинального упадка. Так, в Тамбовской области, в которой внешние миграционные процессы были незначительны, но имел место отток сельского населения в города, единственный действующий в городе храм посещают в воскресные дни 1000–1500 человек, на Пасху праздничные богослужения в субботу, воскресенье присутствуют до 4 тыс. народа. Это по официальным отчетам, предоставляемым уполномоченным. По свидетельствам очевидцев, имеющим порой выражено субъективный характер, храм в праздники посещало огромное количество народа, в том числе молодые люди, семьи с детьми, мужчины в возрасте 50–60 лет, интеллигенция, то есть те категории граждан, которых многие исследователи религиозности советского периода почти не выделяют

среди верующих [9, с. 359]. Посещаемость воскресных и праздничных богослужений в сельских храмах даже по официальным отчетам Уполномоченных, как мы уже отмечали, доходила до 30 % населения.

О сохраняющейся религиозности советских людей косвенно свидетельствует и такая особенность, на которую указывают ряд исследователей, характеризуя указанный период, как формирование своеобразного «советско-религиозного двоеверия», или своего рода социального конформизма, что проявлялось, например, в сочетании регистрации гражданского брака с церковным венчанием. Это явление широко распространено среди сельской молодежи еще в 1950-е гг. К примеру, в письме «Об антирелигиозной пропаганде в Бондарском районе» (Тамбовская область) от 8 июля 1954 г. А. Артемов приводит следующие факты: девять молодых колхозников венчались, из них четверо комсомольцы, и даже секретарь комсомольской организации. При том, что в самой комсомольской организации состоит около двадцати человек [9, с. 320–322]. Но в 1970-е гг. факты венчания встречаются гораздо реже.

Советское государство, пытаясь бороться с сохраняющейся религиозностью, в 1960-х гг. попыталось внедрить в бытность социалистическую обрядность, надеясь, что ее массовое распространение вытеснит религиозные обряды. Но результаты такого предприятия не оправдали ожиданий. С. Такахаси пишет: «Для многих людей проведение официальных советских ритуалов не противоречило поведению в соответствии с религиозными традициями» [27, с. 342].

Для того чтобы делать выводы о существовании устойчивого явления своеобразного «советско-религиозного двоеверия», на наш взгляд, основания есть. В пользу этого говорит формирование у некоторых верующих не просто терпимого или индифферентного отношения к проявлениям советской жизни, а оправдательно-положительного. Так, среди собранных нами воспоминаний верующих есть относящийся к 1960-м гг. рассказ Т.А. Рязановой. По ее словам, многие верующие женщины со временем начинали спокойно воспринимать участие своих детей в различных пионерских мероприятиях и даже само вступление в пионеры. Трансформация восприятия происходит под влиянием

повседневной действительности, и верующие матери начинают считать вполне совместимыми веру в бога и пионерскую деятельность, которая в таких своих проявлениях, как помощь старшим, забота о младших, честность, бескорыстность и т. п., соответствовала нормам христианской морали. Из воспоминаний Т.А. Рязановой: «Торжественно меня в пионеры не принимали. Так, бегала по школе, ко мне подошли, спросили: ты почему без галстука бегаешь? Я прихожу к маме, говорю, что требуется галстук. Она купила мне, повязала и я хожу, «пионерка». Как-то я услышала разговор между соседями, что верующим нельзя в пионеры вступать. Я дома маму спросила об этом, а она говорит: «Как все, так и ты» (Воспоминания Рязановой Тамары Алексеевны, 1939 г. р. Запись сделана 2 декабря 2012 г. – Т. П.).

Наблюдался также рост интереса советских людей к религиозным представлениям и парарелигиозным учениям. Это было обусловлено сложными социальными процессами, среди которых – кризис господствующей идеологии, вызывающий духовные поиски в среде интеллектуалов, жизнеспособность религиозных обычаев и укорененность многих культурных ценностей в религиозных традициях, что обеспечивало преемственность в сохранении и самих религиозных традиций. В результате, по мере ослабления государственной репрессивной политики в отношении верующих и религиозных объединений происходит естественное обращение некоторой части граждан к религии.

В марте 1988 г. на встрече с преподавателями Высшей партийной школы председатель Совета по делам религий К.С. Харчев в своем докладе констатирует: «В настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет. Каждый год производится 1 млн отпеваний, это 20–30 % покойников... 30 % младенцев крестят... 70 % верующих – это вам не шутки...» [28, с. 216–218].

Таким образом, процессы, происходящие в религиозной сфере в поздний советский период и в постсоветской России, взаимосвязаны и социально обусловлены.

В позднесоветский период в условиях ограничения деятельности верующих и религиозных организаций религия также присутствовала в жизни советских людей на уровне

ценностей культуры, праздничных ритуалов и обрядов, связанных с событиями жизненного цикла (крещение, погребение). Сохранялась преемственность религиозных традиций по отношению к предшествующим периодам, когда религиозность еще носила массовый характер, что обеспечивало воспроизводство слоя религиозных людей и высокий уровень религиозности в категории людей 50 лет и старше.

В религиозности современных россиян наблюдается кардинальное расхождение между уровнем декларируемой религиозности и реальной религиозностью, предполагающей исполнение религиозных практик. По данным исследования Центра религиоведческих исследований Тамбовского университета, 87,9 % опрошенных назвали себя православными, при этом только 8 % опрошенных регулярно участвуют в жизни церкви, большинство же – более 60 % посещают богослужение по большим праздникам (Рождественское, Пасхальное богослужение) или в связи с такими событиями, как крещение, венчание, панихиды, прибытие икон, мощей, других святынь. Только 6 % опрошенных часто читают литературу религиозного содержания и 40 % вообще ее не читают¹.

Изучая динамику изменений в религиозности россиян, мы фиксируем процессы, которые описывает Г. Дэви по отношению к европейскому обществу: действительно религиозных людей становится все меньше, но качество их веры возрастает [29]. Отмеченные тенденции обнаруживает себя и в отдельных группах россиян. Так, произошло снижение доли верующих православных в среде образованных россиян, но при этом представители этой же группы стали активнее участвовать в религиозной жизни: в 2012 г. 12 % граждан с высшим образованием заявляли, что ежедневно молятся, в 2014 г. – их уже 14 %. В 2012 г. 3 % граждан с высшим образованием указали, что ежемесячно ходят на исповедь, в 2014 г. уже 7 % отметили, что причащаются раз в месяц и чаще [30].

В ходе исследований сотрудники Центра религиоведческих исследований Тамбовского университета также обнаружили рост по-

¹ Исследование Центра религиоведческих исследований ТГУ, 2011–2014 гг. Проводилось среди жителей Тамбовской области. Выборка 3200 человек. Метод: анкетирование.

казателей по участию в религиозных практиках в группе людей, уверенно называющих себя верующими: за последние 5 лет (сроки мониторинга, проводившегося в Тамбовской области, 3 опроса по 1350–1500 человек) увеличение показателя по регулярному посещению богослужения, церкви с 7–10 до 16–20 %.

Эту же тенденцию подтверждают результаты исследования, проводившегося с июня по сентябрь 2015 г. в Свердловской области среди прихожан православных храмов. Не реже одного раза в неделю посещают богослужение 60 % опрошенных, 44 % причащаются раз в месяц и чаще, 35 % соблюдают посты, регулярно читают Евангелие 38,5 %¹. В данной группе верующих, имеющих регулярную религиозную практику, происходит постепенный рост названных показателей, что свидетельствует о том, что самоидентификация сопровождается религиозными практиками, и характер последних становится все более регулярным и системным.

Однако данная тенденция пока проявляется только в среде верующих людей, имеющих регулярную религиозную практику, и не распространяется на значительное число россиян.

Таким образом, на основании проведенного историко-сравнительного анализа можно сделать вывод, что уровень активности религиозных практик в постсоветской России не претерпел существенных изменений в сравнении с уровнем исполнения религиозных практик в поздний советский период. Общая численность людей, регулярно отправляющих религиозные обряды, посещающих богослужения и религиозные собрания осталась приблизительно на таком же

уровне. Вторая тенденция в религиозности современных россиян также схожа с советскими показателями: высокий уровень исполнения религиозных практик присущ малочисленной категории глубоко верующих людей.

Список литературы

1. *Одинцов М.И.* «Вы примите силу, когда сойдут на вас Дух Святой...». СПб., 2012. 504 с.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 11.
3. Новая и новейшая история епархии. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/after1917> (дата обращения: 19.05.2016).
4. *Лавринов В., протоиерей.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. 334с.
5. *Лавринов В., протоиерей.* 120 лет Екатеринбургской епархии. История и современность. Екатеринбург: Тип. Екатеринбург. епархии, 2005. 31 с.
6. История Екатеринбургской епархии / авт.-сост. Е.М. Главацкая, А.В. Мангилева, И.Л. Манькова, В.А. Мусихин, М.Г. Нечаев, М.Ю. Нечаева. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2010. 551 с.
7. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2166192.html> (дата обращения: 14.01.2014).
8. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 45.
9. *Чеботарев С.А.* Тамбовская епархия 40–60-х гг. XX в. Тамбов, 2004. 380 с.
10. *Кокс Х.* Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. 261 с.
11. *Цытин В., протоиерей.* История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005 гг.). М.: Изд-во Срет. монастыря, 2007. 813 с.
12. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 872.
13. НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 1004.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2601.
15. *Булавин М.В.* Уровень православной религиозности на среднем Урале в 1970-е гг. // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4 ч. Ч. 2. С. 46–49.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 63. Д. 89.
17. *Иванов Б.В.* Сохранение религиозно-бытовых пережитков в условиях крупного промышленного города (к исследованию причин и мотивации совершения религиозного ритуала

¹ Социологическое исследование проводилось с июня по сентябрь 2015 г. Опрос проводился в трех городах Свердловской области: Екатеринбурге (1,5 млн жителей), Нижнем Тагиле (350 тыс. жителей), Кировограде (22 тыс. жителей). Гнездовая выборка составила 1081 человек, из них 644 – в Екатеринбурге, 320 – в Нижнем Тагиле, 120 – в Кировограде. В исследовании принимали участие респонденты, идентифицирующие себя как православные; опрос проводился в 15 приходах после воскресной службы, а также в будние дни в вечернее время. При анализе данных использовался метод кластерного анализа к-средних.

- крещения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 26 с.
18. Левин О.Ю. Религиозная жизнь православных христиан Тамбовской области 1974–1985 гг. // Философские традиции и современность. Тамбов. 2012. № 2. С. 15-19.
 19. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 358.
 20. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 386.
 21. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 302.
 22. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 338.
 23. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 389.
 24. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1961.
 25. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1962.
 26. Макарова Н. Город без церквей: религиозность в Магнитогорске в 1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 158-180.
 27. Такахаси С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 4 (30). С. 328-348.
 28. Из сокращенной записи доклада председателя Совета по делам религий К.С. Харчева на встрече с преподавателями ВПШ (март 1988 г.) // Русская православная церковь в советское время: Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. в 2 кн. / сост. Г. Штриккер. М., 1995. 400 с.
 29. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie // Thinking in Public. 2011. November 9. URL: <http://www.albertmohler.com/2011/12/01/believing-without-belonging-a-conversation-with-sociologist-grace-davie> (дата обращения: 11.01.2015).
 30. Россияне с высшим образованием: неверующие, но религиозные, патриотичные и интернет-активные. URL: <http://sreda.org/ru/surveys/rossiyane-s-vysshim-obrazovaniem-neveruyushhie-no-religioznyie-patriotichnyie-i-internet-aktivnyie/> 140732 (дата обращения: 03.09.2014).
 1. Odintsov M.I. «*Vy primite silu, kogda soydet na vas Dukh Svyatoy...*» [“But ye shall receive power, when the Holy Spirit is come upon you...”]. St. Petersburg, 2012. 504 p. (In Russian).
 2. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 2, list 11. (In Russian).
 3. Novaya i noveyshaya istoriya eparkhii [New and modern history of eparchy]. Available at: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/after1917/> (accessed 19.05.2016).
 4. Lavrinov V., protopriest. *Ekaterinburgskaya eparkhiya. Sobytiya. Lyudi. Khramy* [Ekaterinburg eparchy. Events. People. Temples]. Ekaterinbur, Ural State University Publ., 2001. 334 p. (In Russian).
 5. Lavrinov V., protopriest. *120 let Ekaterinburgskoy eparkhii. Istoriya i sovremennost'* [120 years anniversary of the Ekaterinburg eparchy. History and contemporaneity]. Ekaterinburg, Ekaterinburg eparchy typography, 2005. 31 p. (In Russian).
 6. *Istoriya Ekaterinburgskoy eparkhii* [History of Ekaterinburg eparchy], compilers E.M. Glavatskaya, A.V. Mangileva, I.L. Man'kova, V.A. Musikhin, M.G. Nechaev, M.Yu. Nechaeva. Ekaterinburg, “Sokrat” Publ., 2010. 551p. (In Russian).
 7. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo patriarkhata [Official site of Moscow patriarch]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2166192.html> (accessed 14.01.2014).
 8. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO) [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 2, list 45. (In Russian).
 9. Chebotarev S.A. *Tambovskaya eparkhiya 40–60-kh gg. XX v.* [Tambov eparchy in 40–60s XX century]. Tambov, 2004. 380 p. (In Russian).
 10. Koks Kh. *Mirskoy grad: sekulyarizatsiya i urbanizatsiya v teologicheskom aspekte* [Temporal city: secularization and urbanisation in theological aspect]. Moscow, East literature Publ., 1995. 261 p. (In Russian).
 11. Tsy-pin V., protopriest. *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshey periody (1700–2005 gg.)* [History of Russian Orthodox Church. Synodal and Modern period (1700–2005)]. Moscow, Sretenskiy abbey Publ., 2007. 813 p. (In Russian).
 12. Nizhnetagil'skiy gorodskoy istoricheskiy arkhiv (NTGIA) [Nizhny Tagil urban historical archive], fund R-70, file 2, list 872. (In Russian).
 13. Nizhnetagil'skiy gorodskoy istoricheskiy arkhiv (NTGIA) [Nizhny Tagil urban historical archive], fund R-70, file 2, list 1004. (In Russian).
 14. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 2601. (In Russian).
 15. Bulavin M.V. Uroven' pravoslavnoy religioznosti na srednem Urale v 1970-e gg. [Orthodox religiosity level within Central Ural in the 1970s]. *Gramota. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Gramota. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 8 (14): in 4 parts, part 2, pp. 46-49. (In Russian).
 16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI) [Russian State Archive of Modern History], fund 5, file 63, list 89. (In Russian).

References

17. Ivanov B.V. *Sokhranenie religiozno-bytovykh perezhitkov v usloviyakh krupnogo promyshlennogo goroda (k issledovaniyu prichin i motivatsii soversheniya religioznogo rituala kreshcheniya)* [Safety of religious and common vestiges in the big industrial city (investigation on causes and motivation of making religious ceremony of christening)]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Leningrad, 1982. 26 p. (In Russian).
18. Levin O.Yu. Religioznaya zhizn' pravoslavnykh khristian Tambovskoy oblasti 1974–1985 gg. [Religious life of orthodox christians of Tambov Region in 1974–1985]. *Filosofskie traditsii i sovremennost' – Philosophical traditions and contemporarity*, 2012, no. 2, pp. 15-19. (In Russian).
19. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 358. (In Russian).
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 386. (In Russian).
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 302. (In Russian).
22. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GATO)* [The State Archive of Tambov Region], fund R-5220, file 1, list 338. (In Russian).
23. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 389. (In Russian).
24. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 1961. (In Russian).
25. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 6991, file 6, list 1962. (In Russian).
26. Makarova N. Gorod bez tserkvey: religioznost' v Magnitogorske v 1930-e gody [Town without churches: religiosity in Magnitogorsk in 1930s]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, church in Russia and foreign countries*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 158-180. (In Russian).
27. Takakhasi S. Dva tipa religioznosti vremen pozdnego sotsializma: pravoslavnye veruyushchie Vladimirskoy oblasti [Two types of religiosity of people under late socialism: orthodox followers on Vladimir Region]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, church in Russia and foreign countries*, 2012, no. 4 (30), pp. 328-348. (In Russian).
28. Iz sokrashchenoy zapisi doklada predsedatelya Soveta po delam religiy K.S. Kharcheva na vstreche s prepodavatel'nykh VPSH (mart 1988) [From report note of Religion Chairman K.S. Kharchev on the meeting with teachers of Leadership Academy (March, 1988)]. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sovetskoe vremya: materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i Tserkov'yu: v 2 kn.* [Russian orthodox church in Soviet period: materials and documents on history of relations between State and Church: in 2 books], compiler G. Shtrikker. Moscow, 1995. 400 p. (In Russian).
29. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie. *Thinking in Public*. 2011. November 9. Available at: <http://www.albertmohler.com/2011/12/01/believing-without-belonging-a-conversation-with-sociologist-grace-davie> (accessed 11.01.2015).
30. *Rossiyanе s vysshim obrazovaniem: neveruyushchie, no religioznye, patriotichnye i internet-aktivnye* [Russians with higher education: unbelievers, but religious, patriotic and active in the Internet]. Available at: <http://sreda.org/ru/surveys/rossiyane-s-vysshim-obrazovaniem-neveruyushhie-no-religioznye-patriotichnye-i-internet-aktivnye/140732> (accessed 03.09.2014).

Поступила в редакцию 07.06.2016 г.
Received 7 June 2016

UDC 394

HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LATER SOVIET PERIOD'S RELIGIOSITY IN THE CONTEXT OF REVIVAL OF RELIGION IN THE POST-SOVIET RUSSIA: BASING ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV AND SVERDLOVSK REGIONS

Tatyana Sergeevna PRONINA

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Director of Religious Studies Centre

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: tania_pronina@mail.ru

The religious revival experienced by Russia in its post-Soviet period is the object of a close study and has received ambiguous assessment of researchers. This phenomenon combines the complex processes that have multidirectional and contradictory nature. Qualitative and quantitative indicators of this revival can be objectively assessed only in connection with the clarification of prior to them cultural and historical premises. Historical and comparative analysis included comparison of main manifestations of religiosity in their spatial and time dimension indicates the presence in the Soviet reality the conditions predetermined "revitalization" of religion in the post-Soviet period. Among the main reasons of "religious revival" are called: the preservation of religiosity on the level of rituals and household traditions; the reproduction of the practicing religion in the narrow circle of deeply religious people; and the growth of interest in religion in the 1970s in different groups of the Soviet society. The data for two regions are analyzed: the Tambov and Sverdlovsk; it discovers differences in the nature of religiosity of the people, predefined by historical and cultural processes. It allowed receive important conclusions about the mechanisms of preservation and reproduction of religiosity. The study used the documents of regional archives and memoirs of eyewitnesses of the events collected during the field researches.

Key words: religion; religiosity in the late Soviet period; rituals; religious revival

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134

Информация для цитирования:

Пронина Т.С. Историко-сравнительный анализ религиозности позднего советского периода в контексте возрождения религии в постсоветской России: на примере Тамбовской и Свердловской областей // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 123-134. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134.

Pronina T.S. Istoriko-sravnitel'nyy analiz religioznosti pozdnego sovetского perioda v kontekste vozrozhdeniya religii v postsovetskoy Rossii: na primere Tambovskoy i Sverdlovskoy oblastey [Historical and comparative analysis of the later Soviet period's religiosity in the context of revival of religion in the post-Soviet Russia: basing on the example of the Tambov and Sverdlovsk regions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 123-134. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-123-134. (In Russian).

УДК 94(410):94(680)

**«НОВЫЕ АНГЛИИ В ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ОДЕЖДАХ» –
КАПСКАЯ КОЛОНИЯ И НАТАЛЬ НА КОЛОНИАЛЬНОЙ
И ИНДИЙСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1886 г. В ЛОНДОНЕ**

© **Лидия Владимировна АНТОНОВА**

аспирант, кафедра всеобщей истории

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

E-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

Актуальность темы исследования определяется востребованностью изучения исторического опыта начавшей складываться со второй половины XIX века практики международных выставок как средства стимулирования межкультурных связей и бизнеса. Рассмотрено участие южноафриканских колоний Британской империи (Капская и Наталь) в Колониальной и Индийской выставке 1886 г. в Лондоне, ставшей событием имперского масштаба и одним из инструментов имперской консолидации. Отмечено, что экспозиции выставки представляли новейшие достижения промышленности и сельского хозяйства, познакомили британцев с самобытной культурой народов империи. Анализ выставочных каталогов, справочников, публикаций в периодической печати позволил добавить новые сведения к характеристике отношений метрополии и переселенческих колоний в Африке, специфики социально-экономического развития этих территорий и их значения для империи. Показано, что посетителям выставки, в том числе королевской семье, были представлены впечатляющие результаты преодоления предприимчивыми британскими переселенцами накопившейся за время голландского господства экономической отсталости региона; успешного осуществления «цивилизаторской миссии» Британии по отношению к африканским народам. Сделан вывод о том, что экспозиции Капской колонии и Наталь производили на зрителей именно тот эффект, на который рассчитывали их организаторы – доказывали, что в любом, даже самом политически, экономически и климатически сложном регионе возможна реализация принципов «систематической колонизации» – создание переселенческих колоний, воплощающих идеалы и ценности метрополии.

Ключевые слова: Колониальная и Индийская выставка 1886 г. в Лондоне; Британская империя; Капская колония; Наталь; «систематическая колонизация»; «цивилизаторская миссия»

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-135-141

«Капская колония – трудный ребенок в нашей большой колониальной семье, – так начиналась статья “Times”, посвященная экспозиции Капа на Колониальной и Индийской выставке 1886 г. в Лондоне, – хотя махеча Англия обращалась со своим приемным гораздо лучше, чем ее датская предшественница» [1, October 4]. Проблемы, которые приобрела Англия вместе с южноафриканскими территориями, хорошо изучены в отечественной историографии: конфликты с бурами и непростые реалии экономического развития региона [2; 3]; вопрос о самоуправлении в Капской колонии [4–6]; сложности воплощения идеи о цивилизаторской миссии Британии в Африке [7; 8]. Данная статья имеет целью обращение к практически неизученному аспекту проблемы – участию южноафриканских колоний (Капская и Наталь) в Колониальной и Индийской выставке 1886 г. Это событие имело далеко не локальный характер. По замыслу организаторов

выставка должна была, с одной стороны, продемонстрировать единство и процветание всех имперских территорий под британским флагом, а с другой – высветить экономическое и культурное своеобразие каждой колонии, их вклад в дело имперского строительства и укрепление могущества государства.

То, что Канада и Австралия проявят себя «превосходным образом», было ожидаемо, а вот успеху Капской колонии пресса метрополии не уставала удивляться. На выставке были представлены все британские владения в Африке, но «о Западном берегу не так много можно сказать, – писала “Pall Mall Gazette”, – безвкусовые красный и желтый цвета, масса идолов, деревянных барабанов, оружия и других предметов «грубого искусства и ремесла, которые можно найти у дикарей» [9, May 4]. Перемена в разделах Капской колонии и Наталь изумительна. Они «просто две новые Англии в южноафрикан-

ских одеждах и делают честь стране-матери» [9, May 4].

Как же Южной Африке удалось привлечь такое внимание и успешно конкурировать со значительно превосходящими по размаху экспозициями Канады и Австралии и роскошью индийского дворца? Насыщенность капских разделов выставки впечатляла. Их площадь составила 23850 футов кв. [10, p. 118], не считая стен, которые использовались особенно удачно: географические карты, статистические таблицы, иллюстрирующие количество осадков диаграммы, ботанические атласы избавляли посетителей от необходимости листать официальный каталог [11, p. 293-311]. Стены украшали также огромная панорама Кейптауна, пейзажи и фотографии из жизни туземцев [1, October 4], трофеи большой охоты – головы слонов и антилоп [12, September 20]. По оценке “Illustrated London News”, «наблюдательный посетитель этой всеохватывающей площадки может составить гораздо лучшее представление о <...> колонии», чем совершивший туда путешествие [13, October 16, p. 412]. Отметим также справочник, специально подготовленный для выставки капским чиновником и публицистом Дж. Нобелем, предоставлявший исчерпывающую информацию об истории, климате, современном состоянии всех сторон жизни Капской колонии [14].

Королева Виктория посетила африканские экспозиции 21 мая во время своего второго визита на выставку [10, p. 180]. Не было павильона, отмечалось в “Illustrated London News”, к которому Ее Величество и королевская семья проявили бы такой большой интерес, как к посвященному Капской колонии [13, p. 412]. Это была одна из тех экспозиций, где «что-то происходит» [9, May 4], поэтому она и стала такой популярной у посетителей. Привлекала сюда, прежде всего, воспроизведенная во всех деталях «алмазная копь». На глазах у зрителей туземцы промывали грунт в поисках драгоценных камней. Алмазосодержащая угольная порода действительно была доставлена в мешках из капских копей, как и сортировочная, промывочная и полировальная машины. Здесь же за стеклом располагалась мастерская по обработке камней. Ювелир м-р Аткинсон продемонстрировал оригинальный метод, с помощью которого найденный как раз во время визита короле-

вы желтый алмаз был для нее огранен, отполирован и вставлен в брошь в виде якоря – герба Капской колонии [13, p. 412-414].

«Табак, вино, воск, шерсть... Едва ли есть что-то ценное в природе, что не производит эта страна, лишь перечисление ее продукции могло бы заполнить колонку этой газеты», – писала “Morning Post”. Традиционно все колонии экспонировали продукцию сельского хозяйства. На импровизированном «колониальном рынке» продавали капские апельсины и сухофрукты. Перед глазами домохозяек был такой выбор изюма, который они не могли представить «в самых фантастических мечтах о рождественском пудинге» [12, September 20]. Правда, в отчете Королевской комиссии говорится, что стоил он слишком дорого – 6 пенсов за фунт [10, p. 297] (что соответствовало самой высокой цене на рынке в тот период. – *Л. А.*). Кап был одной из четырех колоний, которые предоставили вино для «колониального бара» – 22 вида, «шерри сравним с лучшими европейскими сортами, можно ожидать большие заказы» [10, p. 250, 259]. Прогресс виноделия в Капской колонии, наступивший благодаря британским нововведениям, особо отмечается во всех обзорах прессы. Производить здесь вино стали еще голландцы, но репутация у продукции была плохая, ведь «их отцы изготавливали вино таким топорным способом, что делали его почти непригодным для питья, сейчас они [буры] также предпочитают портить галлоны превосходного сока, вместо того, чтобы изменить методы приготовления», – писала “Morning Post” [12].

Еще одна отрасль капского хозяйства заслуживает особого упоминания – разведение страусов. Здесь интересно обратиться к изданному по случаю выставки сборнику «Колонии Ее Величества» [15]. Получивший высокую оценку публики сборник, вступление к которому написал знаменитый историк Дж.Р. Сили, был преподнесен королеве на церемонии открытия выставки. “Times” рекомендовала посетителям прежде, чем осматривать экспозицию какой-либо колонии, ознакомиться с соответствующей главой в этом издании [1, May 5]. В сборнике говорится, что до одомашнивания страус был редкой птицей, на которую активно охотились «белые и черные охотники» [15, p. 421]. Описывается такая картина: торговец появ-

лялся где-нибудь на своей скрипучей повозке, нагруженной оружием, одеялами, проволокой, бусами, бренди и другими привлекательными для глаз и аппетита туземцев вещами. Затем происходил оживленный обмен на слоновую кость, рога носорога, зубы гиппопотама и страусиные перья. Автор утверждал, что потребуются много лет, чтобы окончательно искоренить подобный обмен [15, р. 421]. В 1865 г. в колонии насчитывалось 80 одомашненных страусов, было экспортировано 120 фунтов перьев. Отрасль развивалась столь стремительно, что уже в 1870 г. их объем достиг 28 тыс. фунтов, а в 1882 г. – 254 тыс., что принесло более миллиона фунтов стерлингов дохода [1, October 4]. Правда, затем наступил некоторый спад, так как предложение настолько превзошло спрос на элегантный товар, что фермерам всерьез советовали «отпустить птиц назад в лес», поскольку, по утверждению обзора “Morning Post”, страус – исключительно декоративная птица, его мясо и яйца несъедобны [12]. Как можно выяснить из встречающихся в газетах заметок на эту тему, европейцы знали, что «дикари» употребляют страусиные яйца, но сами считали их опасным продуктом, так как по внешнему виду невозможно определить испорчено яйцо или нет, а если вскрыть тухлое страусиное яйцо, то «запах может нарушить покой целой деревни» [16, April 17]. Однако уже в 1889 г. можно найти сведения о том, что на банкете в зоологическом саду Антверпена в числе других чрезвычайно экзотических блюд подавали омлет из страусиных яиц [17, October 26]. Массово же употреблять их начали лишь в начале XX века. Тем не менее, в упомянутом справочнике Дж. Нобеля читаем, что «посетившего страусиную ферму угостят сочным омлетом» [14, р. 262], но в официальном каталоге можно найти только декоративные, орнаментированные яйца, отнесенные не к классу «продукты питания», а к классу «ювелирные изделия» [11, р. 213]. В экспозиции также были представлены страусиный инкубатор, чучела птиц, все возможные виды перьев и изделий из них. Из других сельскохозяйственных новшеств отмечалось, что мериносовые овцы лучших пород быстро сменяют длиннохвостых овец, которых разводили ранние голландские переселенцы [15, р. 423]. Шерсть – важная статья капского экспорта, и в коллек-

ции она также была представлена во всех видах.

Статистика, которая приводилась в изданных к выставке сборниках и газетных статьях, свидетельствует о стремительном прогрессе колонии. Импорт удвоился за последнюю четверть века, экспорт утроился за тот же период. В 1884 г. доход составил 7 млн 532 тыс., расходы – 5 млн 372 тыс. Внешняя торговля осуществлялась в основном со страной-матерью, на британских или колониальных судах. Во всех отраслях сельского хозяйства наблюдался рост, развивалась инфраструктура: железные дороги, гавани, телеграф. Капская колония имела университет, 5 колледжей, 1004 школы. Росли современные города: «Кимберли – это город, который стоит увидеть. Он полон жизни: рынки заполнены свежей продукцией, рыба доставляется по железной дороге прямо с побережья», по освещенным электрическими фонарями улицам ездят такси, есть школы, церкви, больницы, сад, библиотека, клуб и «совершенно отсутствует преступность» [15, р. 423-427].

Важно отметить, что в период выставки проходил ряд конференций по разнообразной тематике. Несколько заседаний из их числа были посвящены Африке: «Туземные расы в Британских владениях в Африке», «Достижения цивилизации и образования в Капской колонии» и др. [10, р. 323-325]. Весьма злободневную тему поднимал доклад «Южная Африка как место для эмиграции сельскохозяйственных классов», поскольку нехватка трудовых ресурсов была общей проблемой для всех переселенческих колоний [4, с. 79]. Переселенцы в Африку ехали неохотно: за 1873–1884 гг. эмигрировало лишь около 23 тыс. человек [15, р. 427]. В докладе, не чуждом рекламной тональности, утверждалось, что ни один британский доминион не обещает эмигранту «таких желанных и быстро достижимых перспектив», как Южная Африка. Там хороший климат и плодородная почва. «Основным продуктом цивилизации» должен быть табак, а не зерновые: 3 акра могут принести 30 фунтов дохода, что позволит каждому фермеру жить в комфорте [9, June 4]. Отметим, что на выставке работал специальный эмиграционный офис, предоставлявший всю необходимую информацию заинтересо-

вавшимися перспективой переселения в колонию [18, p. 1].

Остановимся на некоторых особенностях экспозиции Натала. Ее площадь составила целых 10125 футов кв., что ненамного меньше, чем, например, экспозиция австралийского Квинсленда или всех вест-индийских колоний вместе взятых [10, p. 121]. Прекрасно организованная, она изобиловала этнографическими экспонатами – можно было видеть мотыги, печи, стрелы, щиты, копья и другие предметы быта и вооружения зулусов. Как писала “Times”, в прошлом зулусы доставили много хлопот, но благодаря усилиям правительства «белые и черные сейчас проживают в согласии друг с другом», что и должна была продемонстрировать секция Натала. Постепенно и на зулусов, утверждалось далее, «распространяются границы цивилизации»: они обрабатывают свои надель, выращивают маис, пасут скот, отправляют детей в миссионерские и государственные школы и ежегодно приносят в казну 70 тыс. фунтов. Как на работников, на них нельзя положиться – группа зулусов может внезапно бросить работу и уйти с фермы, оставив хозяина с погибшим несобраным урожаем. Тем ни менее, “Times”, отдавая должное их независимости и неподкупности, называет зулусов воплощением «истинной души Африки» [1, September 29].

С этнографическими экспонатами контрастировали разделы современной промышленности и сельского хозяйства. Значительная их часть была посвящена добыче полезных ископаемых: угля, графита, меди, золота, превосходного мрамора. Добывающая промышленность развивалась стремительно. То, что большая часть месторождений еще была не освоена, говорило лишь о прекрасных перспективах отрасли и будущих доходах от экспорта. Аграрный раздел натальской экспозиции организаторам не удалось в соответствии с замыслом представить во всей красе. В отчете Королевской комиссии с сожалением констатировалось, что почти все доставленные из Натала изначально качественные фрукты (апельсины, бананы, лаймы, ананасы) из-за неправильной упаковки и транспортировки сгнили и были непригодны для демонстрации и продажи [10, p. 298-299]. Но в экспозиции присутствовали достойные образцы местного сахара, табака, кофе и чая.

Последнее было особенно примечательным: попытки завести чайные кусты в Натале предпринимались и раньше, но только десять лет назад увенчались успехом. Качество чая «приемлемо», хоть и не сравнится с тем, что сотнями чашек ежедневно выпивался посетителями в индийских павильонах. Как и в капской экспозиции были представлены древесина, шерсть, мохер, экспериментально производившийся в этом регионе шелк. Размещенные на стенах графики и карты подкрепляли изобилие экспонатов оптимистичной статистикой [1, September 29].

По емкой характеристике С.А. Богомолова, Южная Африка в последней трети XIX века играла роль «линзы», фокусирующей весь комплекс имперских противоречий, проблем и достижений [3, с. 13]. Разделы Капа и Натала отличались своей внешней самобытностью и идейной нагрузкой как от «туземных» павильонов, так и от экспозиций других переселенческих колоний. Поэтому анализ участия этих колоний в выставке 1886 г. выглядит особенно значимым в контексте изучения феномена Колониальной выставки в целом. По оценке “Times”, Капская колония лучше других африканских территорий почувствовала, что Колониальная и Индийская выставка – возможность сделать свои достижения и перспективы достоянием широкой публики – «должна быть использована наилучшим образом» [1, April 24]. Маленький Наталь также сумел удивить достойной и по масштабу и по содержанию экспозицией. Разумеется, главной идеей всей выставки была демонстрация процветания империи в единстве и согласии, хотя некоторые колонии использовали ее как шанс донести до имперского правительства свои проблемы и воззвать о помощи, как, например, Вест-Индия [19]. Материалы выставки и обзоры в прессе свидетельствуют, что экспозиции Южной Африки, напротив, были концентрацией почти исключительно достижений.

Подводя итоги, можно заключить, что представленная на выставке богатая коллекция наглядно показывала успех курса местного правительства на разработку минеральных ресурсов и интенсификацию сельского хозяйства в противовес экстенсивному скотоводству буров [2, с. 159]. Этнографические разделы не только воссоздавали привлекательный для любознательного зрителя афри-

канский колорит, но и подчеркивали принципиальный контраст с той частью экспозиции, «солидный и значительный вид» которой отражал «результаты английского присоединения» [1, September 29] и свидетельствовал о «трудолюбии и энергии колонистов» [9, May 4]. Тематика посвященных Африке конференций была обусловлена стремлением привлечь эмигрантов благоприятными условиями жизни, богатством ресурсов и возможностью разбогатеть для предприимчивого и трудолюбивого человека. Торжество «цивилизаторской миссии» как особого достижения колониальной политики воплощали африканцы, управлявшие механизмами импровизированной «алмазной копии». Показательное участие их в работе на выставочных «рудниках» призвано было свидетельствовать о том, что местное население начинает перенимать образ жизни, предлагаемый ему «цивилизованным миром» [6, с. 165]. Выставка 1886 г., таким образом, стала для Капа и Наталя возможностью предьявить странаматери видимые, осязаемые результаты успешной реализации теории «систематической колонизации» – превращения переселенческих колоний в носителей того типа цивилизации, который воплощает сама метрополия [4, с. 82]. Глазам англичан предстали доказательства существования в далекой, опасной и ранее совершенно «дикой» Африке «Новых Англий». Южноафриканские экспозиции продемонстрировали, что колонисты высоко оценивали собственный вклад в имперское строительство, видели предпосылки для развития производства и торговли, будущего процветания и воплощения на африканской земле британских идеалов.

Список литературы

1. The Times. 1886. The Times Archive. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive/> (accessed: 02.07.2016).
2. Богомолов С.А. Британская Южная Африка в последней трети XIX в.: выбор модели развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6-1. С. 159-163.
3. Богомолов С.А. Теоретические проблемы модернизации Британской Южной Африки в последней трети XIX в. // Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4). С. 13-19.
4. Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в середине XIX в.: либерализм и проблема модернизации. Челябинск, 2015. 220 с.
5. Дронова Н.В. Самоуправление в Капской колонии в 70-х гг. XIX в.: теоретические и практические аспекты имперского строительства Великобритании // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1997. Вып. 2. С. 44-53.
6. Дронова Н.В. Административно-правовые аспекты имперского строительства как фактор влияния на локальные вооруженные конфликты: опыт новозеландского и южноафриканского кризисов 60–70-х гг. XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 158-167. DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-158-167.
7. Грибанова В.В. Развитие образования в британских протекторатах на юге Африки // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Всеобщая история. 2012. № 9 (89). С. 119-214.
8. Катагощина И.Т. Взаимодействие и конфликт западной и местных культур в Британской Африке // Британская империя в XX в. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. С. 252-263.
9. Pall Mall Gazette. 1886. The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
10. Report of the Royal Commission for the Colonial and Indian Exhibition. L.: William Clowes & Sons, 1887. 373 p.
11. Colonial and Indian Exhibition, 1886. Official Catalogue. L.: William Clowes & Sons, 1886. 534 p.
12. Morning Post. 1886. The British Newspaper Archive. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
13. Illustrated London News. 1886. October 16. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
14. History, production and resources of the Cape of Good Hope. Official Handbook / ed. by J. Noble. Cape Town: W.A. Richards & Sons, 1886. 328 p.
15. Colonial and Indian Exhibition, 1886. Her Majesty's colonies. A series of original papers issued under the authority of the Royal Commission. L.: William Clowes & Sons, 1886. 558 p.
16. Sheffield Independent. 1886. April 17. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
17. Canterbury Journal, Kentish Times and Farmers' Gazette. 1889. October 26. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
18. Colonial and Indian Exhibition, 1886. Daily Programme. L., 1886. 10 p.

19. Антонова Л.В. Колониальная и Индийская выставка 1886 г. – «возможность века» для Британской Вест-Индии // Клио. 2016. № 8 (116). С. 164-168.

References

1. The Times. 1886. The Times Archive. Available at: <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive/> (accessed 02.07.2016).
2. Bogomolov S.A. Britanskaya Yuzhnaya Afrika v posledney treti XIX v.: vybor modeli razvitiya [British South Africa in the last third of the XIX century: a choice of the development model]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 12, no. 6, pp. 159-163. (In Russian).
3. Bogomolov S.A. Teoreticheskie problemy modernizatsii Britanskoy Yuzhnoy Afriki v posledney treti XIX v. [The theoretical problems of the modernization of British South Africa in last third of XIX century]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik – Simbirsk Scientific Bulletin*, 2011, no. 2 (4), pp. 13-19. (In Russian).
4. Grudzinskiy V.V. Velikobritaniya i ee imperiya v seredine XIX v.: liberalizm i problema modernizatsii [Great Britain and its Empire in the middle of XIX century: liberalism and problem of modernization]. Chelyabinsk, 2015. 220 p. (In Russian).
5. Dronova N.V. Samoupravlenie v Kapskoy kolonii v 70-kh gg. XIX v.: teoreticheskie i prakticheskie aspekty imperskogo stroitel'stva Velikobritanii [Self-government in the cape in the 1870s: theoretical and practical aspects of the British Empire building]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1997, no. 2, pp. 44-53. (In Russian).
6. Dronova N.V. Administrativno-pravovye aspekty imperskogo stroitel'stva kak faktor vliyaniya na lokal'nye vooruzhennye konflikty: opyt novozelandskogo i yuzhnoafrikanskogo krizisov 60–70-kh gg. XIX v. [Administrative-legal aspects of imperial building as a factor of influence on local armed conflict: experience of New Zealand and South-African crises in 60-70s of XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 12 (152), pp. 158-167. DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-158-167. (In Russian).
7. Griбанова V.V. Razvitie obrazovaniya v britanskikh protektoratakh na yuge Afriki [Development of education in the South African British Protectorates]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya – RSUH/RGGU Bulletin "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2012, no. 9 (89), pp. 119-214. (In Russian).
8. Katagoshchina I.T. Vzaimodeystvie i konflikt zapadnoy i mestnykh kul'tur v Britanskoy Afrike [The interaction and conflict between western and local cultures in British Africa] *Britanskaya imperiya v XX v. [British Empire in XX century]*. Moscow, Institute of World History RAS, 2010, pp. 252-263. (In Russian).
9. *Pall Mall Gazette. 1886. The British Newspaper Archive*. Available at: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed 02.07.2016).
10. *Report of the Royal Commission for the Colonial and Indian Exhibition*. London, William Clowes & Sons, 1887. 373 p.
11. *Colonial and Indian Exhibition, 1886. Official Catalogue*. London, William Clowes & Sons, 1886. 534 p.
12. *Morning Post. 1886. The British Newspaper Archive*. Available at: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
13. *Illustrated London News. 1886. October 16*. Available at: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
14. *History, production and resources of the Cape of Good Hope. Official Handbook*, ed. J. Noble. Cape Town: W.A. Richards & Sons, 1886. 328 p.
15. *Colonial and Indian Exhibition, 1886. Her Majesty's colonies. A series of original papers issued under the authority of the Royal Commission*. London, William Clowes & Sons, 1886. 558 p.
16. *Sheffield Independent. 1886. April 17*. Available at: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
17. *Canterbury Journal, Kentish Times and Farmers' Gazette. 1889. October 26*. Available at: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed: 02.07.2016).
18. *Colonial and Indian Exhibition, 1886. Daily Programme*. London, 1886. 10 p.
19. Антонова Л.В. Колониальная и Индийская выставка 1886 г. – «возможность века» для Британской Вест-Индии [1886 Colonial and Indian Exhibition – «the opportunity of a century» for the British West Indies]. *Klio – Klio*, 2016, no. 8 (116), pp. 164-168. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.08.2016 г.
Received 2 August 2016

UDC 94(410):94(680)

“NEW ENGLAND IN SOUTH AFRICAN CLOTHES” – CAPE COLONY AND NATAL AT COLONIAL AND INDIAN EXHIBITION IN LONDON IN 1886

Lidia Vladimirovna ANTONOVA

Post-graduate Student, General History Department

Herzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186

E-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru

The relevance of the research is determined by demand for the study of the international exhibitions' historical experience. Such practice began to take shape in the second half of the XIX century and was supposed to promote intercultural relations and business. The participation of the British South African colonies (Cape colony and Natal) in the 1886 Colonial and Indian Exhibition in London are considered. The Exhibition became an event of epochal importance and the instrument of imperial consolidation. It is noted that the expositions presented the latest industrial and agricultural advances and the unique culture of the imperial peoples. Analysis of the catalogues, guidebooks and press articles allowed to add new information to the characteristic of the metropolis relationship with African colonies, socio-economic features of the territories and their importance for the Empire. It is shown that the visitors, including the royal family, have seen the impressive result of the British settler's activity: the economic backwardness of the region accumulated during the Dutch domination was overcome; the British "civilizing mission" towards the African peoples was successful. The analysis leads to the conclusion that Cape and Natal expositions had the desired effect. They proved that "systematic colonization" – the resettlement colonies, embodying the ideals and values of the metropolis – is possible even in the most politically, economically and climatically complicated region.

Key words: 1886 Colonial and Indian Exhibition in London; the British Empire; Cape Colony; Natal; "systematic colonization"; "civilizing mission"

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-135-141

Информация для цитирования:

Антонова Л.В. «Новые Англии в южноафриканских одеждах» – Капская колония и Наталь на Колониальной и Индийской выставке 1886 г. в Лондоне // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 135-141. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-135-141.

Antonova L.V. «Novye Anglii v yuzhnoafrikanskikh odezhдах» – Kapskaya koloniya i Natal' na Kolonial'noy i Indiyaskoy vystavke 1886 g. v Londone [“New England in South African clothes” – Cape colony and Natal at Colonial and Indian Exhibition in London in 1886]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 135-141. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-135-141. (In Russian).

УДК 327

**КАНАДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА:
К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
СТАТУСА ДОМИНИОНА В ХОДЕ ПАРИЖСКОЙ
МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.**

© Наталия Юрьевна ЖУКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой международных отношений и политологии
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: zjukovskaya@yandex.ru

Освещен эпизод работы Парижской мирной конференции 1919 г., связанный с попытками Канады добиться статуса полноправного членства в Международной организации труда (МОТ) и представительства в ее руководящих органах. Наравне с членством в Лиге Наций, участие в работе МОТ на условиях отдельного от Великобритании представительства было для североамериканского доминиона способом упрочить свой внешнеполитический статус. Попытки Канады действовать в этом направлении не всегда были удачны и наткнулись как на противодействие британского правительства, так представителей делегаций других государств – участников конференции. Однако усилиям Канады суждено было увенчаться успехом: в итоге она добилась полноправного членства в МОТ с возможностью избрания в Совет организации, тем самым показав мировому сообществу, что претендует на роль самостоятельного актора на международной арене. Участие в Парижской мирной конференции стало для Канады первой и, как представляется, весьма удачной «пробой пера» в упрочнении своего внешнеполитического статуса.

Ключевые слова: Канада; Парижская мирная конференция; доминион; Международная организация труда

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-142-147

Вопрос о борьбе Канады и остальных британских доминионов за свои внешнеполитические права в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. достаточно хорошо изучен как в отечественной, так и в зарубежной исторической литературе [1]. Традиционно в центре внимания исследователей откладываются такие сюжеты, как отдельное представительство доминионов на конференции, споры о подписании и ратификации заморскими частями Британской империи мирного договора, нюансы участия Канады в обсуждении проекта Лиги Наций [2]. Однако гораздо меньше историки обращаются еще к одному немаловажному вопросу, который канадской делегации пришлось решать в ходе Парижской мирной конференции. Это вопрос о включении Канады в число членов Международной организации труда (МОТ).

В течение Первой мировой войны различные трудовые организации широко обсуждали условия будущего мирного урегулирования. На заседаниях национальных и международных конференций затрагивались вопросы о месте трудовых проблем на буду-

щих переговорах, о том, каким образом можно было бы привлечь внимание мировой общественности к подобным вопросам, когда придет время. Обзор британского министерства труда за последние месяцы войны ясно показал, что практически в каждой стране трудовые организации хотели бы видеть частью будущего мирного соглашения какое-либо решение различных интересующих их проблем [3, p. 107].

Канадский Конгресс торговли и труда также интересовался планами относительно МОТ. В начале 1919 г. вице-президент и секретарь этого Конгресса отплыли в Европу. Канадские представители посетили Международную трудовую и социалистическую конференцию в Берне, а затем отправились в Париж, чтобы принять участие в работе Версальской конференции.

Еще до начала переговоров в Париже было предложено два подхода к решению трудового вопроса: включение в текст мирного соглашения некоего варианта трудового устава либо создание новой международной организации, которая решала бы проблемы и

отстаивала интересы ее членов. Британское правительство сочло более приемлемым второй вариант. Английские эксперты подготовили проект подобной международной организации, чтобы представить его в Париже.

На конференции этот проект был обсужден сначала с членами британской делегации, а затем с американской стороной. Франция и Соединенные Штаты подготовили свои варианты плана новой международной организации по вопросам труда. 21 января на конференции были представлены все три проекта. Американский и французский проекты представляли собой только предварительные наброски и не предусматривали членства доминионов в Международной организации труда. Английский план был более обстоятельным, и согласно ему доминионы имели право на отдельное от метрополии представительство в создаваемой организации.

Однако канадцев не устраивала формулировка, гласившая, что «самоуправляющиеся доминионы Британской империи и Индии могут стать участниками соглашения и иметь те же права и обязанности, как если бы они были независимыми государствами». В итоге было принято решение видоизменить проект, который теперь гласил: «...как если бы они были высокими договаривающимися сторонами» [1, р. 77]. По образному выражению канадского историка Дж. Глэйзбрука, эта формулировка «обеспечивала доминионам допуск в организацию, но через черный ход» [1, р. 77]. Канаде нужны были более определенные гарантии. На заседании делегации Британской империи, после некоторых обсуждений было принято решение, что текст необходимо составить таким образом, чтобы он гарантировал доминионам членство в МОТ таким же образом, каким им гарантируется членство в Лиге Наций.

Однако в день пленарного заседания Парижской мирной конференции, когда обсуждался проект МОТ, обнаружилось, что циркулировал текст со старой формулировкой. Премьер-министр Канады Р. Борден спешно добился встречи с Л. Джорджем, А. Бальфуром, В. Вильсоном и Ж. Клемансо, и после этого в проект соглашения была внесена поправка, гласившая: «Конференция разрешает комитету по разработке проекта вносить в текст соглашения поправки, необходимые

для того, чтобы привести текст соглашения в соответствие с текстом Устава Лиги Наций в отношении вопросов членства» [4, р. 112].

Таким образом, проблема отдельного от Великобритании представительства в МОТ, причем на удовлетворяющих североамериканский доминион условиям, была решена канадской делегацией сравнительно легко. Куда более серьезные препятствия Канаде пришлось преодолеть, чтобы добиться представительства в Совете этой организации.

Несмотря на многочисленные протесты Канады на заседаниях делегации Британской империи, проект МОТ, который появился в апреле, содержал условие, по которому «никакая высокая договаривающаяся сторона, включая ее доминионы и колонии, самоуправляющиеся или нет, не могла выдвигать (в Совет. – *Н. Ж.*) более одного члена». Доминионов, безусловно, такой вариант не устраивал. Точку зрения канадской делегации высказал министр таможи А. Сифтон: «Возможно, вопрос о том, будут ли Канада, Австралия или другие доминионы представлены в Совете, не является вопросом первоочередной важности... и маловероятно, что они вообще когда-нибудь будут туда избраны; но важно, что они должны, по крайней мере, иметь право, наряду с другими членами, выдвигать своего представителя на рассмотрение конференции» [4, р. 104].

Р. Борден пытался воздействовать на ситуацию через английских представителей в Совете 4-х, в частности он просил Л. Джорджа обсудить вопрос о представительстве доминионов в Совете МОТ с Соединенными Штатами и Францией. Британский премьер-министр не оставил ситуацию без внимания. 28 апреля Р. Борден получил из британского секретариата записку, в которой говорилось, что члены Совета 4-х предлагают следующее решение: канадский премьер должен проконсультроваться с британскими, американскими и французскими экспертами, и если их согласие будет получено, то точка зрения Канады по вопросу представительства в Совете МОТ будет принята Советом 4-х, а в текст проекта будут внесены соответствующие поправки [4, р. 135].

На следующий день Р. Борден встретился с представителем американской делегации, экспертом по вопросам труда, мистером Робинсоном и нашел его абсолютно не со-

гласным с требованиями Канады. Робинсон объяснил, что общественное мнение Соединенных Штатов не воспримет положительно принятие подобной поправки, так как такое изменение проекта обеспечит Британской империи слишком большое влияние в Лиге Наций и в МОТ [4, р. 135].

В этот же день Р. Борден получил письмо от П. Сифтона, в котором тот сообщал, что японские и итальянские представители также против присутствия доминионов в Совете МОТ. П. Сифтон, как человек весьма эмоциональный, не преминул добавить, что представители канадских трудовых организаций «прежде увидят японских и итальянских делегатов и членов правительства этих стран, по одному и всех вместе шипящих из самых мрачных глубин ада, чем согласятся принять положение, ставящее их ниже негров Либерии» [4, р. 138]. П. Сифтон был так же весьма критичен в отношении Великобритании, считая, что метрополия оказывает мало поддержки действиям Канады и «проявляет слабый интерес... в таком деле, как статус доминиона Канада» [4, р. 139].

Реакция Р. Бордена на очевидный тупик в вопросе отдельного представительства его страны в Совете Международной организации труда была не мене резкой. 29 апреля, после своей беседы с американским экспертом по вопросам труда, канадский премьер-министр сообщил Л. Джорджу, что, если ситуация не будет исправлена, Канада выйдет из Лиги Наций немедленно после ратификации мирного договора. Канада также откажется стать участницей трудового соглашения, чтобы таким образом «избежать условий, которые ее народ расценит как оскорбление», добавил Р. Борден [4, р. 136].

1 мая, во время своей встречи с президентом В. Вильсоном, на которой обсуждалось представительство доминионов в Совете Лиги Наций, канадский премьер коснулся вопроса о присутствии Канады в Совете МОТ. По словам Р. Бордена, В. Вильсон с сочувствием отнесся к проблеме своего соседа, но не захотел каким-либо образом исправить ситуацию. «Что касается Канады, то он (В. Вильсон. – *Н. Ж.*) вообще не видит здесь никаких трудностей (с включением в Совет Международной организации труда. – *Н. Ж.*); но он объяснил, что трудности могут возникнуть в отношении некоторых других до-

минионов и особенно Индии», – писал позднее Р. Борден [4, р. 142].

Продолжая переговоры с английским правительством, канадский премьер становился все более и более жестким в своих требованиях. Если столь оскорбительная формулировка не будет удалена из текста договора, писал Р. Борден Л. Джорджу, он вынужден будет поднять вопрос на пленарном заседании Парижской мирной конференции [4, р. 142].

Несмотря на все старания Р. Бордена, ситуация никаким образом не менялась. На заседании делегации Британской империи 5 мая Р. Борден снова приводил уже не раз звучавшие аргументы. Канадский премьер считал, что решение пленарного заседания Парижской мирной конференции от 11 апреля было достаточным основанием для того, чтобы удовлетворить требования доминиона и предоставить ему членство в Совете МОТ. Однако С. Херст, британский член комитета по разработке устава этой организации, сообщил, что он обсуждал канадские требования со своими коллегами по комитету, «и когда они выразили свое несогласие, он попросил их проконсультироваться с главами своих делегаций, чтобы те могли дать им должные инструкции, и таким образом необходимый результат мог бы быть достигнут. С американской стороны, однако, был получен отказ». Тогда канадский премьер повторил свою угрозу о возможном выходе Канады из Лиги Наций и МОТ [4, р. 147].

На следующий день Р. Борден, зная, что Л. Джордж должен встретиться с В. Вильсоном и Ж. Клемансо, в очередной раз обратился к британскому премьеру с просьбой обсудить вопрос о членстве Канады в Совете МОТ с главами американской и французской делегаций [4, р. 149-150]. Когда надежды уже, казалось, не было, удача вдруг улыбнулась канадской делегации. Именно после этой встречи лидеров трех «великих держав» появился документ, гарантировавший североамериканскому доминиону отдельное представительство в Совете Лиги Наций. В. Вильсон, Ж. Клемансо и Л. Джордж составили руководство для комитета по разработке проекта МОТ. Разработчики проекта должны были удалить из него пункт, согласно которому каждый член организации, включая его доминионы и колонии, мог быть

ограничен в Совете только одним представителем [4, р. 151]. В этот же день Р. Борден телеграфировал в Оттаву: «После долгой борьбы мы добились, наконец, устранения из трудового соглашения неприятного пункта, который препятствовал выбору представителей доминионов в центральный орган (МОТ. – Н. Ж.)» [4, р. 152].

Отвечая на вопрос о том, почему представители «великих держав» изменили свое отношение к просьбе доминионов предоставить им отдельное представительство в Совете МОТ, можно отметить следующее. Безусловно, здесь сыграла свою роль и настойчивость Канады, и содействие представителей метрополии, для которых было весьма выгодно получить дополнительные места в Совете. Это может служить очередным подтверждением того, что без поддержки со стороны Великобритании Канада в международных отношениях того времени играла весьма незначительную роль. Но, пожалуй, наиболее важную роль в разрешении проблемы представительства Канады в центральном органе МОТ сыграла позиция американской делегации, и ее главы, в частности. Ни для кого на Парижской мирной конференции не было секретом, кто был главным противником устремлений доминионов. Присутствие в Совете всех представителей Британской империи обеспечивало бы последней целых шесть голосов при голосовании по любому интересующему английское правительство вопросу. С этим представители Соединенных Штатов Америки были категорически не согласны. Однако на вышеуказанной встрече с Ж. Клемансо и Л. Джорджем В. Вильсон, несмотря на протесты своих трудовых экспертов, согласился на присутствие доминионов в Совете МОТ, подтвердив тем самым расхожее мнение современников о том, что «в вопросах внешней политики президент В. Вильсон действовал как абсолютный автократ» [5, р. 1182]. Один из членов американской делегации профессор Дж. Шотуэлл позднее так прокомментировал решение В. Вильсона: «Это был мудрый поступок, не только с точки зрения уважения к бывшему союзнику, но и потому, что Канада может в будущем иметь сходную с американской позицию по различным вопросам международного трудового урегулирования» [1, р. 80]. Представляется вполне возможным

предположить, что Соединенным Штатам было действительно весьма выгодно присутствие Канады в Совете МОТ, так как уже к концу Первой мировой войны стало понятно, что в вопросах экономической и трудовой политики североамериканский доминион все более склоняется в сторону США, постепенно дистанцируясь от Великобритании. За годы войны возросло влияние Соединенных Штатов на экономику Канады, значительно увеличились объемы товарных и финансовых потоков между соседями по континенту. Безусловно, это не могло не сказаться и на рынках труда вышеуказанных стран, которые и до Первой мировой войны находились в тесном взаимодействии, а по ее окончании практически оказались неразрывно связанными друг с другом. Этого американские аналитики не могли не понимать. Однако именно эксперты делегации Соединенных Штатов были категорически против присутствия Канады в главном органе МОТ. Решение о допуске доминионов в Совет было принято лично президентом В. Вильсоном, для которого, как известно, экономические вопросы не имели первостепенного значения.

Сам В. Вильсон никак не объяснял своего решения, и его истинные причины – вопрос догадок. Однако В.В. Романов, отвечая на вопрос, почему американскому президенту во время переговоров в Париже иногда приходилось отступать от некоторых принципов своей внешнеполитической программы, выделяет следующие причины. Во-первых, считает исследователь, В. Вильсон не мог не учитывать складывающиеся реалии международного положения и поэтому неизбежно в некоторых вопросах уступал требованиям европейских политиков, стремясь сохранить единство между участниками конференции. Во-вторых, президент опасался затягивания с заключением послевоенного мира и поэтому считал, что лучше подписать договор, в котором имелись бы известные неудовлетворительные положения, создав при этом перспективный механизм их пересмотра в лице Лиги Наций. В-третьих, свою роль сыграли и некоторые психологические особенности личности В. Вильсона, которые рельефно проявились на конференции, например, чрезмерная заостренность внимания президента на вопросе о Лиге Наций, ради которого он приносил в жертву многие свои

принципы [6, с. 162]. Видимо, эти обстоятельства следует учитывать и для понимания решения президента США относительно участия Канады в МОТ.

Что касается членов канадской делегации, то они не пытались искать объяснения того, почему президент В. Вильсон изменил свою позицию и решил согласиться на присутствие представителей доминионов в Совете МОТ. Они просто искренне радовались тому, что это произошло, и что «президент В. Вильсон действовал весьма доброжелательно в этом вопросе, отклонив советы своих экспертов» [4, р. 152].

Таким образом, Лига Наций и МОТ привлекали значительную долю внимания канадской делегации на Версальской мирной конференции, поскольку членство в этих организациях предоставляло возможность решить главную задачу, ради которой представители североамериканского доминиона прибыли в Париж: заявить международному сообществу о том, что Канада является не просто доминионом Великобритании, а государством, имеющим собственную внешнеполитическую позицию. Как отмечает И.А. Агеева, принесенные жертвы, экономические усилия и политический кризис по вопросу о конскрипции укрепили намерение самостоятельно решать вопросы, охватывающие внешнюю деятельность [7, с. 228]. И в этом она преуспела. Канада стала одной из стран, учредительниц Лиги Наций, и на основании этого факта, полноправным членом МОТ.

Список литературы

1. *Glazebrook G.P. Canada at the Paris Peace Conference.* L.: Oxford University Press, 1942. 156 p.
2. Жуковская Н.Ю. Канада и проблема представительства британских доминионов на Парижской мирной конференции // Вестник Тамбовского университета. Кафедра международных отношений и политологии. 1994–2009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 41-57.
3. *Shotwell J. The Origins of the International Labour Organization.* V. 1-2. N. Y., 1934. V. 1.
4. *Documents on Canadian External Relations.* Ottawa, 1967. V. 2.
5. *The Nineteenth Century and After.* 1919. № 514.
6. Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921). Москва; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. 515 с.
7. Агеева И.А. Политическая история Канады. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. 315 с.

References

1. Glazebrook G.P. *Canada at the Paris Peace Conference.* London, Oxford University Press, 1942. 156 p.
2. Zhukovskaya N.Yu. Kanada i problema predstavitel'stva britanskikh dominionov na Parizhskoy mirnoy konferentsii [Canada and problem of British dominions' representation on Paris Peace Conference]. *Vestnik Tambovskogo universiteta – Tambov University Review.* International Relations and Politology Department. 1994–2009. Supplement. Tambov, 2009, pp. 41-57. (In Russian).
3. Shotwell J. *The Origins of the International Labour Organization.* Vol. 1-2. New York, 1934, vol. 1.
4. *Documents on Canadian External Relations.* Ottawa, 1967, vol. 2.
5. *The Nineteenth Century and After.* 1919, no. 514.
6. Romanov V.V. *V poiskakh novogo miroporyadka: vneshnepoliticheskaya mysl' SShA (1913–1921)* [In search of new worldorder: foreign policy thought of USA (1913–1921)]. Moscow, Tambov, Publishing of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2005. 515 p. (In Russian).
7. Ageeva I.A. *Politicheskaya istoriya Kanady* [Canadian political history]. Moscow, Institute of World History RAS Publ., 2013. 315 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.07.2016 г.
Received 25 July 2016

UDC 327

CANADA AND THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION: THE QUESTION OF CHANGING THE FOREIGN STATUS OF DOMINION AT THE PARIS PEACE CONFERENCE OF 1919

Natalia Yurevna ZHUKOVSKAYA

Candidate of History, Associate Professor, Head of International Relations and Politology Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: zjukovskaya@yandex.ru

The episode of the Paris Peace Conference of 1919, associated with attempts to achieve the status of Canada's full membership in the International Labour Organization (ILO) is described. Equally with the membership in the League of Nations, participation in the work of the ILO on the terms of a single representative from the UK was the way to strengthen its foreign status for the North American dominion. Canadian attempts to act in this direction were not too successful and met not only the British government's opposition, but the delegations of other states-participants of the conference opposition too. However, the efforts of Canada were destined to succeed: in the end it has achieved full membership in the ILO with the opportunity to be elected to the Board of the organization, showing the international community that claims the role of an independent actor on the international arena. Participation in the Paris Peace Conference was the "first attempt at writing" in strengthening its foreign status for Canada, and seems to be very successful.

Key words: Canada; Paris Peace Conference; dominion; International Labour Organization

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-142-147

Информация для цитирования:

Жуковская Н.Ю. Канада и Международная организация труда: к вопросу об изменении внешнеполитического статуса доминиона в ходе Парижской мирной конференции 1919 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 142-147. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-142-147.

Zhukovskaya N.Yu. Kanada i Mezhdunarodnaya organizatsiya truda: k voprosu ob izmenenii vneshnepoliticheskogo statusa dominiona v khode Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [Canada and the International Labour Organization: the question of changing the foreign status of dominion at the Paris Peace Conference of 1919]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 142-147. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-142-147. (In Russian).

УДК 94+327

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КОРРЕКТИРОВКА ПАРАДИГМЫ

© Гузель Айдаровна ХАННАНОВА

ассистент кафедры теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: gzhelkaha@mail.ru

Проанализированы основные компоненты парадигмы внешней политики ФРГ и происходящих на современном этапе корректировок. Проанализированы концептуальные основы и ценностные установки внешнеполитической парадигмы. При рассмотрении целей внешней политики Германии отмечены изменения в декларируемой Берлином роли в международных делах. С целью определения предпосылок и причин обновления внешней политики ФРГ были проанализированы актуальная стратегия внешней политики, представленная в виде крупного исследования «Новое осмысление внешней политики», а также вышедшая в 2016 г. «Белая книга по вопросам политики в области безопасности и будущему бундесвера». Рассмотрено влияние внешних факторов на подходы Германии к участию в международных делах, которые служат «парадигмальными аномалиями» и обуславливают происходящую корректировку внешнеполитической парадигмы. Для оценки этих изменений проанализированы актуальные заявления и выступления высокопоставленных лиц ФРГ, которые позволяют судить о новых подходах, определяющих общий курс государства в международных отношениях. Особое внимание уделено политике Берлина в области безопасности и обороны, и сделан вывод об увеличении значимости инструментов «жесткой силы» в арсенале внешней политики ФРГ. Новое звучание приобретает проблема «глобальной ответственности», которая становится лейтмотивом корректировки внешнеполитической парадигмы. В заключение приведены доводы, объясняющие, что подвижки в германской внешней политике ставят целью трансформировать геэкономическую мощь ФРГ в соответствующий политический вес в мировой политике.

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ; парадигма внешней политики; многосторонний подход; политика безопасности; «Белая книга»

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-148-156

После воссоздания единого германского государства ФРГ получила больше ресурсов для проведения самостоятельной внешней политики и укрепления своего влияния в системе международных отношений. Формирование внешнеполитических приоритетов объединенной Германии проходило в условиях новой геополитической реальности, характеризовавшейся распадом биполярной системы, сломом границ и значительным изменением статус-кво в Европе. В самом начале 1990-х гг. германская внешняя политика характеризовалась преемственностью с политикой Западной Германии, но с обострением ситуации на Балканах происходит корректировка прежних подходов. «Моральный фактор», который ранее предопределял «культуру военной сдержанности», самоограничения и мирный статус Западной Германии, стал аргументом для военного вмешательства во внутренние дела других стран с целью предупреждения конфликтов. С момента легализации участия бундесвера в во-

енных акциях за пределами границ НАТО (решение о вводе солдат Бундесвера в Боснию было принято 30 июня 1995 г.) подходы ФРГ к проведению внешней политики стали претерпевать изменения.

Целью настоящей статьи является анализ парадигмы внешней политики ФРГ на современном этапе. Согласно Т. Куну, парадигмой является «дисциплинарная матрица», принуждающая к определенному поведению и стилю мышления [1]. Данный термин был введен для анализа эволюции науки и влияния научных революций на смену убеждений, разделяемых научным сообществом. Представляется, что применимо к внешней политике как совокупности отношений определенного государства с другими государствами и народами на международной арене, парадигма есть набор концептуальных основ, ценностных установок, подходов и общепринятых образцов принятия решения, определяющих общий курс государства в международных отношениях. Тем самым, предме-

том анализа данной статьи являются как декларируемые Германией внешнеполитические цели и принципы, которые позволяют сделать вывод о ценностных установках и подходах данного государства, так и ее последние внешнеполитические акции, рассмотренные которых поможет выявить общепринятые для Германии модели принятия решений международных проблем, поскольку именно они оказывают влияние на смену или корректировку текущей парадигмы внешней политики.

После воссоединения внешняя политика объединенной Германии во многом копировала способы ведения дел Боннской республикой. В данной связи речь идет о таких ее компонентах, как концептуальные основы, оказывающие непосредственное влияние на внешнеполитические цели и средства их реализации. Первым компонентом является ставка на мягкую силу (нематериальные ресурсы, такие как культура, идеология и институты), вторым – приверженность многостороннему подходу к участию в международных делах. Как отмечает в своей статье младший научный сотрудник Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ Т.А. Ланшина, «во-первых, после Второй мировой войны инструменты «жесткой силы» для этой страны стали недоступными. Во-вторых, после Второй мировой войны Германии пришлось длительное время восстанавливать свою репутацию, в том числе за счет культурной дипломатии, проявления уважения к правам человека, а также поддержки плюрализма и многосторонних международных отношений» [2].

Однако в дальнейшем концепция внешней политики Германии претерпела изменения. Впервые это произошло в 1999 г., когда Германия поддержала военную операцию НАТО в Косово, не получившую резолюцию Совета Безопасности ООН. Поддержка американской военной миссии в Афганистане, начиная с 2001 г., и вовсе поставила под сомнение приверженность Германии исключительно невоенным методам и ее ставку только на мягкую силу.

Многосторонний же подход сохранился как конструктивный принцип политики ФРГ и с процессом глобализации только увеличил свою значимость. Это выражается в том, что

немцы стремятся к более активному участию в международных делах, причем именно в многостороннем формате. В 1995 г. президент ФРГ Р. Херцог даже ввел такой термин, как «глобализация внешней политики Германии», отметив ее серьезное влияние на внешнеполитические решения германского государства [3]. Второй компонент парадигмы сохраняет свою силу в большей степени в вопросах обеспечения национальной безопасности. Как выразился бывший министр обороны П. Штрук, «безопасность Германии придется защищать также в горах Гиндукуша, хотя все еще в достаточно многостороннем формате» [4]. Но, несмотря на свою серьезную заинтересованность в развитии общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ ЕС) и кооперации в рамках НАТО, Германия не во всем придерживается солидарности с союзниками, о чем свидетельствуют отказ Германии поддержать военную операцию США в Ираке в 2003 г. и воздержание во время голосования в 2011 г. по резолюции 1973 г. Совета Безопасности ООН, вводящей запрет на все полеты над Ливией. Тем самым концептуальные основы Боннской республики хоть и были переняты как конструктивные принципы внешнеполитической парадигмы, но перестали служить в качестве постоянных детерминантов внешней политики.

Переходя же к целям внешней политики Германии на современном этапе, стоит отметить, что о национальных интересах ФРГ не принято говорить так же открыто как, напротив, о ее ценностях. Актуальные цели внешней политики ФРГ были прописаны в коалиционном договоре Христианско-демократического союза (ХДС) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ), представленного в декабре 2013 г. Глава договора, посвященная международной повестке, была озаглавлена «Ответственность в мире». «Мы стремимся активно участвовать в формировании мирового порядка. Германия выступает за мир, свободу и безопасность, за справедливый мировой порядок, за реализацию прав человека и уважение международного права, а также за устойчивое развитие и борьбу с бедностью» [5]. Говоря же о средствах реализации своих глобальных целей, ФРГ выделяет дипломатические методы, мирное урегулирование конфликтов и меж-

дународное сотрудничество в целях развития. Также в этом документе отмечается, что Германия ручается за свою надежность и приверженность союзническим обязательствам, а также хочет быть хорошим партнером в формировании справедливого миропорядка. В данных формулировках мы находим отражение вышеупомянутых концептуальных основ: приоритет невоенных методов и ставка на многосторонний подход.

Тема ответственности становится ключевой с момента пребывания А. Меркель на посту канцлера. В предыдущих коалиционных договорах 2005 и 2009 гг. Германия тоже позиционировала себя как «сознающий свою ответственность за события в Европе и мире партнер». Однако в документе 2013 г. ответственность на европейском направлении и в мире была разграничена, и политические цели ФРГ на европейском направлении были выделены в отдельную главу. Это, с одной стороны, говорит как о приоритетности данного региона, так и о его особом положении в германской внешней политике. С другой стороны, отдельная глава, посвященная «глобальной ответственности» Германии, также символизирует изменение подхода к вовлечению в события за пределами Европы. В перечень глобальных целей, выделенных правительством на 2013–2017 гг., входят: трансатлантическое партнерство и укрепление НАТО, открытый диалог и расширение сотрудничества с Россией, разоружение и контроль над вооружениями, обновление структур ООН и формирование стратегических партнерств за пределами Европы, активное применение инструментов культурной политики и политики в области образования, объединение усилий и укрепление взаимодействия внешнеполитического и оборонного ведомств, реорганизация армии, защита прав человека, оказание гуманитарной помощи, развитие международного сотрудничества в целях устойчивого развития.

Данная формулировка глобальных целей Берлина является слишком обширной и предполагает огромный спектр внешнеполитических решений. К целям, в которых проглядывают непосредственно национальные интересы ФРГ, относятся только трансатлантическое партнерство, диалог с Россией, объединение усилий и укрепление взаимодействия внешнеполитического и оборонного ведомств, а

также реформирование армии. Большинство из декларируемых задач относится к международным обязательствам, что позволяет сделать вывод о том, что положения международного права и общегуманистические нормы возводятся в ранг внешнеполитических приоритетов. Снова огромное внимание уделяется проблеме устойчивого развития, которая становится приоритетной с момента прихода А. Меркель к власти в 2005 г.

Судить о ценностных установках как важной составляющей парадигмы внешней политики позволяют различные стратегии и концепции. Если рассматривать актуальную стратегию внешней политики Германии, стоит обратиться к выводам крупного исследования «Новое осмысление внешней политики» («Review 2014 – Außenpolitik Weiter Denken») [6], которое было проведено в 2014 г. по инициативе Ф.-В. Штайнмайера. В ходе данного исследования шел активный диалог внешнеполитического ведомства Германии с заинтересованными в вопросах внешней политики и безопасности лицами при непосредственном участии гражданского общества. Процесс диалога включал в себя 3 этапа: дискуссии с иностранными и отечественными экспертами, общенародные дебаты с более чем 60 представителями общественности, «круглые столы», заседания рабочих групп и имитационные игры, а также дискуссии с сотрудниками Министерства иностранных дел. Итогом всех трех этапов стало осознание, что «мир изменился, а следовательно, меняться должно и Министерство иностранных дел» [6]. По результатам проведенного исследования были определены основные приоритеты внешнеполитической стратегии: преодоление кризисов, участие в выстраивании глобального миропорядка, встраивание германской внешней политики в европейский контекст. Тем самым, в своей деятельности на международной арене Германия собирается сосредоточиться на реализации этих трех стратегических задач. Не менее важно отметить очередность выделенных целей, которая свидетельствует о приоритете глобальной ответственности над региональной.

В 2014 г. Германия официально признала, что ее внешняя политика нуждается в корректировке и новом осмыслении. В рассмотренном глобальном исследовании были обозначены новые внешнеполитические при-

оритеты, однако не был представлен комплексный ответ, каким образом ФРГ планирует достигать поставленных целей. В свою очередь, о некоторых изменениях в подходах к проведению внешней политики было заявлено во время выступления президента ФРГ Й. Гаука на Мюнхенской конференции в январе 2014 г. [7]. В нем отчетливо говорится о том, что Германия должна взять на себя больше ответственности за ситуацию в мире и окончательно стать «гарантом мирового порядка и безопасности». Снова подтверждая свой основной внешнеполитический интерес на XXI век: сохранить структуры и устоявшуюся систему открытого и либерального миропорядка, Германия по-новому оценивает свою роль в сохранении этого миропорядка, а именно говорит о необходимости реагировать в соответствии с собственным влиянием. Исходя из этого намерения, Германия предполагает увеличить свою вовлеченность в военные операции, как в рамках ОВПБ ЕС, так и НАТО.

Стремление взять на себя больше ответственности и увеличить свое участие в военных операциях за рубежом прослеживается также в стратегии в области политики безопасности, изложенной в «Белой книге по вопросам политики в области безопасности и будущему бундесвера» [8]. В этом документе был представлен новый подход ФРГ к военным операциям, взятый из техники боя в айкидо – “Führen aus der Mitte”, под которым подразумевается как объединение ресурсов и возможностей всех союзников и согласованность действий, так и соответствие военного потенциала ФРГ тем вызовам и задачам, с которыми сталкивается мировое сообщество. По мнению министра обороны ФРГ У. фон дер Ляйен, «возросшая вовлеченность ФРГ в мировые события отвечает интересам безопасности и соответствует международным обязательствам, «моральному долгу и исторической ответственности» [9]. Оценивая высказывания президента и министра обороны Германии в контексте корректировки внешнеполитической парадигмы, можно заключить, что «многосторонний подход» дополняется принципом «солидарной ответственности», а инструменты «мягкой силы» перестанут оставаться приоритетными, становясь на один уровень по значимости с «жесткой силой».

Изменения ценностных установок и подходов Германии к внешней политике во многом обуславливается внешними факторами, которые можно сравнить спарадигмальными аномалиями, на которые некогда указывал Т. Кун. Баланс сил, основанный на гегемонии США, претерпевает изменения с начала XXI века. К ним, в первую очередь, стоит отнести экономический рост государств БРИКС, сопровождаемый оформлением новой формы глобального экономического управления – альтернативы Бреттон-Вудской системе торгово-денежных отношений. Деструктивное влияние на баланс сил в мире оказывает также происходящая на Ближнем Востоке трансформация, включающая в себя эрозию гегемонии США на Ближнем Востоке и укрепление геополитических позиций Саудовской Аравии, Ирана или Турции, которые, по мнению политолога В.В. Шишкова, становятся «неоимперскими центрами в арабомусульманском мире» [10]. Политическая нестабильность в связи с непрекращающимися гражданскими войнами обостряет проблемы международного терроризма и нелегальной миграции, напрямую затрагивающие европейский континент. Наблюдаемая геополитическая «разбалансировка» становится серьезным вызовом для успешной внешней политики Германии и требует корректировки внешнеполитической парадигмы.

Говоря о таких составляющих парадигмы, как подходы и общепринятые образцы принятия решения, любопытно ознакомиться с точкой зрения немецкого эксперта Х. Мауля, который считает, что «любые слабые стороны внешней политики Германии следует компенсировать искусной дипломатией, которая заключается в умелом выстраивании отношений с нужными партнерами» [11]. Сохраняя приверженность принципу многосторонности, эксперт советует не только предоставлять свои внешнеполитические ресурсы для целей союзников, но и использовать их возможности в собственных интересах и умножать влияние Германии за счет возможностей союзников.

В 2003 г. Германия попыталась провести свою точку зрения в рамках трансатлантического альянса и укрепить свое влияние на международной арене путем проведения антивоенного курса по решению иракской проблемы, однако эта попытка не увенчалась

успехом. Дипломатический альянс в лице Германии, России и Франции, выступающий за контролируемое разоружение режима С. Хусейна, не сумел противостоять США и группе поддержавших их стран, взявших четкий курс на силовое решение вопроса. В результате Германия признала свое поражение и вновь всячески пыталась доказать свою приверженность трансатлантическому сотрудничеству, поколебленному антивоенной позицией Германии.

Во многом многосторонний подход, приверженность которому ФРГ так рьяно выражает как в официальных источниках, так и заявлениях, в определенной степени лишает ее той самостоятельности, которую Германия пыталась проявлять после воссоединения. Сохранить ставку на многосторонний подход, но при этом увеличить свою роль в принятии решений Германии могла бы помочь реализация плана создания единой европейской армии. В марте 2015 г. с такой инициативой выступил глава Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер [12]. Европейский союз причислил данную инициативу к долгосрочным целям, а само заявление о необходимости создания общеевропейских вооруженных сил не получило широкой поддержки, в первую очередь, против выступили ярые американские союзники: Великобритания, Литва, Латвия и Эстония. Однако слова Ж.-К. Юнкера были встречены в Берлине с энтузиазмом. Германское правительство приступило к разработке проекта по созданию единой европейской армии, причем эта инициатива встретила одобрение и в Бундестаге, который требовал ускорить работу над программой. Очевидно, что после недавно принятого решения Великобритании о выходе из ЕС внимание будет, прежде всего, направлено на сохранение членства других государств и выстраивание новой схемы взаимоотношений с Лондоном. Поэтому идея общеевропейских вооруженных сил скорее всего отойдет на задний план. Вместе с тем отметим, что выход Великобритании из ЕС мог бы облегчить достижение консенсуса по созданию альтернативного НАТО европейского военного альянса.

При этом стоит понимать, что избежать диктата Соединенных Штатов в принятии Евросоюзом решений о применении военной силы не удастся, ведь на территории многих

европейских государств, включая ту же Германию, находятся американские военные базы. Анализ «Белой книги» свидетельствует о том, что трансатлантическое партнерство будет сохранять свою первостепенную значимость [8]. Более того, сотрудничество с Россией, которое могло служить противовесом и сбалансировать «проатлантическую» политику ФРГ, было полностью раскритиковано, а сама Москва была включена в число основных рисков для безопасности Германии. Работа над «Белой книгой» ставила задачу восполнить нехватку адекватного стратегического мышления и заменить «Белую книгу» 2006 г., уже давно не соответствующую современным реалиям. И поэтому в процессе его разработки наиболее важным для немецкого правительства было достичь целостности и единства всех своих стратегий как в сфере внешней политики, так и в области обороны и безопасности. Но новое видение политики в области безопасности и будущего бундесвера говорит о непоследовательности ФРГ. Так, сохраняются расхождения с той же главой «Коалиционного договора ХДС/ХСС и СДПГ» от 2013 г., посвященной внешней политике ФРГ, в которой в отличие от тезисов новой «Белой книги» расширению партнерства с Россией отводилось второе место среди внешнеполитических приоритетов.

Предполагается, что причисление России к числу вызовов нацелено на преувеличение характера угроз национальной безопасности Германии и служит основанием для увеличения финансирования бундесвера и расширения его состава. С 2013 г. ситуация в области оборонной политики начала меняться, и вместо плановых 31,4 млрд евро было выделено 33,3 млрд евро, а по сравнению с 2012 г. (31,7 млрд евро) рост составил 5 %. В 2015 г. бюджет оборонного министерства немного сократился и составил 32,9 млрд евро, но на 2016 г. правительство запланировало увеличение расходов на оборону до 34,3 млрд [13].

Увеличение военных расходов в связи с необходимостью активнее участвовать в кризисном урегулировании и стремление к большей ответственности могут реанимировать «германский вопрос», который в первой половине XX века так волновал соседей ФРГ. Рассуждая о возможном возвращении «германского вопроса», заместитель дирек-

тора Института Европы РАН профессор В.П. Федоров все же считает, что «ФРГ, самоподкрепленная известными аргументами (разбойное прошлое и более полная отдача от гражданской, а не от военной сферы), «идет своим путем», предпочитая экономическую целесообразность», а не военное доминирование. Однако желание взять на себя больше ответственности и усилить свое присутствие за пределами страны увеличивает в определенных кругах Германии «опасения относительно взятого там курса на конфронтацию» [14, с. 17].

С другой стороны, как пишет доктор исторических наук, профессор-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «ВШЭ» В.П. Лукин, единство Германии было восстановлено как раз путем увязывания долгосрочных национальных задач с региональной и глобальной ответственностью, что как раз и позволяло не бередить исторические фобии соседей. В.П. Лукин утверждает: «Старая Германия на традиционных путях борьбы за величие потеряла все. Новая Германия, используя современные методы и строго соблюдая меру и баланс на каждом новом политическом зигзаге, не победила никого, но достигла в Европе почти всего, чего хотела» [15].

Дискуссия относительно того, реанимирует ли обновленная внешняя политика ФРГ «германский вопрос», остается открытой. Очевидно лишь то, что у Германии имеется достаточно ресурсного потенциала, чтобы увеличить свое влияние в международных делах, и она будет продолжать его наращивать. Однако несогласованность стратегий внешней политики и политики в области обороны свидетельствует об отсутствии в Германии четкого видения своей роли на международной арене и ее сильной подверженности внешним обстоятельствам. Из этого следует, что Берлину будет весьма сложно проводить независимую политику в такой ситуации, в связи с чем, скорее всего, она будет продолжать предоставлять в распоряжение союзникам свои ресурсы, а не использовать последние для реализации своих интересов.

Прежде чем делать выводы о характере корректировок парадигмы внешней политики ФРГ, необходимо проанализировать внешнеполитические акции, которые олицетворяют

собой парадигму в действии. Доказательством серьезных подвижек во внешней политике ФРГ являются немецкие инициативы на Ближнем Востоке, такие как экспорт вооружений в Иракский Курдистан в августе 2014 г. для снабжения отрядов курдской армии Пешмерга и декабрьское решение кабинета министров об отправке немецких военных консультантов для поддержки и обучения курдских военных. Поддержав курдов в борьбе с «Исламским государством», Германия впервые после Второй мировой войны нарушила свой основной принцип о запрете экспорта вооружений одной из воюющих сторон во время активной фазы конфликта. Решение отправить 100 немецких военных консультантов в Ирак, которые с января 2015 г. тренируют курдских солдат, и вовсе говорит об активном вовлечении в военный конфликт в регионе. В декабре 2015 г. в знак солидарности с Парижем немецкий парламент одобрил отправку 1200 военных на сирийский фронт, которые уже в январе 2016 г. начали осуществлять разведывательные миссии над территориями Сирии и Ирака. Такие решения позволяют сказать, что Германия официально допускает применение инструментов «жесткой силы» и воплощает тезис о «солидарной ответственности».

Свидетельством того, что Германия готова взять на себя больше ответственности, является также проведение в Берлине в октябре 2014 г. конференции по разрешению проблемы сирийских беженцев и увеличение размера двусторонней помощи содействия развитию в 2016 г. на 1 млрд евро, большую часть которого, по словам министра экономического сотрудничества и развития Г. Мюллера, предполагается направить в страны Ближнего Востока и Северной Африки [16]. Говоря о гуманитарных инициативах, стоит отметить также вклад Германии в размере 2,3 млрд долл. США в оказание финансовой помощи пострадавшим в результате сирийского конфликта, о чем было заявлено на донорской конференции в Лондоне 4 февраля 2016 г. Всего страны-доноры согласились выделить 10 млрд долл. США, и ФРГ стала самым крупным донором. Как заявил в своем интервью Ф.-В. Штайнмайер, комментируя это решение, «Германия тем самым взяла на себя ведущую роль в вопросе оказания гуманитарной помощи» [17].

Оценивая вышеприведенные официальные источники, высказывания официальных лиц Германии и внешнеполитические акции в Арабском Востоке, можно заключить, что Германия корректирует ценностные установки и подходы к решению глобальных проблем, что ведет к соответствующей корректировке внешнеполитической парадигмы. Помимо стремления разрешить накопившиеся аномалии, подвижки говорят о том, что Германия готова трансформировать свою геоэкономическую мощь в соответствующий политический вес в мировой политике. В частности, это выражается в том, что Германия выражает готовность брать на себя больше ответственности за безопасность не только в Европе, но и в соседних регионах. ФРГ осознала, что ей давно необходимо начать выдвигать политические инициативы, соразмерные ее возможностям и значению. Удастся ли Германии «не преуменьшать более своего значения» и использовать ресурсы союзников в своих интересах, вопрос остается открытым. Ведь свои экономические интересы она продолжает приносить в жертву, оставаясь приверженной американской «политике санкций» против России.

Начавшаяся корректировка парадигмы внешней политики ФРГ указывает на постепенное преодоление Германией старых комплексов и на ее решимость достичь такого уровня влияния, который бы соответствовал ее возможностям и интересам. Корректировка еще не завершена полностью, ведь количество аномалий, разрешить которые невозможно в рамках текущей парадигмы, продолжает возрастать. К их числу, например, добавились дезинтеграционные настроения в Европе, которые после проведенного референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе 23 июня 2016 г. стали серьезной угрозой сохранению влиятельности Европейского союза в мире. Однако «Brexit» одновременно дает Германии упрочить свои позиции в Европе, особенно в сфере безопасности. Насколько эффективно ФРГ воспользуется предоставленной возможностью, будет зависеть от германо-американских отношений, а точнее от способности Берлина проводить независимую от Вашингтона политику, ведь после выхода Великобритании из Евросоюза США будут активнее стремиться превратить Германию в проводника

своих интересов. Последовательная активизация военного и гуманитарного участия Германии в разрешении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке говорит об уверенном тренде на усиление роли инструментов «жесткой силы» в арсенале ее внешней политики. Чтобы избежать обвинений в милитаризации, Берлин, как и раньше, будет делать ставку на многосторонний формат и избегать односторонних действий. Вместе с тем последовательная коррекция внешней политики в сторону большей самостоятельности должна в результате привести к тому, что Германия в большей степени будет ставить во главу угла свои национальные интересы, а не союзнические обязательства.

Список литературы

1. Кун Т.С. Структура научных революций. М., 1975.
2. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 28-58.
3. Rede des Bundespräsidenten R. Herzog vor den Vereinten Nationen am 24. Oktober 1995 // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn, 1995. 28 Oktober. Bulletin № 122. S. 1019.
4. Erklärung der Bundesregierung durch den Bundesminister der Verteidigung, Dr. P. Struck, am 11. März 2004 in Berlin. URL: <https://www.bmvg.de> (accessed: 28.07.2016).
5. Deutschlands Zukunft Gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Rheinbach, 2013.
6. Review 2014 – Außenpolitik Weiter Denken. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/699336/publicationFile/202933/Review_Abschlussbericht.pdf (accessed: 28.07.2016).
7. Gauck J. Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen. München, 2014. 31 Januar. URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joa-chim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html> (accessed: 29.07.2016).
8. Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr // Bundesministerium der Verteidigung, Juni 2016. URL: <https://www.bmvg.de/portal> (accessed: 29.07.2016).
9. Rede der Verteidigungsministerin U. von der Leyen anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz. München, 2015. 6 Februar. URL: <https://www.bmvg.de> (accessed: 28.07.2016).

10. Шшиков В.В. Перспективы образования неоимперских центров в арабо-мусульманском мире: политологический анализ // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 4. С. 177-195.
11. Maull H.W. Deutsche Außenpolitik: zwischen Selbstüberschätzung und Wegducken // GIGA Focus Global. 2014. № 1. URL: https://giga.hamburg/de/system/files/publications/gf_global_1401_0.pdf (accessed: 29.07.2016).
12. European defense cooperation. State of play and thoughts on an EU army: Briefing. European Parliament, March 2015. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/551346/EPRS_BRI\(2015\)551346_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/551346/EPRS_BRI(2015)551346_EN.pdf) (accessed: 29.07.2016).
13. Haushaltsplan 2016. URL: http://www.bundeshaushalt-info.de/fileadmin/de/bundeshaushalt/content_de/dokumente/2016/soll/Haushaltsplan-2016.pdf (accessed: 29.07.2016).
14. Федоров В.П. Существует ли германский вопрос? // Германия. 2015: в 2 ч. / под ред. В.Б. Белова. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. Ч. 1.
15. Лукин В.П. О мечтах и стратегиях // Россия в глобальной политике. 2016. № 1.
16. BMZ Zahlen und Fakten – Haushalt. URL: http://www.bmz.de/de/ministerium/zahlen_fakten/haushalt/index.html (accessed: 29.07.2016).
17. Interview mit Außenminister Frank-Walter Steinmeier, erschienen // Rhein-Neckar-Zeitung. 2016. 10 März. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2016/160310-BM_RNZ.html (accessed: 28.07.2016).
5. *Deutschlands Zukunft Gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD* [Future of Germany. Coalition treaty between Christian Democratic Union of Germany, Christian Social Union and Social Democratic Party of Germany]. Rheinbach, 2013. (In German).
6. *Review 2014 – Außenpolitik Weiter Denken* [Review 2014 – Thinking about Foreign Policy]. Available at: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/699336/publicationFile/202933/Review_Abschlussbericht.pdf (accessed 28.07.2016).
7. Gauck J. *Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen. München, 2014. 31 Januar* [Germany's role in the world: Reflections on responsibility, norms and alliances. Munich, 2014. 31 January]. Available at: <http://www.bunde-spraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html> (accessed 29.07.2016).
8. Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr [White book about safety politics and about future of Federal Defence]. *Bundesministerium der Verteidigung* [Federal Ministry of Defence]. Available at: <https://www.bmvg.de/portal> (accessed 29.07.2016).
9. *Rede der Verteidigungsministerin U. von der Leyen anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz. München, 2015. 6 Februar* [Speech of the Minister of Defence U. von der Leyen on the occasion of the 51st Munich Safety Conference. Munich, 2015. 6 February]. Available at: <https://www.bmvg.de> (accessed 28.09.2016).

Reference

1. Kun T.S. *Struktura nauchnykh revolutsiy* [Structure of scientific revolution]. Moscow, 1975. (In Russian).
2. Lanshina T.A. «Myagkaya sila» Germanii: kultura, obrazovanie, nauka [Germany's Soft Power: Culture, Education, Science]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 28-58. (In Russian).
3. Rede des Bundespräsidenten R. Herzog vor den Vereinten Nationen am 24. Oktober 1995 [Speech by R. Herzog about Unity of Nationalities on 24th of October 1995]. *Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, bulletin* [Media and Information services of Federal Government, bulletin], 1995, no. 122. 28 October. S. 1019. (In German).
4. *Erklärung der Bundesregierung durch den Bundesminister der Verteidigung, Dr. P. Struck, am 11. März 2004 in Berlin* [Declaration of Federal Government made by Minister of Defence Dr. P. Struck on March, 11, 2004 in Berlin]. Available at: <https://www.bmvg.de> (accessed 28.07.2016).
5. *Deutschlands Zukunft Gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD* [Future of Germany. Coalition treaty between Christian Democratic Union of Germany, Christian Social Union and Social Democratic Party of Germany]. Rheinbach, 2013. (In German).
6. *Review 2014 – Außenpolitik Weiter Denken* [Review 2014 – Thinking about Foreign Policy]. Available at: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/699336/publicationFile/202933/Review_Abschlussbericht.pdf (accessed 28.07.2016).
7. Gauck J. *Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen. München, 2014. 31 Januar* [Germany's role in the world: Reflections on responsibility, norms and alliances. Munich, 2014. 31 January]. Available at: <http://www.bunde-spraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html> (accessed 29.07.2016).
8. Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr [White book about safety politics and about future of Federal Defence]. *Bundesministerium der Verteidigung* [Federal Ministry of Defence]. Available at: <https://www.bmvg.de/portal> (accessed 29.07.2016).
9. *Rede der Verteidigungsministerin U. von der Leyen anlässlich der 51. Münchner Sicherheitskonferenz. München, 2015. 6 Februar* [Speech of the Minister of Defence U. von der Leyen on the occasion of the 51st Munich Safety Conference. Munich, 2015. 6 February]. Available at: <https://www.bmvg.de> (accessed 28.09.2016).
10. Shishkov V.V. Perspektivy obrazovaniya neoimperskikh tse ntrov v arabo-musul'manskom mire: politologicheskii analiz [Prospects of Emerging Neo-imperial Centers in the Arab-Muslim World: Political Analysis]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*, 2014, vol. 9, no. 4, pp. 177-195. (In Russian).
11. Maull H.W. Deutsche Außenpolitik: zwischen Selbstüberschätzung und Wegducken [German Foreign Policy: between self-protection and to blend into the background]. *GIGA Focus Global*, 2014, no. 1. Available at: https://giga.hamburg/de/system/files/publications/gf_global_1401_0.pdf (accessed 29.07.2016).
12. *Briefing "European defense cooperation. State of play and thoughts on an EU army". European Parliament, March 2015*. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/551346/EPRS_BRI\(2015\)551346_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/551346/EPRS_BRI(2015)551346_EN.pdf) (accessed 29.07.2016).
13. *Haushaltsplan 2016* [Budgetsplan 2016]. Available at: <http://www.bundeshaushalt-info.de/>

- fileadmin/de.bundeshaushalt/content_de/dokumente/2016/soil/Haushaltsplan-2016.pdf (accessed 29.07.2016).
14. Fedorov V.P. Sushchestvuet li germanskiy vopros? [Is there Germanic affair?]. *Germaniya. 2015: v 2 ch.* [Germany. 2015: in 2 parts], ed. V.B. Belov. Moscow, Institute of Europe RAS, 2016. Part. 1. (In Russian).
15. Lukin V.P. O mechtakh i strategiyakh [About dreams and strategies]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in global affairs*, 2016, no. 1. (In Russian).
16. *BMZ – Zahlen und Fakten – Haushalt* [The Federal Ministry for Economic Cooperation and Development – Numbers and Facts – Budget]. Available at: http://www.bmz.de/de/ministerium/zahlen_fakten/haushalt/index.html (accessed 29.07.2016).
17. Interview mit Außenminister Frank-Walter Steinmeier [Interview with Foreign Minister Frank-Walter Steinmeier]. *Rhein-Neckar-Zeitung* [Rhein-Neckar-Newspaper]. Available at: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2016/160310-BM_RNZ.html (accessed 28.07.2016).
- Поступила в редакцию 17.08.2016 г.
Received 17 August 2016

UDC 94+327

FOREIGN POLICY FEDERAL OF REPUBLIC OF GERMANY AT THE MODERN STAGE: REVISION OF THE PARADIGM

Guzel Aidarovna KHANNANOVA

Assistant of International Relations' Theory and History Department

The Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russian Federation, 117198

E-mail: gzhelkaha@mail.ru

The main aspects of the German foreign policy paradigm and its revision at the modern stage are analyzed. The conceptual foundations and value systems of the foreign policy paradigm are analyzed. Closer consideration of the goals of the German foreign policy identified the alteration of its role in the international affairs. The analysis of the foreign policy strategy, presented as “Self-reflection on the perspectives of German foreign policy”, and the “White paper on German security policy and the future of the Bundeswehr” are aimed at the identification of the prerequisites of the German foreign policy rethinking. The influence of external factors on the Germany's approaches to the international engagement, which serve as paradigm anomalies and stipulate the revision of the paradigm are analyzed. In order to assess the paradigm shifts the latest statements and speeches of German senior government officials are considered. Special emphasis is put on the German security and defense policy. A conclusion is drawn about the growth of the significance of the hard power tools in the foreign policy of Germany, as well as about the prioritization of the “international responsibility” issue in the revision of the paradigm. It is also concluded that the main goal of the paradigm shifts is to transform economic power of Germany into political one.

Key words: foreign policy of Germany; foreign policy paradigm; multilateralism; defense policy; “White paper”

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-148-156

Информация для цитирования:

Ханнанова Г.А. Внешняя политика ФРГ на современном этапе: корректировка парадигмы // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 148-156. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-148-156.

Khannanova G.A. Vneshnyaya politika FRG na sovremennom etape: korrektirovka paradigmy [Foreign policy Federal of Republic of Germany at the modern stage: revision of the paradigm]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 148-156. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-148-156. (In Russian).

ПЕРЕМЕНЫ В КНДР: НЕЗАМЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

© **Илья Владимирович ДЬЯЧКОВ**

кандидат исторических наук, доцент кафедры японского,
корейского, индонезийского и монгольского языков

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 76

E-mail: dyachkov@naver.com

Возможность перемен в Корейской Народно-Демократической Республике долгое время была излюбленной темой рассуждений экспертов. Одни специалисты полагали, что они примут форму централизованных масштабных реформ, вследствие которых страна повторит судьбу или СССР, или Китая, другие же прогнозировали катастрофическое падение режима вследствие накопления внутренних противоречий или прорыва «железного занавеса». Тем не менее, структурные, принципиальные перемены в КНДР, похоже, уже произошли в результате сочетания проводимых властью аккуратных реформ и постепенного открытия страны в последние годы. Их основными последствиями стали рост уровня жизни населения, появление в Северной Корее множества новых, современных реалий и активно начавшееся имущественное расслоение. Преемственность власти и идеологических символов замаскировала изменения и сделала их не фактором дестабилизации обстановки, как ожидали многие, а фактором дополнительной стабилизации северокорейской государственности в ее сегодняшнем виде. Важность признания и изучения этой трансформации с практической точки зрения заключается в том, что для проведения продуманной и соответствующей российским интересам политики в отношении КНДР нельзя руководствоваться устаревшими представлениями о соседнем государстве: наш подход к нему должен выработываться с учетом происходящих там изменений.

Ключевые слова: Северная Корея; КНДР; реформы; переходное общество; стабильность

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161

Возможность перемен в Корейской Народно-Демократической Республике долгое время была излюбленной темой рассуждений корейстов. Специалисты по экономике прикладывали китайский и вьетнамский сценарий к северокорейским реалиям, оценивали хозяйственный потенциал Севера после перехода к рынку. Политологи рассуждали о том, как экономические реформы могут повлиять на режим: устоит ли он, погубит ли его либерализация, решится ли власть менять проверенную временем систему общественных отношений [1, с. 160-161].

Во всех подобных рассуждениях, как представляется сейчас, был один досадный, но почти неизбежный методологический недосмотр: мы преувеличивали статичность северокорейской системы. Во-первых, сама специфика и известная «реликтовость» КНДР в современном мире заставляет воспринимать ее как законсервированное, выпавшее из течения истории общество. Во-вторых,

освежать непосредственные впечатления о КНДР порой бывает довольно сложно, а вторичные источники информации зачастую весьма сильно отдалаются от реальности в ту или иную сторону. Конструируемая по таким фрагментам картина может быть верной или неверной с точки зрения совпадения с текущим моментом, но она почти всегда лишена динамики. В-третьих, – это касается в первую очередь российских специалистов – делая верный вывод о стабильности северокорейского государства и общества, эксперты порой путали стабильность и ригидность, неизменчивость [2, с. 106-107] (та же мысль у зарубежных авторов обычно подается как свидетельство косности и отсталости [3, р. 130-131]).

Из-за этого потенциальные перемены в КНДР, если они вообще возможны, казалось, должны произойти *революционно*, резко. Воображение рисовало одним специалистам централизованные масштабные реформы, вследствие которых страна повторит судьбу или СССР, или КНР, другим же – катастрофическое падение режима вследствие накопления внутренних противоречий или прорыва

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16-03-00602.

ва «железного занавеса» (например, почти 15 лет назад В.В. Михеев прогнозировал, что северокорейский режим вот-вот рухнет [4, с. 22-23]). Мысль о том, что Северная Корея может меняться *эволюционно*, постепенно, что изменения могут начаться с малого, но быть не менее принципиальными, чем при «революционном» сценарии, широкого распространения в экспертной среде не получила (хотя нельзя сказать, что она не звучала [5]).

Тем не менее, похоже, реальность оказалась именно такой. Северную Корею сегодня трудно сравнить с Северной Кореей пятилетней и тем более десятилетней давности. Весьма затруднительно быстро определить источник перемен, но легко назвать их приметы.

Наблюдения показывают, что уровень жизни северокорейцев в последние годы стабильно улучшается (хотя и остается в целом весьма низким). Примечательным является не простой рост среднего достатка (его уровень, разумеется, неодинаков в разные годы в любой стране и зависит от множества факторов), а появление ряда принципиально новых деталей северокорейской жизни. Так, в быт северокорейцев прочно вошли смартфоны, сотовое покрытие достаточно широко распространилось и за пределы столицы. Значительно изменился стиль одежды (в основном пока у женщин и детей) и выросло ее разнообразие. Современную жительницу Пхеньяна можно мысленно перенести на улицу южнокорейского города (пока, скорее, провинциального, а не Сеула), и она не будет выделяться на общем фоне. Заметно оживление строительства. Сектор услуг испытывает очевидный бум: количество развлекательных заведений и такси в Пхеньяне весьма велико, при этом вся эта инфраструктура ориентирована вовсе не на иностранцев и активно используется самими северянами (а это говорит, как минимум, о наличии определенного излишка дохода у обширной социальной группы). Разумеется, данные перемены заметны в первую очередь в столице, однако они проникают и в провинцию (а районы на границе с Китаем сами по себе становятся «очагом» новых веяний).

Специалисты связывают наблюдаемые процессы с реформами, начатыми новым лидером страны, Ким Чен Ыном, в 2013–2014 гг. (среди них, в частности, либерализация сельскохозяйственных отношений, предоставле-

ние экономических свобод предприятиям и т. п.) [6]. С ними, похоже, солидарны и сами северокорейцы: повышение уровня жизни воспринимается ими в первую очередь как заслуга власти.

При этом многие эксперты, особенно зарубежные, сегодня не замечают, что нынешние северокорейские реформы, похоже, действительно приводят к структурным изменениям в жизни общества. Такую «слепоту» нередко можно объяснить конъюнктурными соображениями, но идеологическая кампания, сопровождающая эти мероприятия в КНДР, действительно мало отличается от информационного фона прошлых лет. Северокорейская пропаганда с той же живостью описывала и худшие времена, а слова «революция» и «революционность» используются ею для описания повседневности уже не одно десятилетие. Реформы, в которые трудно поверить, можно также и не заметить, особенно если не видеть ситуацию в стране непосредственно.

Однако сознательные действия власти, похоже, лишь один из факторов изменения ситуации. Свою роль играют и глобальные процессы, в которые КНДР вовлечена больше, чем может показаться. Страна сегодня достаточно открыта в информационном плане. По свидетельствам перешедших на Юг северян, молодежь хорошо знакома с южнокорейским образом жизни по сериалам, телешоу, музыке и другим продуктам массовой культуры, которые распространяются пусть подпольно, но весьма широко. Помимо этого, тысячи северокорейцев ежегодно отправляются на заработки за границу в Россию, Китай, страны Центральной и Восточной Европы, арабского Востока, привозя домой не только деньги, но и впечатления о зарубежье.

Незаметно произошедшая эрозия информационной блокады не стала губительной для режима, как ранее предполагалось. Похоже, северокорейцы, видя иной образ жизни, скорее, обращаются не к мысли «власти виноваты в том, что мы так не жили», а к мысли «мы тоже так можем, если постараемся» (что вполне соответствует корейскому национальному характеру). Власть, в свою очередь, давно заметила этот процесс и даже «благословила» идеологически: перед Университетом им. Ким Ильсона (Ким Ир Сена) посетителей встречает лозунг «Ногами стой

на своей земле, глазами смотри на мир!» («자기 땅에 발 붙이고 눈은 세계를 보라»), выдвинутый еще Ким Чжонилем (Ким Чен Иром) в 2010 г. [7].

С точки зрения внешней политики и безопасности, наблюдаемые сегодня в КНДР процессы интересны еще потому, что и в официальной пропаганде, и в глазах населения экономический подъем сопряжен с развитием ядерной сферы. Такое сочетание подсаказано властью в лозунге «пенджин носон» (병진노선, «линия [на развитие] плечом к плечу»). Эта «новая» концепция следует канве одноименной кампании параллельного военного (тогда еще не ядерного) и экономического строительства, начатого в 1962 г., когда КНДР не добилаь военной помощи от СССР на безвозмездной основе. Северокорейское руководство прилагает немало усилий и для реального развития сферы высоких технологий, и для поддержания соответствующего такой ориентации имиджа: ядерные и ракетные успехи здесь весьма важны. Внутренняя аудитория видит в них вовсе не обоснование «затягивания поясов», а напротив – подтверждение улучшения жизни и чуть ли не локомотив перемен. На этом фоне международные санкции в отношении Пхеньяна не вызывают понимания не только у власти, но и у населения. Едва ли северокорейцы захотят под давлением изменить тот самый курс, который, по их мнению, улучшает их жизнь.

Разумеется, новые времена приносят рядовым северокорейцам не только хорошее. Закономерными последствиями перехода к новой жизни являются усиливающееся имущественное расслоение, а также существенный контраст между «официальной» и «реальной» экономикой. Месячная зарплата представителя северокорейского «среднего класса» порой меньше одного доллара США по рыночному курсу (сейчас – около 8000 вон за доллар) и сравнима с коммерческой ценой пары порций мороженого в уличном киоске. При этом коммерческие заведения не теряют клиентов, а «средние» пхеньянцы находят способы достать средства не только на мороженое, но и на сотовые телефоны, такси и другие дорогие услуги и развлечения. Примечательная черта времени: в пхеньянских музеях на входе можно заметить преискурант с расценками (опять же, сравнимыми

со средней месячной зарплатой) на фото- и видеосъемку (3000 и 5000 вон соответственно), в том числе – отдельно – на камеру телефона (2000 вон).

Провинция, как и в любой другой стране, отстает от столицы, но власть, организуя экскурсии в Пхеньян для детей и взрослых из регионов, планомерно знакомит их с новым образом жизни. Так, не случайно «накачивание» посетителями «Храма науки и техники» (과학기술전당) Пхеньянского политехнического музея, где, очевидно, воспитательно-образовательным целям служит не только и не столько экспозиция, но и инфраструктура: турникеты с карточками на входе, сенсорные экраны с информацией и пр.

Почти парадоксальное сочетание общей экономической неустроенности, а также принципиальной доступности и довольно широкого распространения новых благ во многом напоминает Россию начала 1990-х гг. Есть еще одно сходство: и тогдашняя Россия, и сегодняшняя КНДР – общества, где перемены уже произошли. Что стало их причиной – намеренные действия власти, их непредвиденные последствия, внешнее влияние или сумма факторов – вопрос для историков. С точки зрения насущных политических нужд необходимо понимать: Северная Корея изменилась незаметно, но принципиально. Обратимы ли эти перемены? Любые перемены обратимы, если для этого сложатся подходящие условия. Исходя из истории КНДР, «реконсервацию» представить себе достаточно просто, но сегодня она крайне маловероятна и в силу структурного характера трансформации, и в силу того, что новые реалии не дестабилизируют ни власть, ни общество.

Вернемся к заголовку статьи. Почему революцию не заметили? Многие эксперты не угадали ее сценарий: крупные перемены незаметно выросли из сочетания мелких и на первый взгляд малозначительных влияний. Сами северокорейцы, похоже, тоже не обратили внимание на «революцию»: для них она стала лишь планомерным следствием политики руководства, а оно – сознательно или неосознанно – не стало менять ни стиль, ни язык управления. Преемственность власти и идеологических символов замаскировала перемены и сделала их не фактором дестабилизации обстановки, как ожидали многие, а фактором *дополнительной стабилизации се-*

верокорейской государственности в ее сегодняшнем виде.

Следует подчеркнуть, что автор данной статьи, говоря о переменах в КНДР, не стремится дать этим процессам или действиям руководства этой страны какую-либо оценку. Речь ни в коем случае не идет о том, что Северная Корея «была плохая, а стала хорошая» или же «была хорошая, а стала очень хорошая», подобные тезисы чужды науке. Для проведения грамотной, продуманной политики в отношении КНДР, которая соответствовала бы интересам России, нельзя руководствоваться устаревшими представлениями о соседнем государстве: оно существенно изменилось в последние годы, и наш подход к нему должен вырабатываться с учетом этого факта.

Список литературы

1. Панкина И.Ю. Политика «сонгун» в КНДР: причины возникновения, развитие и особенности // Корея: на пороге перемен: доклады, представленные на 12 научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. С. 160-161.
2. Суслина С.С. Экономика современной Северной Кореи: пути развития и сотрудничества // Корейский полуостров: накануне перемен: доклады, представленные на 16 научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 106-107.
3. Kim S.S. North Korea and Northeast Asia // Tai Hwang Lee. USA, Lanham: Rowman and Littlefield, 2002. P. 130-131.
4. Михеев В.В. Будущее КНДР в свете новой международной ситуации // Корейский полуостров и вызовы XXI в.: доклады, представленные на 6 научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 22-23.
5. Корейский полуостров: взгляд из Пхеньяна. Интервью с В.Е. Сухининым. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top-content (дата обращения: 05.07.2016).
6. Захарова Л.В. Экономические факторы стабильности КНДР // Корея: 70 лет после освобождения. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. С. 299-302.
7. 김일성종합대학 전자도서관 준공 = Завершено создание электронной библиотеки Университета им. Ким Ильсона (Ким Ир Сена). URL: <http://www.kcna.co.jp/calendar/2010/04/04-14/2010-0414-023.html> (accessed: 05.07.2016).

References

1. Pankina I.Yu. Politika «songun» v KNDR: prichiny vzniknoveniya, razvitie i osobennosti [Songun Policy in the DPRK: Sources, Evolution and Features]. *Doklady, predstavlenyye na 12 nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG «Koreya: na poroge peremen»* [Proceedings of the 12th academic conference of koreanists in Russia and ex-USSR countries "Korea: On Threshold of Changes"]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2008, pp. 160-161. (In Russian).
2. Suslina S.S. Ekonomika sovremennoy Severnoy Korei: puti razvitiya i sotrudnichestva [Present Situation in North Korea's Economy: Ways of Development and Cooperation]. *Doklady, predstavlenyye na 16 nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG. «Koreyskiy poluostrov: nakanune peremen»* [Proceedings of the 16th academic conference of koreanists in Russia and ex-USSR countries "Korean Peninsula: the day before changes"]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2012, pp. 106-107. (In Russian).
3. Kim S.S. *North Korea and Northeast Asia*. Tai Hwang Lee. USA, Lanham, Rowman and Littlefield, 2002, pp. 130-131.
4. Mikheev V.V. Budushchee KNDR v svete novoy mezhdunarodnoy situatsii [North Korea's future in a new international situation]. *Doklady, predstavlenyye na 6 nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG «Koreyskiy poluostrov i vyzovy XXI v.»* [Proceedings of the 6th academic conference of koreanists in Russia and ex-USSR countries "Korean Peninsula and Challenges of XXI century"]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2002, pp. 22-23. (In Russian).
5. *Koreyskiy poluostrov: vzglyad iz Pkhen'yana. Interv'y u V.E. Sukhininym* [Korean half-island: opinion from Pyohgyang]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top-content (accessed 05.07.2016).
6. Zakharova L.V. Ekonomicheskie faktory stabil'nosti KNDR [Economical factors of stability in DPRK]. *Koreya: 70 let posle osvobodzheniya* [Korea: 70 years after liberation]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies RAS Publ., 2015, pp. 299-302. (In Russian).
7. 김일성종합대학 전자도서관 준공 [Electronic Library of the University named after Kim Ir Sen completed]. Available at: <http://www.kcna.co.jp/calendar/2010/04/04-14/2010-0414-023.html> (accessed 05.07.2016).

Поступила в редакцию 22.08.2016 г.
Received 22 August 2016

UDC 94

CHANGES IN DPRK: PLAIN REVOLUTION

Ilya Vladimirovich DYACHKOV

Candidate of History, Associate Professor of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages Department
Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
76 Vernandskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: dyachkov@naver.com

Possible change in North Korea is a topic that experts have been actively discussing for quite some time now. Some analysts thought that the North Korean authorities will initiate wide-scale reforms citing Soviet Union's and China's examples as possible outcomes, while others expected the regime to crumble either under its own weight or external pressure when the iron curtain falls. Nevertheless, the DPRK has already undergone largely unnoticed structural, fundamental transformations as a result of careful reforms initiated by the state and the country's gradual opening to the world in recent years. Consequently, overall quality of living started to improve and the country was introduced to numerous elements of modern life, income inequality among them. Continuity of administrative methods and ideology helped to disguise the change and made it into an additional stabilizing factor for the North Korean state rather than a catalyst of its downfall. It is important to acknowledge and study this transformation, because our policy toward the DPRK must be well thought out and reflect Russian interests, which would prove impossible should it be based on outdated information about the neighboring country: our approach must consider the changes that happen there.

Key words: North Korea; DPRK; reform; transitional society; stability

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161

Информация для цитирования:

Дьячков И.В. Перемены в КНДР: незаметная революция // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 157-161. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161.

Dyachkov I.V. Peremeny v KNDR: nezametnaya revolyutsiya [Changes in DPRK: plain revolution]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 157-161. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-157-161. (In Russian).

УДК 94

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»

26–28 августа 2016 г. в Тамбове на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина состоялась Международная научная конференция «Социальная история Второй мировой войны» с участием ученых из 9 зарубежных стран и ведущих российских научных учреждений.

Ключевые слова: Вторая мировая война; плен; военнопленные; лагеря военнопленных Тамбовской области

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-162-166

В Тамбове на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина 26–28 августа 2016 г. состоялась Международная научная конференция «Социальная история Второй мировой войны». Конференция прошла при финансовой поддержке гранта РГНФ по Грантовому соглашению (договору) № 16-01-14045/16 от 6 мая 2016 г. Кураторами конференции выступили Институт российской истории РАН, представитель Тамбовской области в Совете Федерации А.С. Кондратьев, Тамбовская областная дума, мэрия г. Тамбова. На конференции был представлен 51 доклад, участвовали 56 исследователей, представлявшие 9 зарубежных стран и ведущие российские научные учреждения. Возрастной состав участников находился в границах 20–74 лет. Особенно отрадно было слышать доклады молодых исследователей, в том числе и аспирантов, что дает возможность надеяться на продолжение изучения данной научной проблемы в дальнейшем.

В основе тематики конференции лежала проблема плена в годы Второй мировой войны. На эту тему было предложено взглянуть как на часть общего хода войны и ее влияния на послевоенное устройство мира. Дружеская атмосфера конференции, возможность пообщаться с представителями разных научных школ, взаимопонимание и заинтересованность создали атмосферу плодотворного научного диалога. Интересный фон для проведения конференции создали подготовленные В.Л. Дьячковым (Тамбов) фотовыставки архивных материалов, фотографий и документов из семейных собраний студентов и преподавателей Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина: «Военнопленные в лагерях Тамбовской области» (90 фотографий); «Советские люди фронта и тыла Великой Отечественной войны» (550

фотографий). Обе выставки запрошены для экспозиции в Люксембурге и Франции (Страсбург).

На открытии конференции с приветственными словами выступили ректор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат юридических наук В.Ю. Стромов, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А.В. Кондратьев, первый заместитель председателя Тамбовской областной думы профессор В.М. Юрьев, которые отметили важность проведения такой конференции в сложный политический момент, возможность общения исследователей разных стран между собой по острой дискуссионной проблеме.

На пленарном заседании первой выступила доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН И.В. Быстрова. В ее докладе «Личные контакты между советскими людьми, американцами и англичанами в годы Великой Отечественной войны» были проанализированы факты повседневных отношений военных трех союзных стран.

Известный специалист по истории войн XX века профессор Д. Байрау (Тюбингенский университет, Германия) выступил с докладом на тему «Немецкие военнопленные в Советском Союзе: переживая военное поражение и нравственную катастрофу». Он рассмотрел проблему влияния поражения нацистской Германии на моральное состояние пленных, которые после окончания войны вернулись обратно на Родину. Автор отметил слабое воздействие антифашистской пропаганды, проводимой советским руководством, на взгляды большинства военнопленных немцев.

Доктор исторических наук, профессор В.Б. Жиромская (заведующая Центром изу-

чения территории и населения России ИРИ РАН) затронула проблему демографических последствий Второй мировой войны на послевоенное развитие СССР. О проблемах, возникших по возвращению военнопленных люксембуржцев, насильно призванных в немецкую армию и оказавшихся в тамбовском лагере № 188, деятельности правительства Люксембурга в изгнании рассказал в своем докладе первый советник по Люксембургскому государству Ж.-К. Милле. Он проследил всю процедуру переговоров люксембургского правительства в изгнании с советским руководством о возвращении их военнопленных на Родину.

Доклад кандидата исторических наук, доцента В.Л. Дьячкова (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) был посвящен определению безвозвратных военных и гражданских потерь СССР во Второй мировой войне. Доклад базировался на общероссийской и региональной статистике, материалах Книг Памяти, ОБД «Мемориал», первичных данных учета движения населения, а также авторских электронных баз данных. Повышенный интерес вызвали представленные автором оригинальные графические и картографические материалы.

В докладе профессора К. Фефермана (Ариэльский университет, Израиль) была поднята тема ислама в СССР в период Второй мировой войны, влияния исламского фактора, который пытались разыграть правящие круги нацистской Германии и СССР.

Доктор исторических наук, профессор В.В. Канищев (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) в своем докладе охарактеризовал проблемы повседневной жизни населения Тамбовской области в 1943–1948 гг., испытавшего все тяготы войны и напряженного послевоенного периода.

В конце пленарного заседания прошла презентация двух книг. Переводчик и свободный исследователь Л.Е. Шендерова (Санкт-Петербург–Страсбург) представила книгу бывшего французского военнопленного Ш. Митчи «Тамбов. Хроника плена. Воспоминания», а Ю.А. Мизис – сборник «Война и люди: «мы» и «они» на изломе Второй мировой», подготовленный по материалам Международной научной конференции, прошедшей в университете г. Люксембург 5 мая

2015 г. Оба издания, надеемся, внесут весомый вклад в изучение проблем плена в годы Второй мировой войны.

В ходе дальнейшей работы конференции действовали три секции.

На первой секции «Вторая мировая война: люди и социальные структуры» было заслушано 13 докладов и сообщений. Доктор исторических наук, профессор Т.И. Трошина (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск) показала особенности приема, расселения, обеспечения работой и социальной поддержкой беженцев, эвакуированных в Архангельскую область. Эти особенности были связаны с огромными размерами региона (трудности контроля над перемещениями беженцев) и составом эвакуированных (женщины и дети, не готовые работать в суровых северных условиях).

Доктор исторических наук, профессор А.В. Посадский (Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, Саратов), говоря о структурных и психологических переменах в саратовском селе в период между Первой мировой и Великой Отечественной войнами, привел конкретные примеры поведения «героев» Первой мировой и Гражданской войн в период Великой Отечественной войны. Кандидат исторических наук, доцент Р.Б. Кончаков (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) в докладе о железнодорожниках периода Великой Отечественной войны представил описание вагонов, в которых перевозились военнопленные германской и союзных армий. Как выяснилось, эти вагоны почти не отличались по «комфортности» от тех, в которых отправлялись на фронт красноармейцы. Магистрант Н.Д. Пригодич (Санкт-Петербургский государственный университет) сообщил о конкретных проявлениях взаимодействия советских и американских Военно-воздушных сил на Восточном фронте в ходе Второй мировой войны.

Немалый интерес вызвал доклад кандидата исторических наук И.В. Петрова (Санкт-Петербургский государственный университет) об отношениях Русской православной церкви и советской власти в годы Второй мировой войны. Автор поставил вопрос о том, что политика советских властей, направленная на сотрудничество с лояльными

священниками, не изменилась в сравнении с 1920–1930 гг. В ярком выступлении кандидата исторических наук, доцента И.Р. Блохиной (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина), подготовленном совместно с Э.П. Степановой (музей истории Тамбовского драмтеатра), было рассказано о вкладе актеров Тамбовского драматического театра в поднятие боевого духа воинов местного гарнизона и патриотических настроений жителей Тамбова.

Доктор исторических наук, профессор В.В. Миронов (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) поставил вопрос о том, что антропологические измерения русских военнопленных в годы Первой мировой войны в Австро-Венгрии можно считать предвестником нацистской расологии периода Второй мировой войны. В докладе кандидата исторических наук К.А. Болдовского (Санкт-Петербургский государственный университет) отмечен вопрос субъективности общества в блокадном Ленинграде. В совместном выступлении Ф.А. Докучаева (Московский государственный институт культуры) и А.А. Евтеева (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) была раскрыта очень интересная тема об отражении особенностей восприятия Великой Отечественной войны в письмах домой воинов Красной армии и военнопленных германской армии.

Кандидат исторических наук Г.В. Дьячков (Лицей № 6, Тамбов) представил количественные результаты просопографического анализа Героев Советского Союза. Кандидат исторических наук С.А. Козадаев (Тамбовская областная дума) показал, как в воспоминаниях жителей ближнего тыла периода Великой Отечественной войны отразились отношения советской власти и общества. Аспирант А.Н. Косенков (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) предложил взгляд на Великую Отечественную войну как формирующий фактор провинциальной социально-политической элиты второй половины XX века. И.И. Муравьева (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области) конкретизировала вопрос о жизнеобеспечении «детей войны» на территории области. Настроения людей советского ближнего тыла по их дневникам, письмам и воспоминаниям

проанализировал аспирант А.В. Жигульский (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина).

Очень деликатную тему о корейских «женщинах для удобства» офицеров и солдат японской армии периода Второй мировой войны рассмотрел кандидат исторических наук И.В. Дьячков (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России). Данный сюжет, как объяснил докладчик, до сих пор является спорным моментом в отношениях Японии и Южной Кореи.

В основу работы второй секции «Военнопленные армий противника в советских лагерях» были положены доклады иностранных исследователей, освещавшие различные стороны пребывания их земляков – военнопленных советских лагерей. Р. Бати (Страсбургский университет, Франция) рассказал о жизни и судьбе французов, находившихся в плену в лагерях Тамбовской области. Доклад М.-Т. Джусты (Университет Габриэле д' Аннунцио, Италия) был построен на анализе воспоминаний итальянцев, попавших в тамбовские лагеря военнопленных.

Весьма продуктивно дополнили друг друга доклады Т. Старка (Венгерская Академия наук) и доктора исторических наук, профессора А.Г. Айрапетова (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) по единой теме «Венгерские военнопленные в советских лагерях в годы Второй мировой войны». Судьбу австрийских военнопленных в советских лагерях (в частности, в лагерях Тамбовской области) проследил Д. Бахер (Институт Людвиг Больцмана по изучению последствий войн, Германия). М. Списсер (независимый исследователь, Франция) посвятил свое выступление непростой проблеме послевоенной «травмы Тамбова» в памяти жителей Эльзаса и Мозеля. Доклад Р. Нахтигала (Фрайбургский университет, Германия) раскрыл тему традиций, разрывов и новелл действия в двух мировых войнах международного права в отношении военнопленных.

Большой интерес у участников секции вызвали доклады наших российских коллег. Доктор исторических наук М.Н. Потемкина и кандидат исторических наук А.Е. Любецкий (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова) предло-

жили детальный анализ количества, структуры и размещения военнопленных в лагерях Челябинской области в 1944–1950 гг. Кандидат исторических наук В.Т. Рощупкин (Академия военных наук, Москва) осветил тему политических, международно-правовых и социально-правовых проблем пребывания японцев в советском плену в 1945–1956 гг. Понятный особый интерес аудитории вызвало сообщение тамбовских археологов Н.Б. Моисеева и Д.Н. Моисеева о вскрытии и находках в санитарном захоронении военнопленных у пос. Хоботово Тамбовской области.

В третьей секции «Труд и быт военнопленных в советских лагерях и странах Европы» часть докладов была посвящена труду военнопленных в советских лагерях. Профессор А.Л. Кузьминых (Волгоградский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний) провел сравнение двух пенитенциарных учреждений СССР ГУЛАГА и ГУПВИ, отметил их немалую схожесть и определенные отличия. Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, ученый секретарь Центра военной истории Б.У. Серазетдинов (Москва) проследил использование труда военнопленных в Сибири. Кандидат исторических наук Т.А. Кротова (Государственный архив Тамбовской области) сообщила итоги анализа повседневной жизни военнопленных в лагерях Тамбовской области. Аспирант Центра военной истории ИРИ РАН С.П. Ким отметил особенности использования труда японских военнопленных в народном хозяйстве Сибири и Дальнего Востока в период 1945–1956 гг. Мэр города Фаребершвиллер, генеральный советник Кантона Л. Кляйненц подробно остановился на эпизоде строительства шлюза в районе г. Тамбов французскими военнопленными в годы Второй мировой войны. Сообщение было проиллюстрировано специальным документальным авторским фильмом.

Другой проблемой, рассмотренной на конференции, стала репатриация военнопленных из советских лагерей на родину. В докладах доктора исторических наук, профессора Ю.А. Мизиса (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) был рассмотрен комплекс проблем, связанный с подготовкой начиная с 1944 г. массового возвращения военнопленных из тамбовских лагерей. Отмечена огромная организа-

ционная работа с большими финансовыми затратами, проделанная органами НКВД и другими советскими государственными структурами. В.А. Всеволодов, профессор Отделения военной истории (Академия военных наук, Москва) показал, как шла репатриация немецких военнопленных из СССР. В совместном докладе директора Государственного архива новейшей истории Белгородской области Ю.В. Коннова и сотрудника архива И.А. Стерлевой был проведен анализ редко используемых в научных исследованиях фильтрационно-проверочных дел, которые готовились для репатриации военнопленных домой. Профессор Ф. Фрелиг (университет Содерторн, Стокгольм) дала характеристику юридических, социальных и психологических проблем, которые возникли у военнопленных, вернувшихся на родину в Эльзас-Мозель (Франция).

Целый комплекс докладов был посвящен проблемам лагерей военнопленных в странах Европы в годы Второй мировой войны. Научный сотрудник ИРИ РАН К.С. Дроздов (Москва) использовал материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР по положению советских военнопленных в немецких лагерях на временно оккупированной территории СССР. Директор центра региональной истории К. Лежъен (Бельгия) отметил сохранение в памяти бельгийцев факта существования лагеря русских пленных в Бельгии. И.В. Гэншоу (университет Земли Саар, Саарбрюкен, Германия) рассмотрела пребывание советских военнопленных и восточных рабочих в Люксембурге в годы Второй мировой войны.

Профессор Российского государственного гуманитарного университета, сопредседатель Центра «Холокост» И.А. Альтман сравнил судьбы японского дипломата Ч. Сугихара и шведского общественного деятеля Р. Валленберга в советском плену. Доктор исторических наук, профессор П.П. Щербинин (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) остановился на вопросе о восприятии Первой и Второй мировых войн детьми-беженцами с точки зрения военного опыта и повседневной жизни. Аспирант А.Г. Топильский (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина) показал роль греко-католиков Западной Украины в годы Второй мировой войны

в создании местных органов управления, а также настроения и поведение священнослужителей и паствы в условиях военного времени.

Конференция завершилась общим «круглым столом», на котором было заслушано сообщение К. Митчи (Франция) о своем отце и памяти о пребывании его в тамбовском лагере № 188 в их семье.

В заключение были подведены итоги прошедшей конференции. Отмечена актуальность выбранной темы и необходимость ее дальнейшего изучения как с точки зрения дальнейшего сбора разнообразных источников, так и с точки зрения более глубокого анализа социальных процессов Второй мировой войны, истории лагерей военнопленных и проблем, связанных с ними. В ходе обсуждения выявились некоторые «слабости» и дискуссионные вопросы изучения темы. Особенно речь шла о необходимости ухода от простого описания разрозненных сюжетов из прошлого, выявления и осмысления пружин исторических событий, явлений и процессов. К сожалению, у зарубежных авторов еще проявляются предвзятость, исторические мифы, клише типа «презумпции виновности»

России-СССР. Зарубежные историки в основном описывают военные и послевоенные страдания и переживания «своих» от пребывания в плену в стране, состоящей из негативных компонентов (власть, идеология, люди, климат, питание, быт и т. п.), но забывают о трудных судьбах «наших» пленных в «их» плену и тяготах жизни советских людей в послевоенные годы, которые нередко были тяжелее, чем у военнопленных в лагерях на территории СССР.

И все-таки были высказаны предложения продолжить встречи на таком высоком научном уровне в дальнейшем. Итогом работы международной конференции станет выход сборника материалов.

В целом «послевкусие» от конференции – замечательное!

к. и. н., доцент В.Л. Дьячков
д. и. н., профессор В.В. Канищев
д. и. н., профессор Ю.А. Мизис

Поступила в редакцию 30.08.2016 г.
Received 30 August 2016

UDC 94

CONFERENCE “SOCIAL HISTORY OF WORLD WAR II”

On 26–28 August 2016 in Tambov the International Scientific Conference “Social History of World War II” was held on the basis of Tambov State University named after G.R. Derzhavin with participation of scientists from 9 foreign countries and leading Russian scientific institutions.

Key words: World War II; captivity; enemy prisoners of war; PW camps of Tambov region

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-162-166

Информация для цитирования:

Дьячков В.Л., Канищев В.В., Мизис Ю.А. Конференция «Социальная история Второй мировой войны» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 162-166. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-162-166.

Dyachkov V.L., Kanishchev V.V., Mizis Yu.A. Konferentsiya «Sotsial'naya istoriya Vtoroy mirovoy voyny» [Conference “Social history of World War II”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 162-166. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-162-166. (In Russian).